

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2021 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

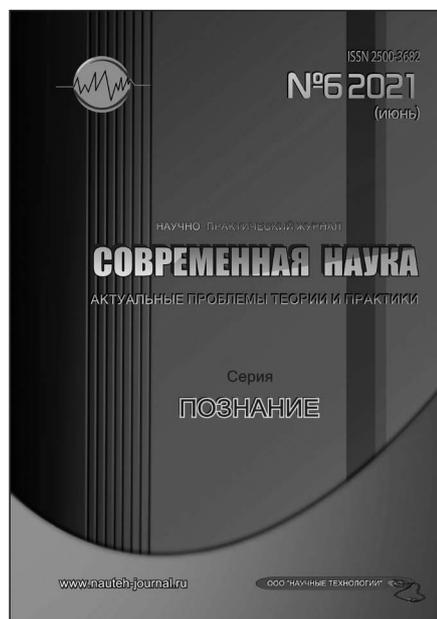
Подписано в печать 26.06.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №6 (июнь) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

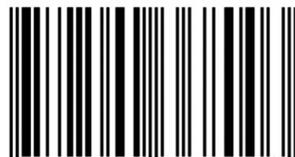
Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Гольшиева И.В.** – Влияние творческой элиты на культурную политику России XXI века
Golysheva I. – The influence of the creative elite on the cultural policy of Russia in the XXI century 5
- Кулиева Л.А.** – «Публичная дипломатия» как одна из форм культурной политики России, поддерживаемая ЮНЕСКО
Guliyeva L. – "Public diplomacy" as one of the forms of cultural policy in Russia supported by UNESCO 9
- Максуд Марлен** – Интерпретация византийской музыкальной традиции в христианской культуре Сирии
Maksoud Marilyn – Interpretation of byzantine musical tradition in the Christian culture of Syria 14
- Петрова С.И.** – Осмысление художественной культуры: ценностный и прагматологический подход
Petrova S. – Understanding artistic culture: a value and praxiological approach..... 19
- Сачкова Н.А.** – Творческая деятельность в системе инкультурации молодежи: прикладные аспекты воздействия
Sachkova N. – Creative activity in the system of youth inculturation: applied aspects of impact 22
- Скопа В.А.** – Сетевое творчество как новый тип культуры
Skopa V. – Networked creativity as a new type of culture..... 27
- Торосян В.Г., Боровик М.В.** – Особенности цензуры и самоконтроля СМИ в процессе формирования демократического общества
Torosyan V., Borovik M. – Characteristic of media censorship and self-control in the process of forming a democratic society 31

Психология

- Астраханцева Ю.Л., Варнин А.В., Главатских М.М.** – Влияние вербального интеллекта и психологических особенностей личности на поведение в конфликте участников интернет-форумов
Astrakhantseva Ju., Varnin A., Glavatskikh M. – The impact of verbal intelligence and personal psychological singularities on the conflict behaviour of Internet forum users..... 35
- Бугаева А.М.** – Взаимосвязь ценностей и удовлетворенности браком
Bugaeva A. – Relationship between values and marital satisfaction 39
- Будауд К.** – Социокультурные факторы формирования профессиональной идентичности (Социализация и корпоративная культура как существенные факторы формирования профессиональной идентичности)
Budaud K. – Sociocultural factors in the formation of professional identity (Socialization and corporate culture as essential textures of the formation of professional identity)..... 45
- Дарвиш Шаза** – Изучение стилей мышления по теории Стейнберга
Darwish Shaza – Study of thinking styles according to Steinberg's theory..... 51
- Евсюк А.В.** – Нейтрализация негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих в локальных войнах и вооруженных конфликтах: современный опыт иностранных армий
Evsyuk A. – Neutralization of negative information and psychological impact on military personnel in local wars and armed conflicts: modern experience of foreign armies 56

Заводов А.О., Беяцкая А.Я., Жан Беккио, Болсун С.А. – Терапия активацией сознания (ТАС) в работе клинического психолога с проблемой панических атак у пациентов <i>Zavodov A., Byalyatskaya A., Jean Becchio, Bolsun S.</i> – Consciousness activation therapy (TAS) in the work of a clinical psychologist with the problem of panic attacks in patients. 64	Чаплыгин С.С., Ровнов С.В., Мазанкина Е.В., Беляев П.А. – Поведение человека в трудовом коллективе в зависимости от его субъективного опыта, личностных характеристик и мотивации <i>Chaplygin S., Rovnov S., Mazankina E., Belyaev P.</i> – Human behavior in the social group depending on his subjective experience, personal characteristics and motivation. 99
Кузьмин М.Ю., Миронова Е.И., Киселева А.А., Филинова Е.А., Осипенок О.А. – Кризис идентичности и ее связь с толерантностью к неопределенности <i>Kuzmin M., Mironova E., Kiseleva A., Filinova E., Osipenok O.</i> – Identity crisis and its relation to the tolerance to ambiguity. 70	Штрикер Ю.Д., Савосин С.В., Костригин А.А. – Взаимосвязь социального интеллекта, эмоционального интеллекта и алекситимии у молодежи <i>Shtriker Yu., Savosin S., Kostrigin A.</i> – The relationship of social intelligence, emotional intelligence and alexithymia in youth 102
Матрохина А.П., Хаидов С.К. – Особенности развития мотивации достижения старших подростков с нарушением зрения <i>Matrokhina A., Khaidov S.</i> – Peculiarities of development of need for achievement among older teenagers with visual impairment 76	Философия
Никифорова С.В. – Взаимосвязь показателей психологического благополучия и образа тела у женщин зрелого возраста <i>Nikiforova S.</i> – Relationship relationship of psychological well-being and body image in mature women 79	Кочарский Л.С. – Классическое евразийство и современность <i>Kocharsky L.</i> – Classical Eurasianism and modernity 109
Петроченко И.А., Щелин И.В. – Особенности эмоционального интеллекта подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми <i>Petrochenko I., Shchelin I.</i> – Features of emotional intelligence of teenagers with different degrees of interest in computer games 84	Салих Аумед Хама-али Салих – К вопросу о самосознании человека в кризисных условиях торжества технического прогресса <i>Salikh Aumed Khama-ali Salikh</i> – On the question of human self-consciousness in the crisis conditions of the triumph of technological progress 112
Уланова А.О., Хаидов С.К. – Особенности развития уровня притязаний старших подростков с нарушением зрения <i>Ulanova A., Khaidov S.</i> – The developmental characteristics of older adolescents' level of aspiration with visual impairment. 90	Салих Аумед Хама-али Салих – Бунт как конец рабства в философии А. Камю <i>Salikh Aumed Khama-ali Salikh</i> – Revolt as the end of slavery in the philosophy of A. Camus 117
Феоктистова Ю.С. – Особенности проявления самостоятельного и ответственного поведения младшими школьниками с интеллектуальной недостаточностью, в условиях заданной ситуации <i>Feoktistova Yu.</i> – Features of the manifestation of independent and responsible behavior by primary school students with intellectual disabilities, in a given situation. 94	Усенков И.А. – Стабильность как философская категория, актуализированная применительно к социальным наукам <i>Usenkov I.</i> – Stability as a philosophical category, updated in relation to the social sciences 120
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 123
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 125

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НА КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ XXI ВЕКА

Гольшева Инна Валерьевна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Inngolysheva@yandex.ru

THE INFLUENCE OF THE CREATIVE ELITE ON THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA IN THE XXI CENTURY

I. Golysheva

Summary: The author examines the transformation of cultural policy in the historical aspect, focusing on important transitional events. The article presents the results of the author's research of the creative elite in culture, forming a portrait of a representative of the modern creative elite, who is proclaimed the moderator of the industry.

The paper identifies the main mechanisms of influence of the creative elite in culture on cultural policy, which affect the development of not only the industry, but also the state as a whole. The risks of using the project approach in the reproduction of the new creative elite of the cultural sphere are revealed.

Keywords: creative elite, creative elite of the sphere of culture, cultural policy, mechanisms of influence.

Аннотация: Автор рассматривает трансформацию культурной политики в историческом аспекте, акцентируя внимание на важных переходных событиях. В статье приводятся результаты авторского исследования творческой элиты в культуре, формируется портрет представителя современной творческой элиты, провозглашаемого модератором отрасли.

В работе обозначены основные механизмы влияния творческой элиты в культуре на культурную политику, которые воздействуют на развитие не только отрасли, но и государства в целом. Выявлены риски использования проектного подхода в воспроизведении новой творческой элиты сферы культуры.

Ключевые слова: творческая элита, творческая элиты сферы культуры, культурная политика, механизмы влияния.

Рассматривая влияние культурной политики в динамике исторических процессов, можно увидеть ценностно-смысловые изменения не только в обществе, но и в культурных институциях, являющихся исполнителем этой политики. Если отправной точкой анализа считать советский период, то культурная политика неразрывно связана с агитационными действиями и представлена активной пропагандистской программой, осуществлявшейся идеологическим отделом ЦК КПСС. Культура воспринималась как явление - прямолинейное, лишённое многообразий и противоречий, культурный прогресс становился процессом нарастающего упрощения [2, с. 33].

В основах законодательства Российской Федерации о культуре 1992 года большое внимание уделяется гуманизации общества и сохранению национальной самобытности народов [20]. По мнению Арнольдова А.И. в стратегии культурной политики ведущее место занимает создание комплексной программы освоения общечеловеческих ценностей [2, с.237–238.]. Этот период осложняется некоторыми факторами: отсутствует привлечение широких слоев населения в культуру, финансирование сферы осуществляется по остаточному принципу, по этой же причине продолжается сокращение количества таких ведомственных учреждений культуры как, библиотеки и клубные центры. В целом происходит ухудшение

качества профильной деятельности основной массы предприятий социокультурной сферы.

В 2000 годах культурная политика России была сосредоточена на охране культурного наследия [9, с.101]. В работе Садохина А.П. упоминается, что динамика культуры сопровождается процессами изменений и обновлений, происходит трансформация культурных форм [8, с.151].

Указы Президента В.В. Путина, именуемые «майскими», на период выполнения с 2012 по 2020 год стали катализатором формирования следующих государственных документов для развития отрасли культуры, таких как: Основы государственной культурной политики 2014 года, где государство впервые провозглашает культуру не только главнейшим фактором развития страны в социально-экономическом плане, но и возводит ее в ранг стратегических «национальных приоритетов... гарантов сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны» [18]; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, принятая в 2016 году, основными целями которой являются: сохранение гражданской идентичности, создание условий для воспитания граждан и обеспечение доступа к культурным благам [19].

Первым шагом к концептуализации и формулированию основ, «в целях привлечения внимания общества

к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире», стал Указ президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года культуры» [16]. Ряд таких значимых документов для отрасли, отразились и в деятельности основной государственной политики, так 2015 год, был объявлен, «Годом русской литературы», а 2016 год, посвящен российскому кино.

В новом цикле «майских указов» 2018 года президент России В.В. Путин поставил задачи по созданию новых инфраструктурных объектов культуры в крупных городах и организации досуга в сельской местности [17], наметилась децентрализация культурных благ. Комплекс мероприятий по стратегическому развитию и приоритетным проектам, сформировался в национальные проекты (программы) и охватил 12 направлений жизнедеятельности. Реализация национального проекта «Культура» в период с 2019 по 2024 г, включает в себя три глобальных направления: создание и реконструкция инфраструктуры, предоставление возможности реализации творческого потенциала и повышение квалификации, цифровизация отрасли, а именно увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры [15].

Завершая исторический обзор векторов развития культурной политики советской и современной России, хочется уделить внимание работе Арнольдова А.И., обозначивший в 1993 году, культурную политику для руководства страны, как инструмент реагирования на культурно-духовные реалии жизни общества, благодаря которому возможно создавать эффективные механизмы регулирования и координации культуры с социально-экономическими сторонами жизни [2, с. 238].

Влияние культурной политики на общественность и в большей степени на развитие отрасли культуры безусловно существует, в работе и приведенных материалах выше прослеживается причинно-следственная связь, принимаемых решений и в последствии создание нормативно-правовых актов. В то же время следует отметить, путь возникновения, «сотворения» столь важных документов, стратегий, основ, паспортов, начинается с человека. Индивида, обладающего не только знаниями, профессиональной компетентностью, но и соответствующего завышенным критериальным требованиям и характеристикам. В основу понимания индивида и для отображения социокультурного портрета представителя современной творческой элиты, обратимся к толкованию термина современными авторами и маркерам отличия творческой элиты от нетворческой, а также её функциональное предназначение. Большинство исследователей наделяет творческую элиту, уникально-значимым ресурсом, к этому пониманию относится не только создание творческого продукта, в том числе различное влияние на органы власти для реализации заявленного

потенциала. Одним из маркеров отличия творческой элиты от нетворческой элиты, заложено в морфологии термина. Определяя более узкий подход к рассмотрению творческой элиты её отличий и функциональных особенностей, проанализируем творческую элиту в культуре.

Основой творческой элиты является – творчество, под данным термином мы понимаем деятельность, порождающая нечто новое, никогда ранее не бывшее [10, с. 71]. Профессор Шелонаев С.И., разделяя мнение Ю.А. Левады [6], наделяет данную социальную группу ресурсными возможностями, и способностью хранения, воспроизводства и умножения творческого потенциала. В работах Валеевой З.Р., в духовно-творческой элите, выделяется культурная идентичность, влияющая и предопределяющая социальную активность индивида. Представители духовно-творческой элиты вносят общественно значимый вклад в создание ценностей культуры [3]. Также, в исследовательских работах Ю.В. Китова и С.Л. Гертнер элита определяется, как социальная группа, носитель культуры, способная принимать решения в рамках определенного территориального присутствия и обладающая ресурсами для их осуществления [5]. В исследовании 2021 года Аксенова П.В. при раскрытии содержания интеллектуальной элиты, большое внимание уделяет ценностно-нормативной парадигме и подробной функциональной характеристике [1].

Объединяя и анализируя вышеизложенные утверждения, невозможно избежать обращения к вызовам нынешнего социокультурного пространства, где представитель творческой элиты XXI века в культуре, является не просто многокомпонентным сложным субъектом культуры, а в первую очередь, модератором отрасли, творческого объединения, идейного проекта.

Творческая элита в культурной политике

Большое значение приобретает причастность творческой элиты к культурной политике, в связи с этим, необходимо обозначить механизмы влияния творческой элиты культурной сферы на культурную политику государства: 1. Инновационное созидание - основа, создание новых идей, продуктов творчества, отвечающие современным вызовам времени, поддерживающие продуктивную деятельность всей сферы и внедряющие инновационные инструменты для развития, тиражирования, формирования тенденций (трендов). Как пример, данного влияния, можно привести, открытие в 2013 году театрального «Гоголь-центра», ставшего, на тот момент, флагманом инновационных преобразований в театральном искусстве, осуществивший коллаборацию театра, кино, концертной и выставочной деятельности, лекториума, дискуссионных клубов. 2. Стратегическое транслирование – целенаправленное решение поставленных

задач в культуре, также решение некоторых вопросов в рамках проектов, с определенным временным ресурсом и учётом основного содержания и сути проектной деятельности. Одним из ярчайших примеров данного влияния, можно обозначить обращение пианистки, общественного деятеля Екатерины Мечетиной к президенту Путину В.В. на заседании Совета по культуре и искусству [14]. Суть обращения сводилась к запрету включения детских школ искусств (ДШИ) в систему персонализированного финансирования дополнительного образования (ПФДО), как несоответствующую уставной деятельности и задачам ДШИ, обреченного на исчезновение первой ступени профессионального образования в сфере культуры. Вследствие чего детские школы искусств получили особый статус в системе, о чем свидетельствуют изменения внесенные в Федеральный закон [13]. 3. Историческая идентичность - сохранение, транслирование и передача накопленного культурно - исторического опыта в аспекте образования, профессионального обучения, просветительства. Как пример, можно обозначить запуск ряда мероприятий, в рамках программы «Волонтеры культуры», направленных на обеспечение поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации, включая деятельность по сохранению исторического облика малых городов [12]. 4. Национальная идеология - позиционирование национальной культуры и её достижений на внутренний и внешний социокультурный мир. Русский балет, художественная литература, живопись, музыкальное наследие, являются не только визитными карточками страны и русского искусства, а также инструментами «мягкой силы» во внешней политике государства [4, с. 417].

Учитывая, данные механизмы влияния на культурную политику, творческую элиту в культуре можно определить как, - профессионально реализованные представители творческой сферы, которые имеют инструменты воздействия на культурную среду, посредством транслирования и внедрения идей и смыслов, а также являются организаторами либо участниками создания уникального творческого предложения.

Творческая элита явилась создателем столь стратегически важных национальных документов для отрасли, таких как: Основы государственной культурной политики; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

В эту группу входили не только авторы документов, но и творческая элита сферы культуры регионального и общественного уровня. Так, влияние на итоговый текст Основ государственной культурной политики оказали: решение круглого стола Уральского федерального округа по обсуждению проекта Основ государственной культурной политики; обсуждения с Московского общественного форума, региональные обсуждения (Нижний

Новгород, Ханты-Мансийск, Великий Новгород, Омск, Пятигорск, Волгоградская область). Некоторые поправки носили рекомендательный характер, такие как: рекомендации к проекту Основ государственной культурной политики, составленные по результатам общественных обсуждений в Федеральных округах и городах Федерального значения, в дальнейшем принятые на круглом столе в Общественной палате РФ.

В обсуждении проекта документа в Министерстве культуры приняли участие: авторитетные деятели культуры, политики, образования; профессорско-управленческий состав ведущих ВУЗов; философское сообщество [11].

При формировании другого стратегически важного документа паспорта Национального проекта «Культура» была создана новая институция, проектный офис при Министерстве культуры ФГБУК «Роскультпроект» (Центр культурных стратегий и проектного управления).

Влияние проектной деятельности

Особое внимание необходимо уделить влиянию проектной деятельности в формировании современной стратегии развития культурной политики государства. История возникновения метода проектов начинается в США во второй половине XIX века и основывается на теории прагматичной педагогики по принципу «обучение посредством делания» [7, с.312]. Основателем явился американский философ и педагог Дж. Дьюи. «Метод проблем», как называли его, был связан с идеями гуманистического направления в философии и образования, был представлен как комплекс мероприятий, направленный на достижение цели, будь то модернизация, создание или поддержание чего-либо, в определенных пространственно-временных и ресурсных границах. Стоит отметить, что проектные мероприятия, реализующиеся на территории России, являются копированием западной модели и применяются на федеральном уровне.

Данный подход стал особенно актуален в России, когда отраслевые стратегические нормативно-правовые акты обрели название - национальные проекты. Большинство мероприятий, включенных в национальный проект «Культура», имеют временной характер, такие как: реставрация зданий; оснащение музыкальными инструментами; увеличение посещаемости; цифровизация отрасли и оцифровка книжных фондов и другие. Мероприятия федерального проекта «Творческие люди» в составе национального проекта «Культура», предоставляют возможность реализации творческого потенциала некоммерческому сектору, что приводит к культурному разнообразию, обеспечивает присутствие других акторов, влияющих на модернизацию культурной политики России и перемены в социокультурной среде. В будущем участники национальных проектов, федеральных

конкурсов, лидеры культурных инноваций и изменений, перейдут в состав творческой элиты в культуре. Только необходимо учитывать, что становление индивидуума, отвечающего всем критериям и характеристикам данной социальной группы, не является процедурой, уместящейся в пространственно-временные границы, так как процесс становления личности, представителя творческой элиты в сфере культуры сложный и многоплановый, иначе появляются риски профессионального падения компетенций и снижение духовно-нравственного внутреннего содержания представителя, в связи с отсутствием системы развития и профессионального роста.

Заключение

Современная творческая элита играет особую роль в реализации культурной политики России, в результате своей креативной деятельности и инициативности,

оказывает содействие в организации и создании нового социокультурного пространства. Несмотря на новые условия активных изменений как во внутренних процессах, так и во внешнем политическом международном взаимодействии, именно творческая элита является модератором развития отрасли и влияет на внешний социокультурный мир, посредством определенных механизмов воздействия.

Усиливающийся научный интерес к творческой элите, её роли в культурных трансформациях, а также влияние на культурную политику, еще раз подчеркивает необходимость и важность исследований данного вопроса, выявление и предупреждение рисков формирования творческой элиты сферы культуры не только в настоящем времени, но в первую очередь ориентируясь на долгосрочную перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов П.В. Генетический детерминизм в социокультурных исследованиях феномена интеллектуальной элиты: критический анализ / П. В. Аксенов // Инновационное развитие науки: фундаментальные и прикладные проблемы: монография / П. В. Аксенов [и др.]. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. – С. 5–21.
2. Арнольдов А.И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция). Учебное пособие–М: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. С.352.
3. Валеева З.Р. Духовно-творческая элита как объект социально-философского исследования. – Казань: Изд-во КГУКИ, 2007. – 40 с.
4. Ефанова Елена Владимировна Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. №3. С. 417–426.
5. Культурные интересы современной элиты РС (Я) как выражение ее субъектности (на примере социологического исследования) / Игнатъева С.С., Китов Ю.В. // Современная культура Российской Арктики: субъекты, художественно-проектные и цифровые практики: Коллективная монография / Арктический гос. институт культуры и искусств; Науч. ред. О.В. Шлыкова. – Новосибирск: Наука, 2019. – С.118-125.
6. Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 5–15.
7. Пеньковских Елена Анатольевна Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике // Вопросы образования. 2010. №4. С.307-318.
8. Садохин А.П. Культурология: теория и история культуры: Учебное пособие. — М.: Эксмо, 2007. (Образовательный стандарт XXI). С.-624.
9. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. — М.: Академический Проект, 2000.— С.-496.
10. Шелонаев С.И. Технологии репутационного менеджмента: творческая элита. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – С.212.
11. Обсуждения проекта документа «Основы государственной культурной политики» от 12.05.2014 <https://culture.gov.ru/documents/project-document-public-discussions-1205140/>
12. Программа «Волонтеры культуры» в рамках федерального проекта «Творческие люди» Национального проекта «Культура» <https://волонтерыкультуры.рф/national-project-section>
13. Федеральный закон от 24.03.2021 N 51-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»
14. Заседание Совета по культуре и искусству при Президенте 27.10.2020 года
15. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16)
16. Указ Президента Российской Федерации от 22.04.2013 г. № 375 «О проведении в Российской Федерации Года культуры»
17. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»
18. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 «Основы государственной культурной политики»
19. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 N 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»
20. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09.10.1992 N 3612–1

© Гольшева Инна Валерьевна (Inngolysheva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ, ПОДДЕРЖИВАЕМАЯ ЮНЕСКО

Кулиева Ламия Аскер гызы

К.филол.н., доцент, Бакинский славянский университет,
Азербайджан
lata2022@inbox.ru

"PUBLIC DIPLOMACY" AS ONE OF THE FORMS OF CULTURAL POLICY IN RUSSIA SUPPORTED BY UNESCO

L. Guliyeva

Summary: This article analyzes some of the ties between Russia and UNESCO in terms of the implementation of the cultural policy of "public diplomacy" in practice. The term is explained, the names of some leading Russian, Azerbaijani and European scientists are given, who consider this political strategy to be correct and useful from the point of view of enriching the population of UNESCO member countries with new cultural values. Having accumulated a number of knowledge on this issue, the author of the article comes to the conclusion that modern "public diplomacy" as one of the branches of the cultural policy of Russia within the framework of UNESCO's activities is a living and effective lever of influence on both domestic and foreign audiences with the help of a whole arsenal of different methods.

The article constantly emphasizes that "public diplomacy" is an important part of the culture of human behavior in society as a whole. Methods for enriching one or another chosen strategy and cultural values can be very different. However, they have a single core. Colliding, juxtaposing, and at times and opposing different points of view on certain forms of embodiment of this diplomacy, it is noted that culture expresses the inner world of a person, his feelings, morals and ideals.

Within the scope of the article, a discussion is developed around the issue of using the so-called "soft" or, on the contrary, "hard" power as forms of "public diplomacy". From the conclusions and generalizations made in the work, it followed that these concepts, with all their grammatical opposition in cultural studies and politics, do not contradict each other. Moreover, they organically complement each other. For the purpose of proof, the work presents the judgments on this score of prominent researchers – Starchak, on the one hand, and the opposite – Dolinsky, on the other. But surprisingly, these different approaches to the implementation of forms of public diplomacy coincide.

Keywords: UNESCO, public diplomacy, cultural code, spiritual culture, creation, humanism, "hard power", "soft power".

Аннотация: В представленной статье анализу подвергнуты некоторые связи России с ЮНЕСКО в аспекте реализации в практику культурной политики «публичной дипломатии». Разъяснён термин, даны фамилии некоторых ведущих русских, азербайджанских и европейских учёных, считающих данную политическую стратегию верной и полезной с точки зрения обогащения населения стран-членов ЮНЕСКО новыми культурными ценностями. Аккумулировав целый ряд знаний по настоящему вопросу, автор статьи приходит к выводу, что современная «публичная дипломатия» как одна из ветвей культурной политики России в рамках деятельности ЮНЕСКО – это живой и действенный рычаг влияния как на массовую аудиторию людей во всём мире.

В статье постоянно подчёркивается, что «публичная дипломатия» является важной частью культуры поведения человека в обществе в целом. Методы обогащения той или иной избранной стратегии и культурными ценностями могут быть самыми разными. Вместе с тем у них имеется единый стержень. Сталкивая, сопоставляя, а временами и противопоставляя различные точки зрения на те или иные формы воплощения указанной дипломатии, отмечается, что культура выражает внутренний мир человека, его чувства, нравы и идеалы.

В объёме статьи развёрнута дискуссия вокруг вопроса об использовании так называемой «мягкой» или, напротив, «жёсткой» силы как форм «публичной дипломатии». Из выводов и обобщений, сделанных в работе, последовало, что эти понятия при всей своей грамматической противопоставленности в культурологии и политике не противоречивы. Напротив, органично друг друга дополняют. В целях доказательства, в работе приведены суждения на этот счёт видных исследователей – Старчака, с одной стороны, и противоположное – Долинского – с другой. Но удивительным образом эти разные подходы при реализации форм публичной дипломатии совпадают.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, публичная дипломатия, культурный код, духовная культура, творчество, гуманизм, «Жёсткая сила», «Мягкая сила».

Своеобразие и даже уникальность современной культуры заключается в переориентации многочисленных прежних оценок в сторону решительного утверждения новых нравственно-идейных убеждений. Видоизменение шкалы эстетических критериев в России оказывает заметное влияние и на характер проявления различных тенденций во всём цивилизованном мире.

Известный русский учёный-литературовед Н. Иванова указывает на тотальную «смену всевозможных кодов, потому что состоялись уже тотальные изменения самой культуры» [3, с.283]. С.И. Тимина поясняет, в чём же основная причина этой полной смены культурных кодов. На её взгляд, она связана с противоречиями в русской культуре «массовой – «низкой», с одной стороны, и элитарной «высокой» – с другой [11, с.7]. Критик поясняет,

что «как раз всё дело и заключается в такой мере, потому и вряд ли надо страстно радоваться идеям конвергенции элитарной и массовой культуры» [11, с.7]. Это мнение подтверждает и культуролог с мировым именем Ю.М. Лотман. Данная проблема в русской культуре на рубеже веков, действительно, открыта к размышлениям и предоставляет рядовым людям додумывать, домысливать, делая собственные выводы. Более того, культурные коды, о функционировании которых пишут Иванова, Тимина, Лотман и другие, только подтверждают мысль об их связи с развитием мировых цивилизаций. Совершенно прав Этибар Наджафов, констатирующий: «Мировая цивилизация, как интернациональное явление, образуется прежде всего из ценностей культуры, принадлежащих различным народам» [7, с.104].

От этих и подобного рода заявлений, на наш взгляд, можно протянуть прямые нити к распространённой в последние годы в России «публичной дипломатии» – системе насущных культурных запросов, активно внедряемых в массы. О том, что это эффективная стратегическая линия в политике современной РФ, подтверждают и в ЮНЕСКО. Так, в одном из докладов на форуме под названием «Культурологический диалог цивилизаций» было озвучено, что в её странах-членах «было бы совсем неплохо показывать одаренных, независимых, пассионарных и успешных россиян» [5, с.111]. Возможно, правительство России могло бы пройти мимо такого заявления, посчитав это субъективным мнением одного из докладчиков от ЮНЕСКО. Однако существо вопроса для политиков или чиновников России гораздо глубже. Западная пресса в целях очернить культуру населения России усиленно муссирует слухи о «международной широкой аудитории, демонстрирующей на телеэкранах хмурых неулыбчивых граждан в серо-чёрных тонах с картинками унылых районов, где в моно-городах ютятся простые рабочие» [8]. Учитывая размах подобного рода информации в западных СМИ, в телекомпаниях России всё чаще приходят к выводу о необходимости демонстрации привлекательных ярких пейзажей, с достопримечательностями, красивым внешним антуражем городов и т.д.

Такая дипломатичная форма подачи периодически обновляющейся по разным регионам информации играет ключевую роль и всецело приветствуется в ЮНЕСКО. В чём же заключается её позитивное предназначение? Во-первых, «публичная дипломатия» – это своего рода программа окультуривания нации в лучшем смысле этого слова. Последовательно проходя ряд стадий, она приобретает ярко выраженную гуманистическую направленность. Это панацея в сущности любой стратегии, которая непременно поддерживается и в ЮНЕСКО. Прав один из ведущих культурологов Азербайджана Фуад Мамедов, утверждающий, что именно с провозглашения гуманистического пафоса культуры во все времена начинается

определённая и политическая линия в государствах.

Учёный пишет: «Благодаря усилиям гуманистов постепенно не только умение, организованность и нравственность но, прежде всего научное знание и созидательная деятельность становились главной движущей силой развития культуры человека и общества» [4, с.62]. Это бесспорное положение также признаётся и в ЮНЕСКО.

Если конгломерат научных знаний, умений, созидательная деятельность, усиленных этико-нравственными аспектами, так силён (а это подчёркивает азербайджанский учёный-культуролог), то симптоматично возрастает и роль межправительственных организаций. К ним в первую очередь относится ЮНЕСКО. Следует признать, что конец второго десятилетия XXI в. ставит перед этой Организацией крупномасштабные задачи, что в условиях глобализации для ряда государств имеет важное и принципиальное значение. Россия же (разумеется, помимо всевозможных форм и методов воздействия на мировую общественность и обеспечения безопасности собственной державы) возлагает определённые перспективы на так называемую публичную дипломатию.

Вдумаемся в смысл этих слов. С одной стороны, это работа правительства, силовых структур и учёных – культурологов, политиков, историков, философов по расширенному привлечению кадров самого широкого профиля. Государство и ЮНЕСКО совместными усилиями изыскивают, мобилизуют и по мере возможностей используют последние достижения в разных сферах. С другой стороны, суть первой части названия – публичность, бесспорно, ориентирует на «гласность». Итак, эта такая форма современной культурной политики, которая в период глобализации опирается на всевозможные факторы взаимообогащения культур. Например, создание условий для проведения культурного диалога. Известный русский политик и культуролог Г. Померанцев фиксирует: «Диалог – это разговор, в котором дух целого возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реалий. В идеале в таком диалоге все собеседники внимательно прислушиваются к правде целого, и гегемония принадлежит тому, кто горит желанием утвердить своё сложившееся мнение по вопросам культуры и образования, а пальма первенства принадлежит тем, кто держит ворота истины открытыми» [9, с.61-62].

Несмотря на велеречивость тона и даже наличие в строго научном тексте метафоры, под настоящим определением в рамках публичной дипломатии следует понимать такого рода диалог как открытый, полемичный, толерантный, равноправный. Понятно и то, что такой диалог в дипломатии нуждается в хорошей предварительной подготовке. И на современном этапе ЮНЕСКО отведена большая роль по созданию условий для него.

В Уставе Организации зафиксировано: «Только посредством такого диалога между культурами, цивилизациями и народами современный мир придёт к глобальному осознанию устойчивого и планомерного дальнейшего развития, которое потенциально охватит соблюдение юридических прав личности, включая факторы взаимного уважения и уменьшения в мире уровня нищеты. Всё это является сутью миротворческой миссии и центральной деятельности ЮНЕСКО» [12, с.7]. Добавим, что эта миссия является также важной частью «публичной дипломатии», ныне разрабатываемой в России.

Скажем больше того, периодическое проведение этого диалога объективно призвано содействовать укреплению мира между государствами-членами ЮНЕСКО, что симптоматично повысит и общий культурный уровень народов. Культурный диалог входит в стратегию Организации, одновременно формируя цели и задачи международных сообществ. Успех же обеспечивает уникальная сфера компетенций ЮНЕСКО, которая охватывает, как далее записано в Уставе, не только культуру, образование и науку (то есть генерализирующие факторы), но также информацию и коммуникацию» [12, с.2.]

Один из видных европейских культурологов фиксирует, что «в результате открытого и взаимно обогащающего страны диалога, встают также и вопросы сохранения, развития и дальнейшего преумножения культурно-гуманитарного наследия государств-членов ЮНЕСКО и эффективного использования этого арсенала на внешнеполитической арене в целом» [14, с.17].

Однако ключевые функции «публичной дипломатии» только завоеванием культурных ценностей в России не ограничивается. Сфера их распространения значительно шире. Так, главы государств РФ В. Путин и Д. Медведев в своих выступлениях на различных международных форумах, саммитах и совещаниях неоднократно указывают, что главными задачами внешней политики страны и «публичной дипломатии» соответственно являются достижения, в первую очередь содействующие модернизации экономики. Волнует правительство РФ на современном этапе и вопросы поддержания стабильности в мировом масштабе. Д. Медведев подчёркивал: «При современных острых противоречиях на политической мировой арене очевидно в наши дни стремление к гармонии, установка на взаимно выгодные диалоги, снижение уровня конфликтности» [6, с.11].

По мнению многих прогрессивно мыслящих политиков и культурологов, важным элементом в «публичной дипломатии» является плодотворное сотрудничество между странами, достижения обоюдного согласия по многим культурным, экономическим и общественно-политическим вопросам. Именно дипломатию в пределах гласности (только в современном толковании слова, не

имеющего практически ничего общего с той пресловутой гласностью, которая была в своё время провозглашена М. Горбачёвым) можно считать действенным средством в обеспечении взаимопонимания, преодолении конфронтации в мировом масштабе. Гуманитарно-культурологическая проблематика сегодня, бесспорно, оказывает позитивное воздействие на процессы формирования полицентрических систем в их глобальном управлении, задавая вектор их развития.

Указанное направление сотрудничества в ряде государств прежде всего определяет систему взглядов и принципы внешней политической деятельности РФ на современном этапе истории. Культурологические черты и признаки такой системы взглядов, в свою очередь, находят ясное выражение в «Концепции внешней политики РФ», утверждённой Медведевым в июле 2008 года. Симпатично, что в материалах современных СМИ России нередко проводится мысль о том, что руководство волнуют проблемы поднятия имиджа своей страны в глазах мирового сообщества. Понятно, что эта проблема в самом начале третьего десятилетия XXI века органично вписывается в процесс глобализации.

Так, в интересующей нас сфере (современные СМИ России) «публичной дипломатии» активно популяризируется работа целого ряда агентств, фондов или телерадиостанций: «РИА – Новости»; «Голос России»; «Russia Today»; «Русский мир». Их усилиями прежде всего ведётся пропаганда изучения родного (то есть русского) языка и культуры. Но к результатам их деятельности относят по-разному. К примеру, Яркими показателями симбиоза российской политики и культуры являются, к примеру, политолог Николас Гулл со смешанным чувством насмешки и идейного пафоса назвал этот вид дипломатии «интервенцией в умы, сердце и душу людей, а кроме того и эффективным способом воздействия на культуру суверенных государств» [15, с.77].

А Б. Ширяев, что такого рода дипломатия – это «ключевой фактор в обеспечении национальной безопасности РФ, способ активного сохранения её суверенитета и территориальной целостности, ясный признак консолидации общества, можно сказать, панацея успешного разрешения множества внутренних и внешних проблем на межгосударственном уровне» [13, с.264].

Российская Федерация осуществляет поступательное движение в данном направлении. Так, с 2007 года на её территории функционирует фонд под названием «Русский мир», с 2008 года – «Федеративное агентство по делам СНГ» (Россотрудничество). В соответствии с подписанными в феврале 2010 г. распоряжениями Президента РФ, активно работают и некоторые другие благотворительные Фонды. Таким образом, совершенно очевидно, что международное сотрудничество в России

наших дней охватывает очень широкую область государственной деятельности. В 2011 году Президентом РФ был подписан документ «Основные направления», явившийся базовым для осуществления дальнейшей работы в указанном направлении.

В настоящее время МИД России также ведёт работу над созданием Концепции в сфере культурного сотрудничества стран – участников СНГ. Актуальность названных документов нельзя переоценить, поскольку они сегодня являются концептуальной базой в деятельности российских ведомств и министерств. Они же содействуют также и дальнейшему росту культурной национальной политики и публичной дипломатии Российского государства в целом.

Политика в области международного права сотрудничества есть, безусловно, неотъемлемая составная часть общей политики РФ. Не секрет, что в современном мировом многополярном порядке всё более усиливается конкуренция, а наряду с ней существенно возрастает также и соперничество в культурном измерении. Здесь, на наш взгляд, уместным будет подчеркнуть широту полномочий Организации. В ведении ЮНЕСКО не только культура, но также экономика и политика, которую не упускают из виду и в правительстве РФ. Специфические формы публичной дипломатии работают на укрепление авторитета РФ на международной сцене. Приходится даже констатировать, что Россия на протяжении очень длительного времени действовала с позиций именно «жёсткой силы». Быть может, это с трудом и, как говорится, придыханием фиксируют в научных трудах либо популярных издательствах некоторые современные русские учёные – политики, политологи и культурологи. В то же время данным обстоятельством вполне охотно делятся такие азербайджанские исследователи, как Али Гасанов, А. Аббасбейли и другие в достаточно известных в нашей республике монографиях.

Хочется заметить, что слово «дипломатия», в которой, казалось, заложен смысл «расчёта на лояльность» или тонкое психологическое умение вникнуть в суть проблем, отнюдь не противоречит позиции «жёсткой силы». Политики-международники и культурологи в таких случаях прежде всего имеют в виду военную, экономическую, а с недавнего времени – ещё и энергетическую мощь. Однако, говоря о так называемой «мягкой силе» (термин ведущих современных русских и европейских культурологов), которая реализуется посредством культурно-гуманитарных инструментов, то следует указать на то, что она зачастую проигрывала.

И в данном случае одна стратегия не противоречит другой, но напротив, органично дополняет её. Об этом, в частности писал современный культуролог и политик Долинский. «Мягкая сила» в противовес так называемой

«жёсткой» в РФ в системе современной «публичной дипломатии» чаще всего сочетает в себе традиционный взгляд на культуру и маркетинговые формы» [2]. Причём, большинство современных учёных-теоретиков сходятся во мнении, что симбиоз старого и нового подходов даёт как краткосрочный, так и долгосрочный позитивный эффект при воздействии на иностранную для России аудиторию.

Основной задачей, стоящей в наши дни перед международным культурно-гуманитарным сотрудничеством, становится стимулирование у населения других государств желания ближе ознакомиться с культурой России. Во-первых, это своеобразная «визитная карточка» для экспортёров в разных областях. Во-вторых, ориентация на дальнейшее развитие национальной культуры не в ущерб другим странам.

Характерно в этом ключе следующее замечание М.А. Старчака: «Практика показала, что все происходящее в современном мире – развитие наук, искусства, высоких технологий, необходимо доносить до всех стран Содружества. Однако, их перевод на национальные языки настолько сложен и проблематичен, что оценивается в миллионы долларов. Найти такое количество средств и кадров невозможно. Английский язык как решение тоже не совсем эффективен, т.к. в России и некоторых других странах-членах ЮНЕСКО им, по подсчётам специалистов-статистов, владеют мизерное количество людей – 1-2 процента от численности наций. К тому же не все продвинутые деятели культуры, науки и образования могут читать специальную литературу в своей области на английском языке, а изучать свое направление могут и вовсе единицы. Таким образом, единственной доступной возможностью приобщиться к новейшим мировым научным, информационным и культурным тенденциям становится русский язык» [10].

Отчасти по указанной Старчаком причине остро встаёт для РФ вопрос о более глубоком внедрении национального языка в различные культурные области. Ведь и само развитие национального потенциала России посредством популяризации государственного языка находится не только в прямом ведении ЮНЕСКО, но и распространяется Организацией через уполномоченных лиц на территории ближнего и дальнего зарубежья. Кстати сказать, это правило вполне приложимо и к Азербайджану. В популяризации русского языка в нашей республике ЮНЕСКО также играет немалую роль. Так, в культурной политике посла ЮНЕСКО Мехрибан Алиевой в полном согласии с целями данной Организации многократно подчёркивалось, что с помощью изучения русского языка как иностранного человек из хранителя истины становится доподлинно живым существом. А язык при этом выступает как важнейшее, а, может, и вообще первейшее средство общения и передачи культурно-

го наследия. Таким образом, очевидно, что язык любой нации есть отражение её многовекового культурного наследия, форма существования и кладёз народной памяти. Это продукт культуры, его составная часть, являющаяся своеобразным хроникёром в деле формирования и трансляции культурных кодов.

Д. Медведев в одном из своих выступлений подчеркивал: «В свете всемерно проводимой культурной политики в России, защищаемой со стороны высоких представителей ЮНЕСКО, совершенно не стоит бояться на эти нужды тратить немалые деньги, потому что в конечном итоге эффект от такого рода работы с людьми любых профессий из других стран, владеющих русским, очень высок. Его себестоимость является надёжным гарантом приоритетности культурной политики России» [1].

Одним из этих гарантов, по мнению многих дальновидных современных политиков и является дальнейшее развитие и совершенствование «публичной дипломатии» в РФ. И на соответствующих форумах в правительстве России активно обсуждаются меры, спо-

собствующие этому процессу. Во всяком случае, никто из профессиональных политиков или культурологов сегодня не отрицает того факта, что в международном гуманитарно-культурологическом сотрудничестве могут принимать участие и негосударственные организации. Так, в «Основных положениях» говорится, что в данном процессе «правительство России с одобрения ЮНЕСКО имеет возможность и, собственно говоря, делает это сегодня, вкладывать внебюджетные финансовые средства в пределах государственного или же частного партнёрства» [12. Приложение № 1].

Итак, из всего вышеизложенного в настоящей статье нетрудно прийти к выводу, что «публичная дипломатия» является одним из важных и актуальных в наши дни инструментов культурной политики России в целом. Более того её можно считать одной из форм плодотворного сотрудничества между странами-членами ЮНЕСКО и в мировом масштабе. Эта стратегическая линия объединяет в себе несколько видов или форм массовой и элитарной культуры. И это особенно заметно в политике России в современный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Д.А. Медведева во время официального визита во Вьетнам. Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9386>. (дата обращения 17.04.2020).
2. Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/>. (дата обращения 07.12.2020).
3. Иванова Н. Гибель богов. М.: АСТ ФОЛИО, 1993. 357 с.
4. Мамедов Ф. Культурологический портрет Имадеддина Насими в зеркале мирового гуманизма // *Dövlət İdarəetməsi*. 2019, №3 (67). С. 61-75.
5. Материалы Международного общественного форума. «Диалог цивилизаций». 2002-2006. М.: Центра национальной славы России, 2006.
6. Медведев Д.А. Российская дипломатия. М.: Политика, 2017. 401 с.
7. Наджафов Э. Гейдар Алиев о необходимости сохранения и развития ценностей национальной культуры азербайджанского народа в условиях глобализации // Учёные записки БГУ, 2008. Серия общественно-политических наук. С. 101-109.
8. Обзоры мировых СМИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/overview/>. (дата обращения 25.07.2020).
9. Померанцев Г.С. Диалог и молчание // *Человек*, 1996, № 3. С. 61-62.
10. Старчак М. А. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии; что происходит и что делать? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/rasskiymir/ra/analytics/article/news0003.html>. (дата обращения 11.10.2020).
11. Тимина С.И. Современный литературный процесс (1990-е гг. – начало XXI в.). В кн.: Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.). М.-С.-Петербург: АCADEMIA, 2005. 350 с.
12. Устав ЮНЕСКО. Брюссель: ЮНЕСКО, 2002.
13. Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Санкт-Петербург: СПб, 2007. 344 с.
14. Appadurai A. *The New Territories of Culture: Globalization, Cultural Uncertainty and Violence. Keys to The 21 -st Century-* UNESCO Publishing. 2001. 199 p.
15. Nicholas J. *Cull University of Southern California, Los Angeles, 2007. 211 p.*

© Кулиева Ламия Аскер гызы (lama2022@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ СИРИИ

Максуд Марлен

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
marilyn.maksoud@gmail.com

INTERPRETATION OF BYZANTINE MUSICAL TRADITION IN THE CHRISTIAN CULTURE OF SYRIA

Maksoud Marilyn

Summary: The article examines the manifestation and rooting of the Byzantine musical tradition in the Orthodox Christian culture of the Syrian people. The origin of the Syrian Orthodox church music culture can be traced back to the dawn of Christianity. The first religious Christian compositions were based on folklore tradition. And also their basis was the ritual pagan chants that preceded them, modified for the needs of the new doctrine. Music in the Byzantine Christian Church is primarily about prayer. Therefore, no musical instruments were used in it. The role of the patriarchs of the Syrian Orthodox Church and contemporary composers in strengthening and popularizing the Byzantine musical tradition is noted.

Keywords: Syrian Arab Republic, Syrian Orthodox tradition, Byzantine musical tradition, Christian culture of Syria, Byzantine Christian church, Syrian culture, traditions, psalms, Arab Caliphate, Ottoman Empire.

Аннотация: В статье рассмотрено проявление и укоренение византийской музыкальной традиции в православной христианской культуре сирийского народа. Зарождение сирийской православной церковной музыкальной культуры можно проследить еще на заре христианства. Первые религиозные христианские композиции опирались на фольклорную традицию. А также их основой стали предшествовавшие им обрядовые языческие песнопения, видоизмененные для нужд нового вероучения. Музыка в византийской христианской церкви – это, в первую очередь, молитва. Поэтому в ней не использовались музыкальные инструменты. Отмечена роль патриархов сирийской православной церкви и современных композиторов в укреплении и популяризации византийской музыкальной традиции.

Ключевые слова: Сирийская православная традиция, византийская музыкальная традиция, христианская культура Сирии, византийская христианская церковь, сирийская культура, псалмы, Арабский халифат, Османская империя.

Сирийская музыкальная культура, в особенности церковная, сегодня является актуальным феноменом в мировом искусствоведении. Интерпретация византийской музыкальной традиции в христианской культуре Сирии в силу различных исторических обстоятельств находилась без должного внимания со стороны исследователей. Во многом это было обусловлено тем, что «сирийская культура и музыкальная традиция воспринимались, как составляющая часть арабской культуры и, следовательно, она имела незначительную роль в мировом культурном пространстве» [18, с. 105].

В последние годы наблюдается существенный рост интереса к сирийской культуре, как к месту зарождения христианства и культуры, в России. Во многом это обусловлено «активной военной и гуманитарной помощью, которую оказывает Россия своему союзнику» [1, с. 95].

Российские и сирийские исследователи сегодня активно изучают историю и культуру обеих стран. Однако сирийская музыкальная культура, проявления в ней византийской музыкальной традиции приобретает особую актуальность, особенно на фоне «разгорающихся конфликтов между различными группами населения» [8, с. 113]. На этом фоне особый интерес представляют «Военно-политические отношения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики» [12].

«Столетия сирийская культура сосуществовала с другими культурами в таких государствах, как Римская империя, Византийская империя, Арабский халифат и Османская империя» [11, с. 84]. До сегодняшнего дня в сирийской культуре «сохранились традиции многих других культур, они не исчезли, а продолжают существовать» [4, с. 328]. Тем не менее, сирийцы смогли сохранить собственную культурную идентичность. Хотя, с другой стороны, «благодаря постоянному диалогу с разными культурами, сирийская культура обрела уникальность и стала примером существования единого культурного пространства» [5, с. 90].

Выдающийся зарубежный ученый Джеймс Фрэзер (1854-1941) произнёс следующие слова: «Каждая вера выражается при помощи соответствующей музыки... Расстояние, которое отделяет дикие оргии Кибелы от торжественного ритуала католической церкви, количественно выражается в пропасти, которая отделяет нестройный гул кимвалов и бубнов от величественной гармонии Палестрины и Генделя. Сквозь различную музыку проглядывают здесь различия духовного порядка» [20, с. 106].

Очевидно, что этими словами Джеймс Фрэзер стремился показать значимость религиозной музыки в отражении духовной жизни народа, а также, духовное превосходство христианства над язычеством. «Сопо-

ставление же единых критериев - абсурд, особенно если дело касается столь утонченной и индивидуальной сферы творчества, как создание музыкального произведения» [21, с. 109]. Такими словами оценил данное сравнение российский музыковед, исследователь античной и византийской музыки Е.В. Герцман.

Принято считать, что сирийский народ - носитель сирийского языка, происходит от древней Ассирийской империи. На это обстоятельство указывает то, что «многие сирийские ортодоксальные гимны дошли до нас из песенных стихов древних ассирийцев» [19]. Когда мы говорим о сирийской культуре начала XXI столетия, мы имеем в виду не жителей какой-либо определенной страны, а арамеоязычных жителей Востока.

Распространено также мнение, что сирийская музыкальная культура произошла от церковной музыки религиозного характера и её возникновение напрямую связано с распространением христианства среди населения арамеоязычных стран. Однако данное мнение ошибочно, поскольку «сирийская музыка - это тип музыкальные мелодии, принятый арамеями задолго до обращения ими в христианство и вхождения в Церковь» [2, с. 62].

Известный сирийский композитор Нури Искандар, утверждал, что «сирийская церковная музыка является продолжением древней языческой музыкальной традиции Сирии и Месопотамии» [10]. Отметим, что сирийская музыка - это в основном лирические произведения, а не инструментальная музыка. Именно композитор Нури Искандар принес новые традиции и сочинял музыкальные произведения для оркестров с инструментами (виолончель, уд, бузук и другие музыкальные инструменты). С тех пор современная, но непопулярная музыка, приобрела новую форму.

Но возникают два вопроса: какова связь между сирийско-антиохийской музыкой и византийской музыкой, которая, в первую очередь, также является Антиохийской? И что является мостом, связующим звеном между этими двумя видами музыки? В качестве ответа подчеркнем, что у них есть общие черты:

- 1- восемь мелодий;
- 2- наличие коротких мелодий определенного ритма.

Разница заключается лишь в том, что византийская музыка увеличила мелодический спектр композиции, более похожий на восточный мувашихат в Алеппо. Византийская музыка - это очень благоговейная музыка, соответствующая империи и величию (музыка дворцов императоров и великих соборов). Она заставляет чувствовать строгость. Отличительной чертой сирийской музыки является фольклор, народная музыка, музыка христиан, простых людей, которые поют для того, чтобы

наполнить свое сердце светом Святого Духа.

Не смотря на огромное значение, которое уделяется духовной музыке сегодня, в раннехристианской церкви музыка была запрещена при проведении обрядов. Она считалась инструментом для пробуждения инстинктов. Подобная негативная оценка музыки была связана во многом с неприятием христианами языческих традиций и ритуалов, многие из которых сопровождались той или иной музыкой. Одновременно, игнорируя запрет, музыка начала проникать в христианские богослужения. Доказательством этому факту является «существование древних рукописей, содержащих раннехристианские гимны, написанные древнегреческими нотами» [15].

В скором времени «византийская музыкальная традиция стала дополнять и видоизменять древнегреческое культурное наследие, стремясь создать новую духовную музыку, отличную от языческой» [9, с. 107]. Именно эта музыкальная система, которая зародилась в Византии в период становления христианства, продолжала непрерывно развиваться на протяжении всей истории. В итоге «она превратилась в современную музыкальную традицию, которая повсеместно используется в православных и католических храмах на арабском Востоке» [9, с. 109].

Вернемся к важному моменту в истории, когда Сирия находилась под османской оккупацией. В этот период христианам запретили открыто проявлять религиозность и проводить свои обряды. Поэтому они практиковали их вне церкви, что привело к уменьшению популярности песнопения и церковных традиций среди православных сирийцев.

С приходом арабов под запрет попали некоторые сирийские песни, а вскоре стало обязательным использование арабского языка в песнопениях. Например, песня «Ярдали Ярдли Самра Каталтини» была очень популярна, но исполнялась на арабском языке, так как сирийский язык был запрещен.

Только в современную эпоху, начиная с 1950 года и до наших дней, молодежь начала возрождать сирийские мелодии и петь на языке Христа песни о любви, жизни, разлуке, боли и о разных страданиях человека в жизни. Появлялись и новые песни, которые потом распространились в диаспоре в Швеции, в Германии и в Сирии.

Музыка Византии - одна из самых мощных музыкальных систем, которая наполнена и способная воплощать различные человеческие эмоции. Об этом явлении свидетельствует «традиция изменять оригинальные песнопения, путём вставки мелодии в основу гимна, соответствуя «чувству и значениям речи»» [7].

Говоря о христианском влиянии на музыкальную

культуру Сирии, нельзя не упомянуть о старейшем жанре христианской церковной музыки – псалмах Давида [17], которые были унаследованы христианами от храма Иерусалима. Псалмы были вплетены в христианский обряд и чаще всего исполнялись простыми людьми, которые посещали богослужения. Ритуалы Вечери Господней проводились вечером, таким образом представляя собой общую трапезу, перемежающуюся молитвами и гимнами. Некоторое время пение праздничных молитв и гимнов занимало тоже самое место в духовной жизни Церкви, что и Вечера Господня. Однако вскоре группа монахов начала устанавливать правила и законы, регламентирующие проведение богослужений.

В связи с этим, в монастырях, особенно в Сирии, образовалась новая музыкальная практика - пение Антонина, имитирующее ритуалы древних синагог. Стихи читались благоговейно до и после псалмов и других литургических песнопений, вскоре данная традиция перешла в церковь.

Популярность и распространение на территории Сирии получил и другой тип Византийской музыки – песнопения. Изначально данный тип пения напрямую относился к старейшему жанру христианской церковной музыки - псалмам. В последствие данные песнопения, такие как пение «Аллилуя» [16] были хорошо восприняты в раннехристианской церкви и стали частью обрядов.

Пение псалмов не могло полностью удовлетворить духовные потребности ранних христиан, поэтому достаточно скоро, уже во втором веке нашей эры, появляется новая форма христианской музыки – гимны. По своей сути гимны являются стихами, в которых автор, а также любой человек, который поёт эти гимны, пытается говорить с Богом, выражает свои чувства, благодарит, прославляет и просит о чем-то. Каждый гимн – это молитва к Богу. Некоторые гимны содержат учения о вере, взятые из Библии и других источников.

Гимны получили особое распространение в период с V по седьмой век. В это время были сформированы основные принципы псалтирного искусства. Его развивали наиболее известные мелодисты и гимнографы, такие как: Роман Мелодист, Иоанн Дамаскин и Феодор.

Зарождение сирийской православной церковной музыкальной культуры можно проследить еще на заре христианства. Первые религиозные христианские композиции опирались как на фольклорную традицию, так и на предшествовавшие им обрядовые языческие песнопения, видоизмененные для нужд нового вероучения. Среди авторов, осуществивших этот труд можно отметить: Мараваму, Мараболу, Якоба Саруджи, Шимона Аль-Фахари.

Так в Сирии, благодаря труду и авторитету Иоанна Дамаскина, получил распространение новый жанр гимнографии – канон, состоявший из девяти связанных друг с другом песнопений. Каждый гимн данного канона включает в себя вводный тропарь и еще несколько тропарей с разным текстом, исполняемые в одинаковом с ведущей мелодией ритме.

Иоанн Дамаскин обозначил характерные именно для сирийской церковной одногласной музыки особенности, уделив много внимания её развитию [15]. Важной вехой в развитии православной духовной музыки в Сирии стала деятельность, начатая Ефремом Сирийским [13, с. 130] в IV в. Не менее актуальной была «практика привлечения для церковных песнопений женского хора, что открыло для многих женщин возможность заниматься музыкой» [3, с. 209].

Спустя четыре столетия в христианской церковной музыке стали происходить изменения, так же как начали меняться традиции в самой церкви. В VI в. сирийским святым Ефремом Сирийским была создана новая церковная музыкальная система, основанная на восьми мелодиях или ладах, распределенных на четыре оригинальных и четыре производных.

Обозначенная система легла в основу сирийской и византийской церковной музыки и на её основе возникли многие литургические произведения. В этом же веке были написаны стихи святого Романа аль-Хомси, в том числе стихотворение, восхваляющее Богородицу, которое до сих пор читается каждую пятницу Великого поста. Также Папа Григорий полагался на указанную систему при разработке системы гимнов, называемой амвросианское пение или григорианское пение, которое в последствии было принято Латинской церковью.

В данный момент в Византийской и Сирийской церквях, при проведении богослужений певчие используют особый метод византийской нотации - «новый метод» или «метод трёх учителей». Он был введен в 1814 г. тремя композиторами и теоретиками византийской музыки - Хрисанфом Мадитским, Григорием Протопсалтом и Хурмузием Хартофилаксом [22]. Этот метод используется и в настоящее время в православных церквях Константинопольского и Антиохийского патриархатов.

Отличительной чертой сирийской духовной музыки стало исполнение а саррелла - пение без каких-либо музыкальных инструментов. Данная традиция напрямую перешла из Византийской церковной музыкальной системы. Пение христианских гимнов играло значительную роль в жизни верующего населения. Большое влияние на духовное развитие православных сирийцев в XIII веке имел Патриарх Иаков III Бартелли [20]. Он получил две почетные докторские степени: одну по теологии в Уни-

верситете Льюиса и Кларка (Портленд - Ориген, 1960), а другую – за защиту диссертации гуманитарного направления в Университете Дрю (штат Нью-Джерси, 1971).

Патриарх приложил много усилий к развитию сирийской музыки. Он записал сирийские мелодии, содержащиеся в известной книге (Бет Кадзу). Эти очаровательные мелодии до сих пор захватывают чувства его слушателей, вызывая любовь и уважение к Патриарху Иакову III Бартелли. Известно также, что христиане пели свои псалмы не только в церквях, но также и в домах, на площадях и в дороге.

Помимо формальной литургической музыки, сирийские православные общины также разработали современную духовную музыку, которую часто можно услышать на общественных собраниях.

Богатое музыкальное наследие Сирийской Православной Церкви сегодня можно ощутить в любом сирийском православном ритуальном богослужении, будь то евхаристическая литургия или другие таинства, такие как крещение, венчание, ежедневные службы или праздники.

Подводя итоги исследования, отметим, что за годы своего развития, сирийская музыкальная культура многое переняла от Византии и христианской традиции. В этой связи важно рассмотреть отдельно византийское влияние и влияние христианства на культуру Сирии, в

частности на музыкальную культуру.

Музыка в византийской христианской церкви – это, в первую очередь, молитва, поэтому в ней не использовались музыкальные инструменты. Считалось, что только человеческий голос в своей естественной форме достоин прославлять Создателя, так как голос наиболее ясно и точно передаёт искренность эмоций и откровенность чувств, и не отвлекает людские души, как это делают звуки музыкальных инструментов.

Одним из важнейших элементов византийской музыкальной культуры, повлиявших на сирийскую музыку, является система музыкальной нотации – невменная система. Она состоит из знаков, которые обозначают ход голоса, ритм. Постепенно данная система развивалась и трансформировалась, однако её сущность осталась прежней.

Ранние христианские авторы Сирии предпочитали поэзию как метод богословского выражения, используя образы и символы как основу всего человеческого опыта. Они создавали поэтические произведения, гимны, которые могли бы донести до обывателей основы вероучения и христианской культуры. Во многом благодаря этим сподвижникам, пение гимнов и гимнография получила особое распространение в Антиохийской церкви (Сирии) и оказало значимое влияние на культуру всего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмед Дауд. Древняя история сирийской цивилизации – Дамаск: Дар Сафри, 2004. – 703 с.
2. Ахмед Эрхим Хбо. Вехи семитской цивилизации и их история в Сирии и Месопотамии. Дар Аль-Калам Аль-Араби - Дар Аль-Рифаи: Сирия – Алеппо, 2003. – 235 с. – С. 62.
3. Барсом. И.А. Рассеянный жемчуг: история сирийской литературы и наук, 1920. – 611 с.
4. Борзова Е.П. История мировой культуры: учеб. пособие для вузов искусств и культуры – СПб.: Лань, 2007. – 672 с.
5. Борзова Е.П. Культура и политические системы стран Востока: учеб. пособие - СПб: «СПбКО», - 2008. – 550 с.
6. Борзова Е.П. Сравнительная культурология. В 2 т. – СПб.: «СПбКО», 2013. – 524 с.
7. Джозеф Язбек. Об истории византийской музыки и о том, как она отделилась от сирийской музыки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=PuHsPkWxXAs> (дата обращения – 01 мая 2021 года)
8. Донцов В.Е. Исторические традиции российско-сирийских отношений. Сб. «Ближний Восток и современность». Вып. 28. - М. - ИБВ, 2006. - 266 с.
9. Книга музыки и пения от начала создания до наших дней. – СПб.: Arab Press Agency, 2019. - 173 с. - С. 107.
10. Колокола Востока | Композитор Нури Искандар (المؤلف الموسيقي نوري اسكندر | أجراس المشرق) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=GewGP8T9E> (дата обращения – 16 мая 2021 года)
11. Марио Багос. От древнего Ближнего Востока до христианской Византии: короли, символы и города. Издательство Кембриджских ученых, 2021. – 302 с.
12. Мохаммад Ибрахим Назир. Военно-политические отношения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики в 2000-2012 гг.: историческое исследование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vagsh.mil.ru/upload/site17/document_file/W5QJYpiN8J.pdf (дата обращения - 04 мая 2021 года)
13. Пигулевская Н.В. Культура Сирийцев в средние века. Главная редакция восточной литературы. – Москва: «Наука». 1979. – 249 с. – С. 130.
14. Преподобный Герасимос Кутсурас. Православная христианская церковная музыка - Византийская музыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greekorthodox.org.au/?page_id=3372 (дата обращения – 28 апреля 2021 года)
15. Преподобный Иоанн Дамаскин, Точное Изложение Православной Веры. Издательство Сретенского монастыря. Москва, 2003. - 162 с.
16. Признайся Господу, Он добр Аллилуиа. Византийские хоровые гимны [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=5bVnI0sfQ20&ab_channel=RoyaTV (дата обращения – 01 мая 2021 года)
17. Псалмы Давида: Поэтические книги Ветхого Завета, Университет короля Суд 223. - 60 с.
 18. Рапацкая Л.А., Харфуш Р. Культурологическим подход к периодизации развития сирийской музыкальной культуры как научный инструментарий её освоения будущими музыкантами-педагогами в России // Музыкальное искусство и образование. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskim-podhod-k-periodizatsii-razvitiya-siriyskoy-muzykalnoy-kultury-kak-nauchnyy-instrumentariy-eyo-osvoeniya-buduschimi> (дата обращения: 11.04.2021).
 19. Сирийское пение от Шумера до Залаина (الغناء السرياني من سومر إلى زالين) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kassioun.org/more-categories/art-and-culture/item/50216-23965> (дата обращения - 03 мая 2021 года)
 20. Треугольник Милосердия, Патриарх, Мар Игнатий Якуб III, Бартелла (المثلث الرحمات البطريرك مار اغناطيوس يعقوب الثالث البرطلي) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ishtartv.com/viewarticle,42771.html> (дата обращения - 17 мая 2021 года)
 21. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. - М.: АСТ; Ермак, 2003. – 542 с.
 22. Byzantine notation versus Western Notation - St. Anthony's Greek Orthodox Monastery [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stanthonysonastery.org/music/NotationB.pdf> (дата обращения - 17 апреля 2021).

© Максуд Марлен (marilyn.maksoud@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСМЫСЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЦЕННОСТНЫЙ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Петрова Софья Игоревна

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
Sofya8888@yandex.ru

UNDERSTANDING ARTISTIC CULTURE: A VALUE AND PRAXIOLOGICAL APPROACH

S. Petrova

Summary: Art culture is aimed at learning about a person's inner world. This knowledge has a special cultural significance and purpose, it helps the formation of personality, the development of human individuality to a greater extent than any other «mechanism» of culture. The article says that only artistic culture can embody the unity of nature and culture, material and spiritual, objective and subjective. By engaging in artistic activity, a person learns the language of the «second reality», during which he selects actions and interprets them in the light of his aesthetic ideal. It allows people to explore the surrounding space and develop their spiritual world, significantly enriches their social experience and is a synthesized human skill that combines the ability to learn, create, communicate and navigate values. Thus, the artistic development of the world turns out to be an integrative activity, in which all other activities intersect.

Keywords: culture, artistic culture, values, activity, person, material, spiritual.

Аннотация: Художественная культура направлена на познание человека его внутреннего мира. Это знание имеет особое культурное значение и цель, оно помогает формированию личности, развитию индивидуальности человека в большей степени, чем любой другой «механизм» культуры. В статье говорится, что только художественная культура может воплотить единство природы и культуры, материальное и духовное, объективное и субъективное. Занимаясь художественной деятельностью, человек овладевает языком «второй реальности», во время которой отбирает поступки и интерпретирует их в свете своего эстетического идеала. Это позволяет людям исследовать окружающее пространство и развивать свой духовный мир, значительно обогащает их социальный опыт и является синтезированным человеческим навыком, сочетающим в себе способность учиться, творить, общаться и ориентироваться в ценностях. Таким образом, художественное развитие мира оказывается интегративной деятельностью, в которой пересекаются все другие виды деятельности.

Ключевые слова: культура, художественная культура, ценности, деятельность, человек, материальное, духовное.

Культура зачастую воспринимается исключительно как творчество, как некое новшество, как обновление, постоянная замена всего существующего чем-то новым. Однако эта интерпретация является односторонней. В конце концов, культура, по существу имеет две основы. Она опирается на то, что повторяется в жизни человека и проявляется в уникальном обновлении, требует взаимодействия традиционного и творческого.

Культура одновременно существует в каждом времени и в каждом обществе как нечто статичное (как культурная среда или культурное наследие) и в то же время как нечто динамичное, постоянно развивающееся и совершенствующееся в результате творческой деятельности человека [2].

В связи с этим возникает вопрос о критериях релевантности культурных ценностей. Формальных критериев как таковых не существует, но интуитивно мы можем понять, что, с одной стороны, такая культура включает в себя те произведения, которые поднимают общечеловеческие проблемы, несут на себе печать вечного, вызывают живой отклик. Поэтому очень часто мы сталкиваемся с тем, что ценности прошлого могут быть отнесены к нынешней культуре с большим правом, чем

то, что имеет современное происхождение. Критерием релевантности может быть и сам факт удовлетворение потребностей людей. Другими словами, если человек получает желаемый результат, потребляя, осваивая или производя какую-либо ценность, эта ценность принадлежит современной культуре.

Направленность деятельности сыграла важную роль в развитии идей о культуре. Праксиологический подход стал достаточно гибким и включал анализ почти всех возможных особенностей культуры (и даже аксиологическую интерпретацию, против которой он выступал раньше). Однако, как отмечают некоторые авторы, этот подход исчерпал свои возможности [4, с 415]. Его особенно критикуют ученые считающие культуру лишь одной из сфер жизни общества (наряду с экономикой, политикой и т.д.), включающую учреждения культуры, а также культурную инфраструктуру. С их точки зрения, основным недостатком деятельностного подхода является то, что культура, ее отличия от других аспектов общественной жизни остаются в тени, культурное полностью совпадает с социальным. Получается, что все, что есть в обществе, принадлежит культуре. Это не позволяет, по их мнению, изучать особенности культуры как от-

дельной области социального существования, отличной от других областей бытия.

Мы считаем, что интерпретация культуры в каждом конкретном случае будет зависеть от цели употребления этого термина, контекста его использования. И все интерпретации должны дополнять и обогащать друг друга. Для нас, в рамках нашего исследования, наиболее значимыми будут аксиологический и деятельностный подходы. Именно в рамках этих подходов мы рассмотрим художественную культуру.

В современном обществе культура все чаще доказывает не только свою полезность, но и необходимость в самых разных областях. Например, такие социокультурные факторы, как качество рабочей силы и наукоемкие технологии, имеют решающее значение для экономики. Поэтому в рамках деятельностной интерпретации культуры предметом исследования являются такие ее проявления, как культура труда, корпоративная культура, культура быта, политическая культура и др.

Однако не все в жизни общества и человека можно измерить полезностью. Если исходить из этого, то выявляются слои, элементы культуры, которые можно определить как «бесполезные» и, в первую очередь, это художественная культура. Но именно эта часть культуры поднимает человека над уровнем полезности [1, с. 130-152]. По мнению М.С. Кагана, художественная культура - независимая от культуры подсистема, которую нельзя однозначно отнести к материальной или духовной культуре. Разрушая традиционную «материальное/духовное» дихотомию он говорит о необходимости «третьей», художественной культуры, которая рождается в результате сочетания противоположностей. Это подлинное слияние, а не механическая связь материальной и духовной культур. Таким образом, в художественной культуре противоположности взаимопроникают и становятся недифференцированными. Только художественная культура может воплотить единство природы и культуры, материальное и духовное, объективное и субъективное. Именно это подлинное слияние приводит к незаменимости материальной формы в художественном образе и невозможности перекодирования ее духовного содержания.

Наряду с наукой художественная культура является одной из исторически развитых форм функционирования культуры. Теоретическое научное знание М.С. Каган определяет как «сознание культуры». Наука предоставляет культуре необходимую информацию о природе, обществе, человеке, мире, окружающей среде, в которой она функционирует и, в конечном счете, о себе, рассматриваемой словно со стороны, объективированной, в законах ее структуры, функционирования и развития. Художественная культура - это самосознание культуры.

Художественная культура отражает объективный мир так, как он преломляется культурой, становясь ее собственным отражающим типом. Таким образом, искусство – это творческое самопознание реального

человека, это «зеркало в которое человек может заглянуть, чтобы глубже, познать себя». Такое самопознание достигается удвоением реальности, дополнением реальной жизни человека воображаемой и в, этом контексте, художественная культура выступает как уникальный инструмент культуры, с помощью которого люди могут раздвинуть границы своего опыта. Этот процесс наблюдался на протяжении всей истории человечества [3].

Необходимость дублирования реальности возникает у человека одновременно с появлением самого человека, общества и культуры. Исторически сложилось так, что первоначально он реализовывался в мифотворчестве, а затем в художественной деятельности. Известно, что нет ни одной нации, которая не имела бы своих мифов, легенд и искусства. Это дублирование реальности начинается в детстве, когда ребенок, играя, рисуя, танцуя, осознает себя и соединяется с другими людьми, входя в общество.

Художественная культура направлена на познание человека его внутреннего мира. Это знание имеет особое культурное значение и цель, оно помогает формированию личности, развитию индивидуальности человека в большей степени, чем любой другой «механизм» культуры.

Мы согласны с мнением М.С. Кагана, что связь между культурой и человеком осуществляется через его деятельность, и поэтому структура культуры отражает структуру деятельности. В культуре существует несколько видов деятельности: познание, осмысление ценностей, трансформация реальности, общение людей и художественное постижение мира.

Занимаясь художественной деятельностью, человек овладевает языком «второй реальности», во время которой отбирает поступки и интерпретирует их в свете своего эстетического идеала. Это позволяет людям исследовать окружающее пространство и развивать свой духовный мир, значительно обогащает их социальный опыт и является синтезированным человеческим навыком, сочетающим в себе способность учиться, творить, общаться и ориентироваться в ценностях. Таким образом, художественное развитие мира оказывается интегративной деятельностью, в которой пересекаются все другие виды деятельности.

В свою очередь, художественная деятельность имеет обратное влияние. Степень овладения языком «второй реальности» характеризует степень формирования ху-

дожественного потенциала. Последнее существенно воздействует на развитие гносеологического, аксиологического, творческого и коммуникативного потенциалов, а степень их развития уже опосредована формированием художественного потенциала. То есть чем больше человек способен узнать при помощи «второй реальности» о «первой», чем больше он общается с художественной культурой, тем больше она влияет на все другие аспекты его деятельности. И здесь нужно указать на ряд проблем. Во-первых, художественная культура не всегда оказывает положительное влияние на человека, а во-вторых, она может быть инструментом манипуляции.

Поскольку художественная культура является отражением всей культуры, структура художественной деятельности повторяет структуру всей человеческой деятельности.

Таким образом, художественная культура, сочетающая в себе материальный и духовный аспекты культуры, становится формой практического и духовного развития, представляет человеческую личность в ее уникальных качествах.

Есть три способа овладеть языком «второй реальности»:

1. Знакомство с произведениями искусства.
2. Приобретение знаний по истории и теории искусства.
3. Само художественное творчество [5, с. 180].

При этом распространено мнение, что важнейшей задачей общения человека с художественной культурой является формирование у него потребностей самостоятельно создавать художественные ценности. Но в сфере художественной культуры потребление также является творческим процессом, поскольку восприятие произведения искусства предполагает в какой-то степени соавторство творца и потребителя, способность последнего понять «вторую реальность» и спроецировать ее на окружающую жизнь. Способность понимать, что художник имел в виду под своей «второй реальностью», способность считать отражение жизни в системе художественных образов, как умение создавать эту «вторую реальность», составляют две стороны художественных

способностей человека.

Итак, по мнению исследователей, понятие «художественная культура» обычно включает в себя следующие группы явлений:

1. Свойства социального субъекта, которые необходимы для художественной деятельности.
2. Деятельность социального субъекта по созданию, распределению, освоению продуктов художественной культуры.
3. Продукты художественной культуры.
4. Учреждения, обеспечивающие создание, распространение и освоение продуктов художественной культуры.

Таким образом, аксиологический и деятельностный подходы важны в изучении художественной культуры. В первом случае особое внимание следует уделять качеству предлагаемых художественных ценностей. Однако определить это качество довольно сложно, так как художественная ценность отличается от всех других видов ценностей иллюзорным характером мира образов, создаваемых в искусстве. Во всех других сферах ценностное сознание фиксирует для человека значение различных форм реальности.

Художественная культура утверждает мнимость, воображаемую природу своих образов. Художественная ценность произведения определяется его духовным содержанием, которое появляется в идеальном слое нереальных образов, и только затем адекватностью его материального воплощения во внешней форме произведения [1, с. 239].

Деятельностный подход позволяет проследить процесс развития сущностных сил человека и многое понять о нем как о личности. Художественная деятельность - социальна по форме, но индивидуальна по содержанию. Процесс овладения художественными ценностями человеком индивидуален и требует от людей разных усилий. Поэтому невозможно установить универсальные критерии оценки этих видов деятельности и, самое главное, их результатов. Они могут быть лишь признаны большей или меньшей частью общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис. 1996. 415с.
2. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М.: Политиздат. 1981. 290 с.
3. Петров И.Ф. Духовный кризис как следствие рационализации культурно-исторического развития // Казачество. 2019. № 41 (5). С. 41-47.
4. Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. СПб.: Лань. 1998. 448 с.
5. Человек в мире художественной культуры / Отв.ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. М.: Наука. 1982. 336с.

© Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Сачкова Наталья Александровна

Преподаватель, ГБПОУ «Оренбургский областной колледж культуры и искусств»; аспирант, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры и искусств»
sachkova-natalya@mail.ru

CREATIVE ACTIVITY IN THE SYSTEM OF YOUTH INCULTURATION: APPLIED ASPECTS OF IMPACT

N. Sachkova

Summary: Youth amateur theater has long been perceived as an important personal and social impact on young people. This article describes the main results of a study of the impact of youth participation in the theater environment on their personal and social development. The presented «theory of youth amateur theater» is based on the analysis of qualitative data and the study of theoretical concepts taken from the theory of roles and the theory of performance. The term youth theater describes a wide range of organizations that involve young people in their free time to engage in theater activities. The results of the study show that youth amateur theater has a number of important functions for young people that positively influence their personal and social performance. The findings are placed in the context of a youth transition study that identified skills, abilities and resources that can help young people make a successful transition to adulthood in the current socio-economic context.

Keywords: youth amateur theater, socialization, inculturation, youth, role theory, liminal, liminoid, personal and social, safe environment, development.

Аннотация: Молодежный любительский театр издавна воспринимался как важное личное и социальное воздействие на молодежь. В этой статье описаны основные результаты исследования влияния участия молодежи в театральной среде на их личностное и социальное развитие. Представленная концепция основана на анализе количественных и качественных данных, а также изучении теоретических концепций, взятых из теории ролей и теории перформанса. Термин «молодежный любительский театр» описывает широкий спектр организаций, которые вовлекают молодежь в свободное время заняться театральной деятельностью. Результаты исследования показывают, что у молодежного любительского театра есть ряд важных функций для молодых людей, положительно влияющих на их личные и социальные установки. Результаты выявляют способности и ресурсы, помогающие молодым людям сделать успешный переход к взрослой жизни в текущих социально-экономических условиях.

Ключевые слова: молодежный любительский театр, социализация, инкультурация, молодежь, ролевая теория, лиминал, лиминоид, личное и социальное, безопасная среда, развитие.

Представленное исследование было стимулировано необходимостью сформулировать цели и задачи, а также систематизировать (на материале эмпирических данных) факторы влияния молодежного любительского театра на социализацию и инкультурацию молодых людей, участников театральных постановок. Цель исследования предполагала описание модели эффективных практик, используемых в молодежном любительском театре; анализ влияния молодежного театра на развитие молодежи. Необходимость такой целевой установки была вызвана потребностью осмысления: как и почему «работает» молодежный театр; определением личного и социального развития молодежи посредством театральных практик (как процесса и результата инкультурации и социализации).

Темы, описанные в данном исследовании, были определены на основе серии качественных интервью с участниками нескольких молодежных любительских коллективов города Оренбурга. Выдержки из интервью демонстрируют позиции информантов, указывающих на чувство привязанности и понимание значимости, кото-

рые многие молодые люди выражают по отношению к своему молодежному любительскому театральному коллективу.

Многие из рассказов молодых людей свидетельствуют об осознанной ценности навыков и способностей, полученных в молодежном любительском театре, о понимании дальнейшей трансформации накопленного «багажа» в более развитые компетенции в других сферах жизни. Сферами такой конвертации становятся: способности успешно взаимодействовать со сверстниками, педагогами, родителями и другими взрослыми, а также способность комфортно и эффективно работать в различных средах, в знакомой и незнакомой обстановках (адаптивные возможности). Интерпретация результатов проанализирована со ссылкой на соответствующие академические теории.

Фраза «личное и социальное развитие» широко используется в исследованиях и оценке искусства, но ее определение часто неясно. В исследовании адаптировано следующее понимание: личное и социальное разви-

тие относится к навыкам, качествам, способностям и ресурсам, которые помогают молодым людям совершить успешный переход к взрослой жизни, в которой они смогли полностью реализовать свой потенциал.

Важно понимать концепцию личного и социального развития в контексте текущего социально-экономического климата. Социально-экономические изменения показывают, что опыт взросления радикально изменился за последние десятилетия. Переход молодых людей к взрослой жизни стал более длительным, неопределенным, сложным и рискованным. Это связано в первую очередь с отсутствием гарантированной занятости для молодых людей и означает, что традиционные модели или простые пути во взрослую жизнь (а также эмоциональная и финансовая независимость) были заменены тем, что рассматривается как серия переходов к независимости и выходу из нее через более длительный период времени. Суть этого перехода (лабиринта возможностей) состоит в том, что молодые люди должны найти собственные пути к независимости. В современном мире молодые люди больше зависят от собственной инициативы, личных обстоятельств, семьи нежели от внешней структуры, чтобы удовлетворить потребности во взрослении [1, с. 263-270].

Личная идентичность может быть средством достижения некоторого чувства автономии и независимости. Молодые люди смотрят за пределы семьи и школы, чтобы исследовать и сформировать свою идентичность, и многие полагаются на поддержку в этом сверстников. В местах, где молодые люди не подвергаются школьному, вузовскому или общественному контролю зачастую им предлагают принимать участие в рискованной (в том числе, и противоправной деятельности), якобы с целью отстоять свою независимость и повысить социальный статус.

К защитным факторам, предотвращающим такую опасность, относятся: крепкие отношения с родителями, педагогами и другими взрослыми, яркие индивидуальные черты характера, такие как общительный характер и интеллект; а также активное участие в семейной, школьной, университетской и общественной жизни, особенно участие во внешкольных, вне вузовских мероприятиях [10]. Ряд менее ощутимых характеристик также был определен как защитные факторы, например: способность создавать позитивные отношения со сверстниками и взрослыми; хорошие навыки межличностного общения; положительные переживания в детстве; стабильное и позитивное чувство идентичности; способность адаптироваться к различным жизненным ситуациям.

В исследовании приняли участие участники 5 молодежных театров в возрасте 16-30 лет: студенты очного и заочного отделений Оренбургского областного кол-

леджа культуры и искусств. Анкеты для участников распространялись на мероприятиях молодежных театров в течение периода исследования.

Анкеты прислали 108 молодых людей. Качественные интервью были проведены с 23 участниками любительских творческих коллективов. Интервью были записаны и проанализированы с использованием обоснованной теории и повествовательного анализа.

Все приведенные ниже суждения были взяты из качественных интервью с молодежью, принимающей участие в молодежных любительских театрах. Некоторые представлены в лаконичном виде, а другие деконструированы более полно, в зависимости от их актуальности для общей концепции исследования.

В качественных интервью молодые люди указали на ряд личных и социальных навыков, которые появились у них в молодежном любительском театре. К ним чаще всего были отнесены: умение работать над собственной инициативой; способность участвовать в коллективных рабочих процессах; принятие рисков; умение выражать мысли и чувства.

Рассмотрим более подробно выделенные позиции. Энергия и активность молодых людей – главный актив молодежного театра. Творческие процессы молодежного любительского театра используют и развивают инициативу и воображение, обеспечивая свободу для молодых людей планировать и реализовывать свои собственные идеи и намерения. Молодые люди ценят возможность вложить свои навыки и воображение в творчество, способность обрабатывать и видеть собственные идеи, воплощенные в жизнь посредством разработки творческих проектов.

Молодежные любительские театры создают рабочую, профессиональную среду, которая требует больших ожиданий и личностной мотивации. Отвечая на возникающие в ходе творческого процесса вызовы, молодые люди принимают решения нередко в ситуации риска. Один из руководителей молодежного студенческого театра таким образом определил принятие риска: «мой идеал – создать пространство, в котором они смогут окунуться в опыт, который они могли бы получить в жизни и в ужасе выскочить наружу».

Идея конструирования «безопасного пространства», в котором молодые люди могут рисковать в ситуации введения сложных или спорных тем, передаче ответственности за общий результат или приглашение молодых людей взять на себя более ответственные роли в творческом процессе [10].

Молодые люди попадают в ситуации «творческого

риска», когда их способность сохранять хладнокровие, доверять себе, выражать свои мысли, чувства и проявления подвергается испытанию перед аудиторией сверстников, значимых взрослых и широкой общественности. Молодые люди описывают состояния повышенного адреналина от участия в постановках, создаваемых в молодежном театре.

В молодежном театре молодые люди развивают интуицию, которая коренится в том, чтобы играть видимую и согласованную роль в группе. Многие молодые люди отмечают, что способность успешно взаимодействовать в пределах ряда знакомых и незнакомых условий и отношений является результатом их участия, которое переносится в их жизнь вне театра [3, с. 26-30].

Молодые люди подчеркивают важность принятия, терпимости, равенства в процессах создания и постановки спектаклей, театрализованных представлений или праздников. Многие молодые люди описывают молодежный театр как место, где они чувствуют себя известными, принятыми и поддерживаемыми (средство установления позитивной идентичности и гармоничных отношений со сверстниками и взрослыми за пределами их повседневной жизни).

Для молодых людей, попавших в беду, молодежный театр может стать важным источником поддержки, облегчая доступ к взрослым, у которых есть время их послушать, а также включения в поддерживающие группы сверстников. Таким образом, можно оговорить об адаптивной и компенсаторной функциях молодежного театра, обеспечивающих молодому человеку защиту от многих проблем [10].

Свобода «быть собой» была повторяющейся темой ряда анкет. Участие в молодежном любительском театре воодушевляет молодых людей более активно участвовать в жизни неформальных сообществ по интересам. Они открывают мир через пьесы, постановку самых различных театрализованных представлений и праздничных событий. Изучение мира посредством творческого процесса расширяет кругозор молодых людей и дает новые взгляды и знания о себе и обществе, мире в целом. Участие в пьесах, театрализованных представлениях, праздничных концертных программах, которые исследуют актуальные проблемы и опыт собственной жизни, может побудить молодых людей к пониманию репертуара социальных ролей, которые они реализуют в социальных взаимодействиях: «... то, что ты делал на улице по отношению к своим приятелям, начинаешь видеть, как ты поступал с ними, понимать опасности и причины, и проанализировав это, начинаешь меняться здесь и сейчас».

Играя роль в спектакле, молодые люди могут стол-

кнуться лицом к лицу с личными, моральными, политическими и социальными проблемами и дилеммами, помогающими им уточнить личное мнение, развивать сочувствие к другим людям и получить опыт восприятия разнообразных точек зрения. Изучение широкого круга вопросов может привести к повышению осведомленности и способности выражать себя и ощущать более тесную связь с сообществом принимая участие в его жизни [8, с. 77-79].

В ходе исследования молодых людей попросили описать влияние молодежного любительского театра («То, как занятие творчеством в молодежном любительском театре оказало влияние на разные области вашей жизни»).

Наиболее часто упоминаемые воздействия, данные в ходе интервью и анализа анкет молодыми людьми:

- высокая уверенность в себе;
- усовершенствование коммуникативных навыков;
- расширение круга общения и способность завести друзей;
- развитие способности быть собой, большая открытость;
- умение понимать других людей и работать с ними в команде;
- улучшение эмоционального фона (ощущение счастья, отвлечение от неприятностей);
- развитие способностей справляться с трудными ситуациями и отрицательными переживаниями.

На открытый вопрос о том, почему они занимаются творчеством в молодежном любительском театре, молодые люди ответили так: 80% заявили, что посещали молодежный театр, чтобы улучшить свои актерские, вокальные, хореографические способности или развить интерес к творчеству и театру; 14,9% заявили, что ходили в молодежный театр, чтобы встречаться с друзьями; и лишь 5,1% заявили, что посещали молодежный любительский театр, чтобы работать над постановками.

Психологические теории, такие как ролевая теория, обеспечивают основу для понимания важности личного и социального развития молодых людей. Ощущение себя как личности с определенной идентичностью развивается через социальное взаимодействие: через наши социальные отношения мы обеспечиваем «обратную связь», необходимую для того, чтобы узнавать и формировать себя и поддерживать самооценку (как решающий фактор, связанный с успешной настройкой во многих сферах жизни) [9, с. 458-476].

Развитие рефлексивной способности размышлять о других – помогает молодым людям организовывать эффективные социальные отношения. Способность брать на себя роль другого является важнейшим навыком пре-

одоления трудностей и обретения компетентности в социальном взаимодействии.

Способность играть социальную роль – понимать и выполнять ожидания других – все это крайне важно для успешного развития молодого человека. Однако теория ролей сама по себе не может объяснить привязанность, которую многие молодые люди демонстрируют по отношению к своему молодежному театру.

В данном случае мы также обратимся к теории лиминальности, предложенной Виктором Тернером (осмысление ритуалов в различных культурных средах). Особое внимание отводилось понятию «порогового пространства» – той части ритуала, в котором участники переживают или разыгрывают эксперимент с различными способами поведения в ситуации инверсии типичных ролей. Лиминальное пространство создает времяпрепровождение за пределами обычного распорядка дня, где люди (временно) теряют приписанные им роли и повседневные идентичности и экспериментируют с новым диапазоном выражения в измененной социальной реальности. Такие действия имеют важные личные и социальные функции: они обеспечивают эмоциональную разрядку, улучшают функции адаптации и социализации в повседневной жизни. Характеристики лиминального пространства – свобода самовыражения, не институционализированное пространство, возможность исследовать и заново конструировать свою идентичность – могут быть вполне отнесены, на наш взгляд, и к описаниям молодежного театра и молодежных театральных коллективов [7].

Молодежный любительский театр может предложить молодым людям контекст, выходящий за рамки обычного рутинного жизненного распорядка. С помощью него они могут исследовать неизведанные социальные пространства или свои скрытые возможности и начать экспериментировать с различными способами участия в социальных процессах.

Результаты исследования показывают, что молодежный театр может играть важную роль в обучении и принятии ответственных ролей в групповых процессах. Молодые люди сообщают в опросе, что они чувствуют себя способными «быть самими собой» в молодежном театре

и что они получили опыт признания и поддержки в молодежном любительском коллективе, что в свою очередь способствует обретению эффективных навыков адаптации в других сферах жизни. В спектакле, в исполнении роли в фактически вымышленном мире – молодые люди освобождаются от заданных ролей, которые они играют в повседневной жизни и учатся выражать более широкий спектр своих мыслей, эмоций и чувств, оказываясь в конструируемом творческом пространстве.

Театральное представление может стать возможностью быть кем-то другим, и молодые люди используют эту возможность, чтобы исследовать, практиковать, экспериментировать и расширять понимание себя и мира вокруг них. Это помогает молодым людям ощущать себя ответственными членами общества.

Заключение. Человеческое развитие – это непрерывный динамический процесс обучения нормативным образцам поведения, поиск знаний, как приспособиться и вести свою жизнь в соответствии с социальными (социализация) и личными (инкультурация) обстоятельствами.

Результаты исследования, на наш взгляд, подтвердили мнение о том, что молодежный любительский театр оказывает существенное влияние на личностное и социальное развитие молодых людей, на процессы социализации и инкультурации. Молодежный театр обеспечивает безопасную среду для саморазвития и принятия социальных ролей, заполняет свободное время молодежи, создает условия гармоничного «перехода» в пространство взрослой жизни.

Это влияние проявляется в освоении способов социализации и приобщения к национально-детерминированным культурным образцам; в умении интерпретировать и обсуждать свои и чужие чувства, что обеспечивает возможность лучше понимать себя и других.

Таким образом, молодежный театр может рассматриваться в качестве переходной формы искусства (в его наиболее доступной форме – любительства) и социальной жизни. Молодежный театр и творческий процесс способствуют развитию важных личных и социальных навыков и установок, связанных с совершением перехода во взрослую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонак В.С. Опыт постановок молодежного студенческого театра: опора на традиции и инновации// В сборнике: Педагогическое образование: традиции, инновации, поиски, перспективы. материалы IX Международной научно-практической конференции. Шадринский государственный педагогический университет; 2019. С. 263-270.
2. Гуськова В.А., Калинина М.А. Концепт театр в современном молодежном сознании// В сборнике: Новые технологии в учебном процессе и производства. Материалы XVI межвузовской научно-технической конференции. Под ред. Платонова А.А., Бакулиной А.А., 2018. С. 505-506.
3. Литвинова М.В., Гаврилова А.В., Кибалко В.В. Роль Театров Малых Форм В Студенческой Молодежной Культуре// Тенденции развития науки и образова-

- ния. 2018. № 42-1. С. 26-30.
4. Новикова Н.А., Сульдикова И.В. Студия эстрадного молодежного театра - одна из форм организации современной учащейся молодежи// Вопросы педагогики. 2019. № 8-2. С. 89-92.
 5. Омечинская Е. Три возраста молодежного театра // Вопросы театра. 2020. № 3-4. С. 98-105.
 6. Тернер В. Драмы, поля и метафоры: символическое действие в человеческом обществе. Итака: Cornell UP, 1974.
 7. Тернер В. Люминал к лиминоиду в игре, потоке и ритуале: эссе по сравнительной символике. Исследования Университета Райса, 1974.
 8. Шварц Н.Д. Молодежный театр как технология поддержки творческой самореализации работающей молодежи// статья в сборнике трудов конференции., 2017 г. с. 77-79
 9. Alice H. Eagly, Wendy Wood. Social Role Theory // Handbook of Theories of Social Psychology: Volume 2. — London: SAGE Publications Ltd, 2012. — С. 458–476.
 10. Beinart, S., Anderson, B., Lee, S. & Utting, D. (2002) A national survey of problem behaviour and associated risk and protective factors among young people (Joseph Rowntree Foundation Research Findings 432) (Communities that Care).

© Сачкова Наталья Александровна (sachkova-natalya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕТЕВОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК НОВЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

Скопа Виталий Александрович

*Д.и.н., Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru*

NETWORKED CREATIVITY AS A NEW TYPE OF CULTURE

V. Skopa

Summary: Based on the studied material, the article attempts to reveal network creativity as a new type of culture. The theory of the information society, based on the realization that today we are dealing with a qualitatively new communicative environment, seems to be fundamental in the context of the problematics. Based on the concept of Three Waves by E. Toffler, post-industrial society by D. Bell, the fourth information revolution by M. McLuen and the information society by M. Castells, the key features of the culture of the new time are highlighted. It was determined that the variety and unlimited choice (viewing, studying, cognition), which the Internet offers today, have determined the clip-like culture of the information society.

Keywords: culture, post-industrial society, network creativity, modernization, content.

Аннотация: В статье на основе изученного материала предпринята попытка раскрыть сетевое творчество как новый тип культуры. Основополагающей в контексте проблематики представляется теория информационного общества, основанная на осознании того, что сегодня мы имеем дело с качественно новой коммуникативной средой. Опираясь на концепции Трех волн Э. Тоффлера, постиндустриального общества Д. Белла, четвертой информационной революции М. Маклуена и информационного общества М. Кастельса выделены ключевые признаки культуры нового времени. Определено, что разнообразие и неограниченность выбора (просмотр, изучение, познание), которые предлагает сегодня интернет, обусловили клиповость культуры информационного общества.

Ключевые слова: культура, постиндустриальное общество, сетевое творчество, модернизация, контент.

Методологические поиски в культурологии имеют двойную актуальность. Во-первых, культурология является молодой, еще не канонизированной наукой, в которой только формируется методология познания, поэтому любая исследовательская попытка конкретизировать, адаптировать или расширить традиционный методологический аппарат вносит вклад в ее развитие. Во-вторых, сетевое творчество, которое стала предметом исследования, касается меняющегося пространства культуры, находится под неизбежным влиянием информационно-технологической парадигмы современного общества, а следовательно, требует новых методологических решений в ее исследовании.

Цель статьи – определить теоретико-методологические предпосылки исследования сетевого творчества в контексте формирования нового типа культуры.

Основополагающей в контексте проблематики представляется теория информационного общества, основанная на осознании того, что сегодня мы имеем дело с качественно новой коммуникативной средой, а коммуникация является стержнем человеческого бытия, меняются все его сферы, в том числе культура. Опираясь на концепции Трех волн Э. Тоффлера, постиндустриального общества Д. Белла, четвертой информационной революции М. Маклуена и информационного общества М. Кастельса, можно выделить первые ключевые признаки культуры нового времени [1, 6, 9, 10]. Так, Э. Тоффлер в своей концепции определяет современную культуру как демасифицированную и клиповую [10]. «Элитарная –

массовая – демасифицирована» - это тот путь, который прошла культура в соответствии с первой (аграрной), второй (индустриальной) и третьей (информационной) волн в контексте ее доступности [10, с. 374]. В качестве примера можно обратиться к музыкальному искусству. В период длительного господства сельскохозяйственной цивилизации, когда люди обычно жили в больших семьях, которые состояли из нескольких поколений, причем все они жили под одной крышей и работали вместе как производственная ячейка, производительность которой напрямую зависела от плодородия земли, плодovitости скота, природных явлений, музыка имела особое магически охранное значение, шла она от народа и перепевалась поколениями, ее можно было услышать во время работы (бытовая), праздников (календарно-обрядовая и семейно-обрядовая), походов (чумацкая, бурлацкая), а следовательно сопровождала человека как в повседневности, так и во времена значимых событий, была не отдельным «концертным» явлением в жизни крестьян, а растворялась в нем [8]. Сельскохозяйственное общество Э. Тоффлер метко охарактеризовал как «производители для себя», сами производили сами и ели, и как мы видим на примере с музыкой, это касается не только продовольствия, но и культуры [10]. Второй вектор существования музыки в период Первой волны - элитарная. Это композиторская музыка, выполняется при так называемых дворах покровителей, перед зрителями с высоким интеллектуальным уровнем и образованности. Вторая волна знаменовалась становлением промышленного производства, раскололо общество на нуклеарные семьи, производителей и потребителей,

ввело массовое образование и расстроило мощную систему средств массовой информации, затем создало все условия для эффективного массового управления рабочим классом [4].

В результате цивилизационного слома так же существенных изменений претерпел досуг, который потеряв связь с народными традициями, приобрел форму профессиональной организации массовых мероприятий, тем самым превратившись в индустрию, что полностью соответствовало духу эпохи. Так, возвращаясь к музыке, появились большие концертные залы, театры, в результате чего произошло смещение от камерных до симфонических форм. Музыкальные концерты стали доступными для широких слоев населения, билеты на которые можно было свободно приобрести в кассах города. Позже, с изобретением звукового и звукозаписывающего оборудования, а также с развитием средств массовой коммуникации, музыка, благодаря телевизионным экранам, радиоприемникам, магнитофон, получила новые трансляционные возможности, и зазвучала в каждом доме. Искусство стало продуктом массового потребления, поэтому наступила формация массовой культуры [2]. В период Третьей волны, символом которой стали сетевые технологии, разрушающие централизованный контроль над искусством, происходит демассификация потребителя культурных благ. Отныне музыка звучит для каждого персонально, в зависимости от индивидуальных предпочтений [10]. Тоффлер Э. по этому поводу отметил, что «все эти разработки имеют одну общую черту: они разделяют общую аудиторию на группы, и каждый новый сегмент увеличивает разнообразие нашей культуры» [10, с. 473].

В то же время, то разнообразие и неограниченность выбора, которые предлагает сегодня интернет, обусловили клиповость культуры информационного общества, что, с одной стороны, объясняется устремлениям производителей культурных благ быть замеченными, а с другой – попыткой потребителей охватить как можно больше интересного им контента [3]. Цифровые пиктограммы, стикеры в онлайн-мессенджерах, интернет-мемы, музыкальные клипы, короткие видеоролики на платформе You Tube и многое другое – это, по сути, артефакты сетевой культуры, адаптируют информацию для легкого и быстрого восприятия. Белл Д. в своей теории постиндустриального общества имеет рассуждения, что «старая концепция культуры базируется на преемственности, современная – на разнообразии; старой ценностью была традиция, современный идеал – синкретизм» [1, с. 292]. Этот тезис был сформулирован в 1973 году, однако впоследствии его значение только усиливалось. Сегодняшние сетевые технологии предложили альтернативную территорию для творческого эксперимента, в процессе которого смешиваются виды, стили, жанры, а в результате – рождается нечто новое, но значимое, поскольку представляет ценности текущей исторической

эпохи. Маклуен М. определил культуру информационного общества как глобальную и мозаичную [9, с. 156].

Сегодня принцип глобализации обеспечивается фактическим отсутствием физических границ в сети интернет и сверхвысокой скоростью передачи информации в ней, что ученый объединил под термином «глобальная деревня», но по отношению к традиционным СМИ; а принцип мозаичности, в свою очередь, сформировался из-за специфики чтения электронной информации, то есть урывками через интервалы, переходя по ссылкам, в отличие от чтения книг, которое обеспечивает последовательное восприятие информации, а следовательно способствует формированию линейного мышления [9].

Развивая идеи теории информационного общества, М. Кастельс так же рассматривает современную культуру как глобализованную, охарактеризовав ее как мультикультурной системой координат, говоря о широкой культурной дифференциации технологических инноваций [5, с. 217]. Будучи профессором университета в американском штате Калифорния, который является главным центром разработки информационных технологий, М. Кастельс смог одним из первых наблюдать формирование информационно-технологической парадигмы и описать трансформацию общества под ее влиянием. В результате в его работах мы находим первые зафиксированные признаки новой коммуникативной платформы, важнейшим среди которых ученый определяет «охват в своей сфере большинства видов культурных проявлений во всем их разнообразии. От худших к лучшим, от самых элитных до самых популярных, сочетаются в этой цифровой вселенной, что связывает супертексты прошлые, настоящие и будущие проявления коммуникативной мысли. Таким образом они развивают новую символическую среду. Делают виртуальность нашей реальностью» [6, с. 461]. В своих трудах М. Кастельс очертил переход современного общества от «галактики Гутенберга» к «галактики интернет» и первым выделил понятие сетевой культуры. «Это культура, построенная на технократической вере в прогресс человечества под влиянием техники, принята сообществом хакеров, развивается на основе свободной и открытого технического творчества, внедрена в виртуальные сети, имеет целью построение нового общества, и творении новой экономики» [5, с. 283].

В теории информационного общества, в условиях глобализации, сформировалась главная идея о том, что средства массовой культуры позволяют выделить устную, письменную, аудиовизуальную и сетевую цивилизации. Появляясь, новые медиа постепенно меняют нашу жизнь [7]. Так, Э. Тоффлер выделяет появление новой возможности самостоятельных манипуляций в информационном пространстве, хотя и очень простых. Прежде всего ученый определяет видеоигры, которые превратили экран из информационного средства в информационно-

коммуникативное поле. «Эта разработка представляет собой волну социального научения, это предварительная тренировка, которая готовит нас к жизни в электронном мире. Благодаря этому нехитрому прибору миллионы людей учатся играть с телевизором, отвечать ему, взаимодействовать с ним» [10]. Следовательно, можно говорить о том, что видеоигры заложили основу потребительского просьюмеризма, который позже стал одной из определяющих характеристик нового типа культуры. Следующими судьбоносными разработками стали компьютер и всемирная система компьютерных сетей под общеизвестным названием интернет. О компьютере Тоффлер пишет: «Этими умными машинами уже пользуются в самых разных целях: от оформления семейных счетов по контролю расходов электроэнергии в доме. С ними играют, в них сохраняют кулинарные рецепты, они напоминают своим владельцам о запланированных встречах и служат «интеллектуальными» печатными машинками» [10, с. 512]. В этом тезисе автор записал лишь малую часть потенциальных возможностей компьютеров. С их появлением, а также с появлением интернета практика потребительского просьюмеризма расширилась, человек получил доступ к собственному созданию контента, к свободному выражению собственного мнения, к наполнению культуры собственными произведениями.

В таком случае, можно отметить, что по теории об информационном обществе рождается новое исследовательское направление – медиа-археология. Высокий технологический уровень развития современных медиа, по сравнению с прошлой эпохой, а также их всеобъемлющая популярность, безусловно, не могли остаться без внимания ученых самых разных специальностей, что привело к появлению активного междисциплинарного дискурса о них.

Медиа-археология, истоки которой мы наблюдаем в работах М. Маклуена, позже у Э. Тоффлера и М. Кастельса, а также французского философа и культуролога М. Фуко, отмечено, что «археология означает «раскопки» предмета исследования до архаического уровня, который позволяет познание и способ бытия того, что предстоит познать» [11, с. 185]. Чтобы получить ответ на вопрос о том, что предвещало приход современной медиа-цивилизации, заняла почетное место в методологии исследования проблема влияния современных информационно-коммуникативных технологий на формирование нового типа культуры, ведь – это «взгляд на медиакультуру не только через призму прошлого, настоящего и будущего, но и во взаимосвязи всех времен. Это способ связать вместе все эти временные пласты и объяснить их друг через друга» [3]. В целом, выделяя способ исследования культуры путем совершенного изучения медиа, можно говорить о формировании культуротехнического подхода в культурологии. Так, в трудах профессора Калифорнийского университета Е. Хухтамо мы находим

расширенную культурную концептуализацию термина «медиа», он описывает ее в качестве «нефиксированных объектов, у которых нет определенных границ. Они сконструированы комплексами желаний, верований и процедур, встроены в сложные культурные коды коммуникации» [12].

Жилина А.В. в своем анализе медиа-теории относительно теории Э. Хухтамо метко замечает, что таким образом ученый рассматривает не сами медиа и условия их существования, а как «дополнительные» культурные медиации [4]. Эту идею (топосив) Хухтамо позаимствовал из риторики классической античности. Они были местами для хранения направлений мысли, систематически организованными формулами, которые служили практической цели, а именно составлению речей. Когда классическая риторика постепенно потеряла свое первоначальное значение и цель, формулы проникли в литературные жанры. Превратившись в клише, которые можно использовать в любой литературной форме, они распространились на все сферы жизни, к которым имеет отношение литература и которым она придает форму. Итак, топики можно рассматривать как формулы, от стилистической до аллегорической, они составляют «строительные блоки» культурной традиции, а, следовательно, являются идеологическими конструкциями [12]. Современные медиа находятся в тесной связи с человеком. Вероятно, эту связь можно охарактеризовать как самый прочный за всю историю человечества. Медиа-устройства и технологии всегда находятся под рукой. Мы проверяем свои мессенджеры, почту и профили в социальных сетях каждые 12 минут, проводим время в сети в течение 24 часов в неделю, вдвое больше чем 10 лет назад [6]. Сейчас новые медиа образуют киберпространство культуры, активно вмешиваются в реальную жизнь, где происходит кросскультурный диалог, в контексте которого возникают новые культурные универсалии, единые для всей современной культуры. В таком случае сетевые артефакты представляют собой существенный семиотический комплекс, исследования которого приближает нас к научной констатации культуры нового типа.

Если подвести итог, то можно отметить, что представлена попытка привлечь сетевое творчество, в том числе, герменевтического дискурса, в рамках которого раскрывается ее интерпретационный потенциал. Интерпретация произведения, будь то интернет-мем, видеоролик на You Tube или фотография в Instagram не будет объективной, если оставить без внимания культуру, и наоборот – невозможно сформировать представление о культуре, не ознакомившись с ее творчеством. Такое положение отражает сущность герменевтического круга: «понимание текста невозможно без понимания контекста, а понимание контекста невозможно без понимания текста» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М., 2004. 788 с.
2. Крючком А. «Археология знания»: к проблеме становления философско-исторических взглядов М. Фуко. Философия и политология в контексте современной культуры. 2012. Вып. 4 (2). С. 200-207.
3. Герман И. Эволюция технологий: Эррки Хухтамо о том, чем занимаются археологи медиа. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10145-arkheologiya-media> (дата обращения: 20.04.2021).
4. Жилина А.В. В преимуществах материалистического подхода в теории медиа // Философский журнал. 2017. № 3. Т. 10. С. 93-111.
5. Кастельс М. Галактика Интернет / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, 2004. 328 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. 608 с.
7. Киттлер Ф. Медиа философии, философия медиа / пер. с нем. И. Инишева // Логос. 2015. Т. 25. № 2 (104). С. 173-188.
8. Колесник А.С. Культурологическая герменевтика и диалог контекстов // Культура и современность. 2014. № 1. С. 24-30.
9. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев, 2004. 432 с.
10. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. Л. Бурмистрова, К.Л. Татарина, К. Бурмистров, З. А. Заритовская. М., 2010. 800 с.
11. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. Раковая М. Б. СПб., 2004. 416 с.
12. Huhtamo E. From Kaleidoscomaniac to Cybernerd: Notes Toward an Archaeology of the Media. Leonardo. 1997. No. 3. Vol. 30. Pp. 221-224.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНЗУРЫ И САМОКОНТРОЛЯ СМИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

CHARACTERISTIC OF MEDIA CENSORSHIP AND SELF-CONTROL IN THE PROCESS OF FORMING A DEMOCRATIC SOCIETY

V. Torosyan
M. Borovik

Summary: The article examines the controversial role of the mass media in the formation of a democratic society, when instead of officially abolished censorship, the need for self-control and appropriate moral criteria becomes especially urgent. On the one hand, the mass audience of the media and their efficiency in resonant coverage of a wide range of events allows us to solve serious problems. On the other hand, sometimes the freedom of the media understood as permissiveness, turns into a scandal, the education of a bad taste of the audience, moreover, threatens the stability of the state. Methods of comparison and analysis of well-known news materials prove the urgent need to determine reasonable and fair restrictions in the practice of the media. It is proved that this problem is directly related to the cultural policy of the state, which can't be based longer on prohibitions and compulsions, but should take the character of a long-term program of cultural education.

Keywords: mass media, law, restriction, censorship, force, prohibitions, self-control.

Торосян Вардан Григорьевич

Д.ф.н., профессор, Краснодарский государственный институт культуры
torosyan5@mail.ru

Боровик Мария Викторовна

Аспирант, Краснодарский государственный институт культуры
borovik_maria@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается противоречивая роль средств массовой информации в условиях формирования демократического общества, когда вместо официально отменённой цензуры становится особенно актуальной необходимость самоконтроля и соответствующих нравственных критериев. С одной стороны, массовость аудитории СМИ и их оперативность в резонансном освещении широчайшего спектра событий позволяет выносить на обсуждение и решать серьёзные проблемы. Вместе с тем свобода СМИ, порой понимаемая как вседозволенность, оборачивается скандальностью, воспитанием дурновкусия аудитории, более того, угрожает стабильности государства. Методами сравнения и анализа известных новостных материалов доказывается острая необходимость определения разумных и справедливых ограничений в деятельности СМИ. Доказано, что указанная проблема имеет прямое отношение к культурной политике государства, которая не может больше строиться на запретах и принуждениях, а должна принять характер долгосрочной программы культурного воспитания.

Ключевые слова: средства массовой информации, закон, ограничение, цензура, принуждение, запреты, самоконтроль.

К числу важнейших задач культурной политики современной России относится деятельность средств массовой информации, приобретающая все возрастающую роль в общественной жизни. Очевидно, что в процессе формирования демократического общества она не может регулироваться характерными для советского периода нашей истории запретами и принуждениями, изжившими себя уже в тот период и в немалой степени ускорившими развал советской системы. Вместе с тем, адекватный современным реалиям и перспективам подход порождает весьма неоднозначные проблемы и коллизии.

Эти проблемы находят освещение как в самих средствах массовой информации, так и в ряде научных работ: Ольги Минаевой, Александра Грабельникова, Татьяны Горяевой, Павла Рейфмана, Натальи Лунцовой, Дмитрия Карпука, Иосифа Дзялошинского. Тем не менее, сохраняется необходимость комплексного культурологического анализа, недостаточно освещен ряд аспектов проблемы, в том числе таких актуальных, как проблема самоконтроля в СМИ.

В статье с помощью **социального, исторического и культурологического** подходов рассмотрены основные сферы влияния прессы на общество с особым вниманием к анализу и сравнению реакций реципиентов СМИ на те или иные публикации, приведенные в привязке к недавно вышедшими законами РФ, касающиеся работы прессы, статьями в официальных средствах и комментариями общественных деятелей. Использование свежих новостных материалов позволит раскрыть неоднозначные проблемы цензуры и самоконтроля СМИ.

Многовековая история средств массовых информационных всегда была тесно связана с общественно-политической жизнью общества. Еще в эпоху Римской империи Юлий Цезарь осознал необходимость освещения важных сведений о государственной жизни. Было создано первое рукописное периодическое издание протоколов сената **Acta senatus**, которое стало первым массовым словом, стимулирующим в дальнейшем появление газет и книг. Должность цензора в Древнем Риме была учреждена значительно раньше, чем появление издания (в 443 году до н.э.) и первоначально регулировало налоги-подати и военную деятельность. Веками позже первые га-

зеты появились там же, на территории Италии, и получили название по монетке, которыми они оплачивались.

В России только в петровское время (указ Петра I от 15 декабря 1702 года) возникло первое периодическое издание под заголовком «Ведомости Московского государства», которое чуть позже – через две недели – получило привычное для нас название «Ведомости» (2 января 1703 год). Средства массовой информации с самого начала были под строгим надзором: Императоры и Синод православной церкви наблюдали за публичным словом. Позже эту функцию передали профессорам Петербургской Академии наук и Московского Университета. Цензура в то время стала неотъемлемой функцией государства. С её помощью реализовали систему запретов и ограничений, а также механизм пропаганды.

С появлением советской власти цензурный пресс и вовсе носил жесточайший характер. Например, в 1937-1938гг. редакторов, журналистов, писателей, подвергшихся цензуре за свободомыслие, – репрессировали. Были арестованы известные публицисты и режиссеры, а их работы на долгое время положены «на полку».

Жестокая цензура и преследование деятелей искусства, не вписывающихся в рамки партийной идеологии и «социального реализма», продолжались даже в период «Хрущевской оттепели». Вошли в историю две выставки, получившие всемирный резонанс и разгромленные властями. Это выставка художников-авангардистов в московском Манеже и «бульдозерная выставка» в Измайловском парке. При посещении их Никита Хрущев подверг экспонаты и самих художников жесткой критике, использовав нецензурные выражения. Следующим примером можно назвать вынужденный отказ Бориса Пастернака от Нобелевской премии, в результате массовой кампании давления. Были изгнаны из СССР Александр Солженицын и приютившие его на своей даче Мстислав Ростропович и Галина Вышневецкая, через непростые коллизии прошел автор «Тихого Дона», покончил самоубийством принуждаемый к роли идеологического цензора председатель Союза писателей СССР Александр Фадеев.

Только при правлении Михаила Горбачева получили «зеленый свет» пролежавшие десятилетия на полке художественные произведения и кинофильмы, началось постепенное освобождение от цензурного давления, которое завершилось отменой шестой статьи Конституции о руководящей роли КПСС и принятием закона о СМИ (1991г.). Впервые стали транслировать по радио и телевидению съезды КПСС. Помнится, однако, как тот же Михаил Горбачев кричал на предавшего огласке нелцеприятные факты нашей политики академика Андрея Сахарова, который в тот же вечер скончался от инфаркта. Как бы то ни было, одним из ощутимых результатов

«перестройки» оказались невиданная доколе свобода и «зубастость» СМИ, которые многократно обсуждались в русской литературе. Появились и не испытанные ранее трудности – жизнеобеспечения. По причине нехватки финансовых средств подавляющее большинство СМИ осталось без финансирования. Под опекой государства были, в основном, те издания и медиа-холдинги, которые защищали интересы новой власти. Остальным же нужно было искать инвесторов. Сражаясь за «хлеб», многие СМИ стали забывать об этике, самоконтроле и подлинности информации, что повлекло за собой ряд проблем: распространение вредоносных идей, отсутствие полного контроля к призывам экстремизма, конфликты на духовно-нравственные темы, выходящие далеко за рамки приличия материалы.

И тут возникла уже в новом ракурсе проблема возможности цензурных ограничений на пути к демократии. Этот вопрос актуален и всегда вызывал непримиримые споры общественных деятелей и массу противоречивых мнений. С одной стороны, в современном обществе с появлением такого рычага контроля возможно злоупотребление им в виде ограничения свободы выражения мысли и развития общества в сферах культуры, искусства и науки. С другой же стороны, благодаря ограничениям можно избежать множества конфликтов в обществе, а также контролировать информацию по духовно-нравственному аспекту.

Не случайно, средства массовой информации считаются четвертой ветвью власти и имеют сильное влияние в обществе. Многие события в политической, экономической, общественной и культурной жизни освещаются через СМИ. Масс-медиа стали важной частью системы социализации людей, играют важную роль в формировании общественного мнения, задают стандарты жизни и сознания. В обстановке затянувшейся в России переоценки ценностей заметны две противоположные тенденции – серьезное, ответственное освещение событий и скандальность, пренебрегающая и даже демонстративно нарушающая нормы нравственности. Сюжеты, особенно на телевидении, оказываются вовлеченными в некий весьма опасный порочный круг – производитель низкопробной продукции оправдывается тем, что таков запрос потребителя – массовой аудитории, а это гарантия дальнейшей деградации культуры населения, которая может принять масштабы неконтролируемого, лавинообразного, разрушительного национального бедствия.

Средства массовой информации являются важной частью жизни политиков, и не только во время предвыборной гонки. Например, тяжелая ситуация на Украине во многом подогревается благодаря «информационной войне» и отсутствию какого-либо контроля в прессе. Пропаганда еще задолго до Майдана готовила зрителей

к такому исходу. В России тоже были демонстрации на почве национальных различий в 2012 году. Однако без поддержки прессы эти волнения не получили бы такой громкой огласки.

Ухудшение условий жизни в период пандемии стало неким катализатором активной законотворческой деятельности российских политиков. Четырехмесячный карантин увеличил рейтинг СМИ в обществе и, как следствие, его контроль. Среди самых обсуждаемых законов можно выделить поправки в статью 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации». Теперь прописана административная ответственность за распространение фейковых новостей. Вышел закон о клевете в интернете (изменения в статье 128.1 УК РФ), который предусматривает не только штраф до 1 миллиона рублей, но и лишение свободы на срок до двух лет. Еще был изменен закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Теперь журналистов, освещающих несанкционированные акции, в некоторых случаях можно приравнять к протестующим. Закон ужесточает порядок участия СМИ в публичных мероприятиях, при этом работник прессы на митингах обязан использовать «знак (признак)» представителя прессы. Весьма противоречивую реакцию общественности вызвал только готовящийся закон о просветительской деятельности, который при соответствующем истолковании может означать возврат к идеологической цензуре. Интересно, что три года назад главный редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов в одном из интервью сделал три предсказания, которые сейчас уже стали действительностью. Это законы, ограничивающие интернет, уменьшение количества оппозиции и внешняя изоляция.

Наряду с этим, в современных средствах массовой информации реализовываются немыслимые в советское время вещи – поднимаются важные экологические и общественные проблемы, пресса способствует разоблачению коррупции. Такова, например, скандальная история с судьей из Краснодара Елены Хахалевой. После ряда видеосюжетов на НТВ ее деятельность и соответствие занимаемой должности проверялись в следственных органах, после чего Елена Хахалева была выведена из состава президиума Краснодарского краевого суда.

В современных средствах массовой информации при этом нередко наблюдается прямолинейность поддержки государственных решений, как, например, с пенсионной реформой. С одной стороны, честно объяснена экономическая неизбежность данного решения, а с другой – доверие к прессе подрывает показ «счастливых пенсионеров». Здесь прослеживается метод манипулирования массовым сознанием, который называется: свидетельство «простых смертных» [5. Раздел 3 Гл. 2 С. 9].

Зачастую не только освещаются, но и происходят конфликты в СМИ на религиозной почве. В России, по данным министерства Юстиции 2019 года, зарегистрировано более 30 тысяч религиозных организаций. Среди работников прессы в современном обществе эта тема вызывает большой интерес. Призывы общественных деятелей в борьбе за нравственность не смолкают в заголовках СМИ.

Широкое обсуждение в прессе позволило найти компромиссные решения такой проблемы как: передача религиозным организациям соборов и художественных произведений (картин), которые находятся в государственной собственности. Существующий закон позволяет церкви иметь права на религиозные объекты, однако громкие скандалы позволили скорректировать влияния на них.

Среди последних конфликтов на религиозную почву можно выделить крайне негативную реакцию на публично высказанное одобрение со стороны Ксении Собчак решения французского президента Эммануэля Макрона о продолжении работы скандального карикатурного издания Charlie Hebdo. Неуважение деятелей журнала к религиозным ценностям повлекли непоправимые последствия – 13 человек убито во Франции из-за конфликтов после просмотра карикатур издания.

Другим примером можно назвать общественный конфликт в отношении фильма «Матильда» Алексея Учителя. Депутат Госдумы РФ Наталья Поклонская обращалась в Генпрокуратуру с просьбой проверить фильм на предмет оскорбления чувств верующих, приложила немало усилий для запрета кинокартины, аннулировании лицензии на прокат. Однако позже сама призналась, что совершила ошибку. Такое необдуманное поведение, повлекшее за собой травлю создателей фильма, поджоги кинотеатров, пикеты, осуждалось в средствах массовой информации.

Последнее десятилетие ознаменовалось чередой громких скандалов, которые дали повод для дискуссий об отношении к религии в современном обществе. Например, срыв выставки Марата Гельмана в Краснодаре, закрытие оперы «Тангейзер» в Новосибирске, убийство голландского режиссера Тео Ван Гога, карикатурные скандалы в Дании и Франции. Со свободой слова повышается и ответственность. Радикальные взгляды религиозных фанатиков зачастую к самой вере не имеют ничего общего. Однако провокационное искусство способно стать катализатором для противоправных действий. В решении этой проблемы необходимо соблюдать принципы взаимного уважения. Характерной тенденцией становится то, что СМИ обеспечивают возможность высказывания разных сторон обсуждения самых острых проблем.

Впервые идея о саморегулировании журналистского сообщества появилась в Европе и США на рубеже XIX и XX веков. Это было связано с образованием крупных газетных монополий, которые получили в свои руки все инструменты манипулирования читателем и стали беспрепятственно ими пользоваться. Так в середине 1940-х гг. в США появилась Комиссия Хатчинса (официальное название Комиссия по Свободе печати), которая 4 года изучала современное состояние свободы и ответственности американских СМИ. В итоговом докладе они определили главные принципы ответственности прессы, которые легли в основу системы саморегулирования СМИ во всем мире.

Главный вывод, сделанный Комиссией: если современному обществу требуются крупные органы массовой коммуникации, которые представляют угрозу для демократии, — эти органы должны перейти на саморегулирование, в противном случае их будет контролировать правительство. Данный вывод можно назвать первым высказанным учеными обоснованием необходимости самоконтроля в прессе, так как иначе выход будет один – тотальная цензура СМИ.

В современной России действует Кодекс профессиональной этики российского журналиста, который был принят Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года. Он предназначен для членов Союза журналистов России, однако не каждый деятель прессы входит в его состав.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что бесконтрольность СМИ опасна и разрушительна для общества, грозя не только дурновкусием но и социальным напряжением. Задача современного общества состоит в том, чтобы найти компромисс, определить, какие ограничения являются разумными и справедливыми, а какие – нет. Безусловно, эта задача должна занимать весьма важное место в культурной политике государства. Существующее положение дел убеждает при этом, что юридическое решение проблемы может носить лишь тактический, ограниченный текущим моментом характер, а в стратегической, долгосрочной перспективе культурная политика должна базироваться на всеобъемлющей программе воспитания населения, обеспечивающей широкий кругозор, усвоение веками традиционных культурных ценностей, гражданскую ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста - М.: МГУ, 2003.
2. Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы - М.: Издательство РИП – холдинг, 2001 – 183с.
3. Грабельников А.А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя: Монография – М.: РУДН, 2008. – 341 с.
4. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. 8-9 с.
5. Дзялошинский И.М. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности – М: Студия «Викон», 1996.
6. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России: Учеб. пособие для студентов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 312 с.
7. Евдокимов В.А. Региональные печатные СМИ как субъект политического конфликта (на примере Омской области) // Сборник статей «Журналистика и политика» - Екатеринбург, 2004 - 30 с.
8. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX века. // Аспект-Пресс, 2001.
9. Карпук Д.А. Духовная цензура в России по второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Научная статья. Христианское чтение №2. 2015. 1 - 20 с.
10. Лунцова Н.Р. Функционирование СМИ в политическом процессе (На материале федеральных печатных СМИ): Дис. ...: канд. полит. наук. Екатеринбург, 2003. 145 с.
11. Мамонтова О.И. Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире // Вестник Московского университета Серия 10. Журналистика. Научная статья – М.: МГУ. 2010.
12. Минаева О.Д. Русская журналистика в документах: История надзора / под ред. Б.И.Есина, Я.Н.Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 397 с.
13. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1: Цензура в дореволюционной России. Вып. 3: 1855 - 1917 гг. / науч. ред. Е.С. Сониная, библиогр. ред. Н.В. Градобоева; пред. И.А. Пильщикова и В.С. Парсамова. — М.: «Пробел-2000», 2017. — 305 с.
14. Свободная и ответственная пресса/под ред. М.И. Макеенко - М.: ВК, 2005. – 72 с.
15. Хатчинс Р.М. Свободная и ответственная пресса / пер. Н.Е. Евдокимовой, под ред. М.И. Макеенко. — М.: Икар, 2005.

© Торосян Вардан Григорьевич (torosyan5@mail.ru), Боровик Мария Викторовна (borovik_maria@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ НА ПОВЕДЕНИЕ В КОНФЛИКТЕ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

THE IMPACT OF VERBAL INTELLIGENCE AND PERSONAL PSYCHOLOGICAL SINGULARITIES ON THE CONFLICT BEHAVIOUR OF INTERNET FORUM USERS

*Iu. Astrakhantseva
A. Varnin
M. Glavatskikh*

Summary: The increase of conflicts in virtual environment and its negative impact on personality has been noted by many authors. The aim of the study was to identify and analyze the psychological determinants of the types of reaction in the conflict of participants in Internet forums, namely, their psychological characteristics of personality and verbal intelligence. Research methods. To solve the tasks given, multiple regression analysis was applied with a step-by-step inclusion of the tested psychological indicators of personality and verbal intelligence of forum participants as variables of the regression model. Results. This study has proved the influence of Machiavellianism, general awareness on the subject and the ability to draw analogies with the ability to form complex intellectual models, which are necessary for making a constructive decision in a conflict. Conclusion. The results of this study make it possible to expand theoretical and empirical ideas about the state of psychological determinants of virtual communication.

Keywords: verbal intelligence, internet forum, conflict, virtual communication.

Астраханцева Юлия Львовна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск
Ulastra@mail.ru

Варнин Андрей Вячеславович

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск
abraham133@list.ru

Главатских Марианна Михайловна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск
ni-hao@mail.ru

Аннотация: Рост конфликтов в виртуальной среде и их отрицательное влияние на личность отмечается большинством авторов. Целью исследования явилось выявление и анализ психологических детерминант типов реагирования в конфликте участников интернет форумов, а именно их психологических особенностей личности и вербального интеллекта. Методы исследования. Для решения поставленных задач был применен множественный регрессионный анализ с пошаговым включением тестируемых психологических показателей личности и вербального интеллекта участников форумов в качестве переменных регрессионной модели. Результаты. Доказано влияние макиавеллизма, общей осведомленности и способности проводить аналогии с возможностями формировать сложные интеллектуальные модели, которые необходимы для принятия конструктивного решения в конфликте. Заключение. Результаты настоящего исследования позволяют расширить и конкретизировать теоретико-эмпирические представления о состоянии психологических детерминант виртуального общения.

Ключевые слова: вербальный интеллект, интернет-форум, конфликт, виртуальное общение.

Общение в виртуальном пространстве является значимой деятельностью в современном мире. Н.Д. Голев [3], наряду с устной и письменной речью, выделяет общение в интернете в отдельный вид деятельности, со своими особенностями и ограничениями. Одна из особенностей виртуального общения - редуцирование перцептивной стороны общения, что делает актуальным изучение роли вербального интеллекта и психологических особенностей личности в обеспечении коммуникативной и интерактивной стороны общения. Стоит отметить, что проведенный контент-анализ подтвердил идею о деструктивной виртуальной среде и выявил возникновение конфликтов в 56,5% на исследуемых форумах. В условиях повсеместного использования виртуального пространства можно заключить, что конфликты в виртуальной среде являются значимым фактором в формировании личности, соответственно важной

задачей стоит изучение механизмов формирования деструктивной среды.

В работах отечественных и зарубежных ученых [Выготский Л.С., 2017, Черниговская Т.В., 2016, Колдуэлл-Харрис, 2019] показано, что базисные понятия языка влияют на перцептивное восприятие мира, а мышление сформировалось под воздействием культурно-исторической среды и предназначено для сборки интеллектуальных объектов разной степени сложности и новизны [Курпатов А.В. 2018]. Л. Витгенштейн пишет: «...границы моего языка - суть границы моего мира» [2, с.101]. Человек мыслит образами, язык «объективизирует» индивидуальные впечатления, обеспечивая познание социального мира и коммуникацию. Соответственно конфликтные ситуации, которые возникают в Интернете, тесно переплетены с личностью в целом. В качестве маркеров конфликт-

ного поведения, опираясь на работы Доценко Е.Л. [5] и Шейнов В.П. [8], были выбраны такие психологические особенности как макиавеллизм, неклиническая психопатия, нарциссизм.

Цель исследования – изучить влияние вербального интеллекта и психологических особенностей личности на поведение в конфликте участников форумов. В исследовании приняли участие 46 респондентов - участники интернет-форумов, средний возраст которых составляет 29 лет, из них 23 мужчины и 23 женщины.

Методы исследования

В работе применялся психодиагностический метод, а именно методики исследования: опросник темной триады (в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой), диагностирующий макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническую психопатию; опросник «диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева), диагностирующий три вида реагирования в конфликте: агрессия, уход, решение; тест структуры интеллекта Амтхауэра, комплекс вербальных субтестов диагностирует общую способность оперировать словами, как сигналами и символами. Методом анкетирования выявлялось образование и частота общения на форумах. Количественные методы: проверка на нормальность распределения с применением критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой значимости Лилефорса, критерий корреляции Спирмена и множественный регрессионный анализ методом пошагового включения.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования для подготовки к проведению регрессионного анализа устанавливалась и описывалась взаимосвязь изучаемых показателей. В результате регрессионного анализа, где зависимой переменной выступал тип реагирования «агрессия», а предикторами психологические особенности личности и вербальный интеллект участников форума, выявлено влияние уровня образования и общей осведомленности (таблица 1).

Таблица 1.

Результаты исследования влияния вербального интеллекта, психологических особенностей личности и уровня образования на тип реагирования «Агрессия» участников форумов методом регрессионного многофакторного анализа.

ПОКАЗАТЕЛИ	Коэффициенты	t	Значимость
(Константа)	17,776	3,201	0,003
Образование	-7,607	-3,872	0,000
Дополнение предложения	1,158	2,849	0,007

Рассматриваемые предикторы объясняют 26,7% ($R^2=0,267$) дисперсии переменной «агрессивный тип реагирования». Таким образом, низкий уровень образования совместно с высокой осведомленностью приводит к тому, что человек чаще прибегает к агрессивной стратегии реагирования. Можно предположить, что высокая осведомленность побуждает респондентов к жесткости в отстаивании своей позиции. У таких респондентов создается иллюзия развитого интеллекта и, как следствие, сложность в интерпретации чужой точки зрения.

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа, влияния вербального интеллекта, психологических особенностей личности и образования на тип реагирования «Уход» у участников форумов. Регрессионный анализ показал отрицательное влияние макиавеллизма на тип реагирования «Уход».

Таблица 2.

Результаты исследования влияния вербального интеллекта, психологических особенностей личности и образования на тип реагирования «Уход» участников форумов методом многофакторного регрессионного анализа.

ПОКАЗАТЕЛИ	Коэффициенты	t	Значимость
(Константа)	29,000	11,628	0,000
Макиавеллизм	-0,380	-3,544	0,001

Полученные результаты свидетельствуют о значительном вкладе в формировании типа реагирования данного фактора (22%, $R^2=0,267$), однако так же можно наблюдать, что были учтены не все предикторы.

Корреляционный анализ типичной реакции «уход» показал отрицательную связь с субтестом на вербальный интеллект, который выявляет общую осведомленность ($r=-0.315$ при $p=0.033$). Представители с низкой осведомленностью видят себя неспособными отстаивать свою точку зрения, и предпочитают уход из конфликтной ситуации. Результаты в таблице 3.

Таблица 3.

Достоверные корреляции показателя «Уход», особенности личности, вербального интеллекта участников форумов.

№	Личностные особенности	Уход (избегание) (тип реагирования)	
		r	p
1	«Дополни предложение»	-0,315	0,033

Статистически значимые взаимосвязи были выявлены при исследовании неклинической психопатии, личностными особенностями, типами реагирования и вербального интеллекта (таблица 4). Были выявлены отрицательные корреляции между «психопатией» и ре-

акцией «уход» ($r=-0,303$ при $p=0,040$), субтестом №3 на вербальный интеллект, который определяет уровень развития словесно-логического мышления ($r=-0,481$ при $p=0,001$).

Таблица 4.

Достоверные корреляции показателя «Психопатия» и типами реагирования в конфликте и вербальным интеллектом участников форумов.

№	Личностные особенности	Психопатия	
		r	p
1	Уход (избегание)	-0,303	0,040
2	«Аналогии»	-0,481	0,001

Данные можно интерпретировать следующим образом: людям с высокой выраженностью психопатии, т.е. тем, кто условно имеет низкий уровень или отсутствие эмпатии и отсутствие угрызения совести, не свойственно реагировать на сложные ситуации избеганием или уходом от проблем. Это можно объяснить тем, что люди компенсируют дефицит в эмоциональной сфере и проявляют интерес к различным конфликтам. Так же надо отметить, что эти люди имеют низкий уровень по шкале «анalogии» в тесте по выявлению уровня вербального интеллекта. По этой шкале определяется уровень словесно-логического мышления. Другими словами, испытуемые имеющие высокие показатели по психопатии имеют сложности логически выстраивать свои мысли и проблемы с грамотным использованием языка. Можно предположить о том, что так как у таких людей низкий уровень эмпатии, т.е. способность понимать переживания другого человека, то это влияет на формирование словесно-логического мышления.

Респонденты, которые предпочитают использовать стратегию «уход» имеют низкие показатели шкалы общей осведомленности в самых разных областях, этот показатель необходим для мыслительной деятельности [Ясюкова]. Можно предположить, что человеку с низкой осведомленностью сложно выстраивать коммуникативные связи с оппонентами и отстаивать свою точку зрения, а избегание является, по мнению данных респондентов, наиболее выигрышной стратегией. Участники форумов склонные к избеганию конфликта, имеют низкие показатели по шкале макиавеллизм, т.е. тем людям, склонным к обманам, манипулированию, не свойственно уходить из ситуации, т.к. в этом случае они теряют контроль над ситуацией. Так же, избегая конфликты, люди пытаются уйти от негативных эмоций, что, видимо, не свойственно участникам форумов с высокими показателями психопатии.

По аналогии была разобрана типичная реакция реагирования – «решение», в таблице 5 представлены результаты регрессионного анализа.

Таблица 5.

Результаты исследования влияния вербального интеллекта и психологических особенностей личности на тип реагирования «Решение» участников форумов методом многофакторного регрессионного анализа.

ПОКАЗАТЕЛИ	Коэффициенты	t	Значимость
(Константа)	7,899	1,917	0,052
Макиавеллизм	0,345	3,373	0,002
"Аналогии"	0,554	2,388	0,021

Полученные данные свидетельствуют что на 24,6% ($R^2=0,246$) предикторы «макиавеллизм» и «анalogии» влияют на формирование типа реагирования «Решение». Чем выше данные респондентов по шкале «макиавеллизм» и «анalogии», выявляющий уровень развития словесно-логического мышления, т.е. это форма мыслительной деятельности, при которой человек с помощью речи выражает логические умозаключения и имеет способность аргументировать свои мысли, тем более выражен тип реагирования «решение».

Можно предположить, что способность анализировать и формировать сложные интеллектуальные модели, собирать объемный образ и интегрировать чужие взгляды в него, позволяет в конфликтной ситуации участнику форумов пытаться решить трудную ситуацию.

В таблице 6 представлен корреляционный анализ с типом реагирования «решение» с личностными особенностями. При анализе типичной реакции «решение», данные демонстрируют положительную корреляцию с субтестом на вербальный интеллект, который выявляет общую осведомленность ($r=0,330$ при $p=0,025$), с уровнем вербального интеллекта ($r=0,311$ при $p=0,035$), с «образованием» ($r=0,311$ при $p=0,035$).

Таблица 6.

Достоверные корреляции показателя «Решение», особенности личности, вербального интеллекта участников форумов.

№	Личностные особенности	Решение (тип реагирования)	
		r	p
1	«Дополни предложение»	0,33	0,025
2	Сумма (вербальный интеллект)	0,311	0,035
3	Образование	0,311	0,035

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что люди, которые в конфликтных ситуациях ищут способы решить проблему обладают развитым вербальным интеллектом, хорошо осведомлены и имеют высшее образование, т.е. имеют те факторы, которые позволяют формировать сложную интеллектуальную модель благо-

даря которой могут рассматривать ситуацию с разных сторон.

Анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы. **В работе** доказано влияние вербального интеллекта, психологических особенностей на типы реагирования в конфликте участников форумов. На агрессивный тип реагирования положительно влияет общая осведомленность и отрицательно влияет уровень образования. Тип реагирования «уход» отрицательно взаимосвязан с неклинической психопатией

и с общей осведомленностью. Так же, можно наблюдать отрицательное влияние макиавеллизма на данный тип реагирования. При типе реагирования «решение» выявлена положительная взаимосвязь с общей осведомленностью, уровнем вербального интеллекта, уровнем образования. Выявлено положительное влияние макиавеллизма и уровня развития словесно-логического мышления. Можно наблюдать, что такие факторы, как уровень образования, уровень вербального интеллекта и общая осведомленность взаимосвязаны с данной стратегией реагирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандура А. Уолтерс Р. Подростковая агрессия. - М., Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. - 512с.
2. Витгенштейн Л. - Логико-философский трактат. - Москва: АСТ, - 2018. – С. 160.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – СПб.: Питер, 2017. - С. 432
4. Голев Н.Д. - Русская письменная разговорная речь и ее отражение в быденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации - Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №5. – С. 12-30.
5. Доценко, Е.Л. - Психология манипуляции: феномены, защита и механизмы – М.: Издательство ЮРАЙТ, 2000 – С. 344
6. Курпатов А.В. Мышление. Системное исследование - М.: Капитал, 2018. – 672с.
7. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера. Язык и сознание. - Языки славянских культур, 2016. – С. 448
8. Шейнов В.П. - Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте - Вестник Российского университета дружбы народов, серия: психология и педагогика, 2018 – С. 431-445
9. Кэтрин л. Колдуэлл-Харрис, Scientific American 15 января 2019 года <https://www.scientificamerican.com/article/our-language-affects-what-we-see/> (дата обращения: 20.01.2020).

© Астраханцева Юлия Львовна (Ulastra@mail.ru), Варнин Андрей Вячеславович (abraham133@list.ru), Главатских Марианна Михайловна (ni-hao@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Удмуртский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

Бугаева Анна Михайловна

Аспирант, Кубанский государственный университет,
Краснодар
kalinskaia@mail.ru

RELATIONSHIP BETWEEN VALUES AND MARITAL SATISFACTION

A. Bugaeva

Summary: The article is devoted to one of the urgent problems of studying the family based on family values and satisfaction with marriage. A brief review of scientific research conducted by the author showed that at the present stage of development of psychological science and practice, it is necessary to consider the issue of the relationship between values and satisfaction with marriage. Having studied the essence of the problem, the author monitored the relationship between values and satisfaction with marriage, the purpose of which was to study the relationship between satisfaction with marriage and individual and family values in men and women who are married. The monitoring was carried out in several stages. At the first stage, the author investigated the nature of the relationship between certain spheres of life. As a methodology for measuring the nature of the ratio of certain areas of life, as a value, with their availability in implementation, the methodology «The level of ratio of» value «and» availability «in various spheres of life was used. In the second step, the author measured family values. A test questionnaire by A.N. Volkova «Role expectations and ambitions in marriage.» At the third stage, the author identified the level of satisfaction with marriage among men and women. To identify the level of satisfaction with marriage in men and women, a test questionnaire of satisfaction with marriage was used (V.V. Stolin, T.L. Romanova, G.P. Butenko). Statistical data processing was carried out - Pearson's correlation analysis method between the results of the methodology «the level of correlation of "value" and "availability", "ROP" and the test questionnaire "satisfaction with marriage" in two groups (men and women). The last stage of the study was to identify the relationship between indicators of family values of men and women in marriage with the level of satisfaction with marriage. The results of the study are beyond doubt, as they are confirmed by a complex of scientific research methods.

Keywords: family, family values, satisfaction with marriage, expectations and claims in marriage.

Аннотация: Статья посвящена одной из актуальных проблем изучения семьи на основе семейных ценностей и удовлетворенности браком. Краткий обзор научных исследований, проведенный автором, показал, что на современном этапе развития психологической науки и практики необходимо рассмотреть вопрос о взаимосвязи ценностей и удовлетворенности браком. Изучив суть проблемы, автор провел мониторинг взаимосвязи ценностей и удовлетворенности браком, целью которого было изучение взаимосвязи удовлетворенности браком с индивидуальными и семейными ценностями у мужчин и женщин, состоящих в браке. Мониторинг проводился в несколько этапов. На первом этапе автор исследовал характер соотношения определенных сфер жизни. В качестве методики для измерения характера соотношения определенных сфер жизни, как ценности, с их доступностью в реализации была использована методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах». На втором этапе автор измерял семейные ценности. В качестве методики измерения семейных ценностей был использован тест-опросник А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке». На третьем этапе автор выявил уровень удовлетворенности браком у мужчин и женщин. Для выявления уровня удовлетворенности браком у мужчин и женщин, использовался тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко). Была проведена статистическая обработка данных – метод корреляционного анализа Пирсона между результатами методики «уровень соотношения «ценности» и «доступности», «РОП» и тест-опросником «удовлетворенности браком» в двух группах (мужчины и женщины). Последний этап исследования заключался в выявлении связи показателей семейных ценностей мужчин и женщин в браке с уровнем удовлетворенности браком. Результаты исследования не вызывают сомнения, так как подтверждены комплексом научных методов исследования.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, удовлетворенность браком, ожидания и притязания в браке.

В настоящее время, проблеме изучения семьи уделяется большое внимание на междисциплинарном уровне. Ее рассматривают психологи (в т.ч. и социальные психологи), социальные педагоги, социологи, философы, юристы и др.

Многие исследователи сходятся во мнении, что семья - это малая социальная группа, связанная между собой родственными связями, объединение порождающие за собой юридические обязанности и права, построенная на эмоциональной близости и ответственности, которая содержит в себе определенный набор задач, требова-

ний и норм поведения. Это живой организм с собственными жизненными циклами, кризисами, изменениями и трансформациями [1,2,4,8,9].

Краткий обзор научных исследований показал, что вопросами изучения семьи занимались многие зарубежные и отечественные психологи-исследователи (Ю.П. Азаров, С.И. Голод, А.А. Клецина, В.Н. Дружинина, А.Я. Варга, А.Г. Лидерс, А.И. Антонов, Т.А. Гурко, С. Кунц, М. Боуэн и др.). Мы согласны с мнением Е.В. Киселевой, что особенно актуальной проблема исследования семьи стала с конца 90-х годов XX века, в связи с новыми куль-

турно-историческими реалиями и переходом от одной социальной системы к другой [8].

Удовлетворенность браком в своих работах освещали (Н.Г. Юркевич, Ю.А. Алешина, В.А. Сысенко, П. Кериг, М. Дуенди, Т.В. Свадьбина, О.В. Егорова, Т.В. Андреева, Л.Б. Шнейдер, В.А. Терехина, Ю.Е. Темиргалиева и др.).

Алешина Ю.А. удовлетворенность браком считает неким мериллом, субъективной оценкой каждого из партнеров о характере их взаимоотношений [1]. Баландина Л.Л. удовлетворенность браком рассматривает на основе эмоционально-оценочных отношений в семье, связанных с реализацией потребностей в любви, открытости, общении, поддержке, заботе и взаимопонимания [2].

Ю.С. Котельникова считает, что большое влияние на удовлетворенность браком оказывают различные факторы: - характер взаимоотношений между супругами; - личностные особенности каждого супруга; - мотивы вступления в брак; - совпадение/несовпадение ценностных ориентаций в семье. Гармоничный брачный союз во многом зависит от того, какие ценности содержит каждый из супругов. В этом месте тесно переплетаются ожидания партнеров с адекватным ролевым поведением, а также ценностными ориентациями индивидуальными и общими с партнером [9].

О.А. Шаваева считает, что, в современном обществе происходит выпадение семейных ценностей из системы ценностей индивида и это глобально отражается на росте разводов [12].

За последние три десятка лет взаимоотношения между мужчинами и женщинами изменились масштабнее, чем за предыдущие три тысячи лет, необратимая и существенная трансформация произошла с институтом брака и семьи [11]. И каждый ученый на междисциплинарном уровне должен задать себе вопрос: «Что мы знаем о том, как помочь каждой семье минимизировать проблемы и укрепить ее сильные стороны?» [10].

Мы же разделяем мнение Т.А. Гурко о том, что в настоящее время институт семьи стремительно претерпевает изменения и трансформацию, и, никто не знает, как жить в новом мире после пандемии в параллели, идущей с другими мировыми кризисами и изменениями, в частности финансовыми [6].

Таким образом, обзор научной и специальной литературы позволил сделать вывод о том, что на протяжении многих десятилетий проблеме изучения семьи и удовлетворенности браком посвящались работы многих авторов. Мы же считаем, что на современном этапе развития психологической науки и практики необхо-

димо рассмотреть вопрос о взаимосвязи ценностей и удовлетворенности браком, поскольку данный аспект проблемы недостаточно рассматривался в научных исследованиях.

В связи с этим, проблема взаимосвязи ценностей и удовлетворенности браком является актуальной и приобретает научную значимость.

«Семейные ценности – это аспекты семейной жизни, отражающие основные функции современной семьи: организация бытового потребления, интимные отношения, организация досуга, партнерские отношения, воспитание детей, эстетические ценности»[3].

Наиболее полную систематизацию семейных ценностей, полученную в исследованиях разных авторов, создал Т.А. Гурко:

- экономические и социально-демографические характеристики семьи: совокупность и величина семейного бюджета, возраст супругов, количество детей в семье и др.; - характеристики вне семейной сферы жизнедеятельности супругов: взаимоотношения с ближайшим социальным окружением, профессиональная сфера, открытость/закрытость семейной системы и др.; - установки и поведение супругов в основных сферах семейной жизни: хозяйственно-бытовые обязанности, тождественность установок в сфере семейной жизни, досуг и др.; - характеристика межсупружеских отношений: эмоционально-нравственные ценности, любовь и уважение к партнеру, общие взгляды и ценности, супружеская верность [5].

«Супружеские отношения относятся к одному из видов интеракции, причиной которого является согласованность ценностно-смысловых координат жизненных миров. Объединение людей в браке связано с естественной перестройкой их ценностей и становления системы их семейных ценностей» [7].

Ценностные ориентации любого индивида со временем видоизменяются вместе с семейными ценностями и являются одним из важнейших компонентов уровня удовлетворенности браком. Ведь если мы не знаем ценностные ориентации своего партнера и не обозначаем свои, мы сталкиваемся с несовпадением наших ценностей или значимости в их иерархии, что неминуемо приводит к семейным конфликтам.

Поэтому для нас важным было понять, есть ли взаимосвязь между удовлетворенностью браком и индивидуальными и семейными ценностями? В каких сферах ценностных ориентаций есть эти связи, и как именно они влияют на мужчин и женщин в браке?

Изучив суть проблемы, мы сочли возможным, провести мониторинг взаимосвязи ценностей и удовлетворенности браком, целью которого было изучение взаимосвязи удовлетворенности браком с индивидуальными и семейными ценностями у мужчин и женщин, состоящих в браке.

В качестве респондентов в исследовании приняли участие 120 человек (60 пар) находящихся в официальном браке (до 5 лет). Возраст респондентов составил от 28 до 36 лет.

Мониторинг проводился в несколько этапов.

На первом этапе мы исследовали характер соотношения определенных сфер жизни. В качестве методики для измерения характера соотношения определенных сфер жизни, как ценности, с их доступностью в реализации была использована методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» [13] (статистическая обработка данных расчет средних тенденций, градация баллов равна от 0 до 12).

Методика включает 12 категорий: - активная деятельная жизнь; - здоровье (физическое и психическое здоровье); - интересная работа; - красота природы и искусства; - любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); - материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); - наличие хороших и верных друзей; - уверенность в себе; - познание (возможность расширения своего образования, кругозора, интеллектуальное развитие); - свобода как независимость в поступках и действиях; - счастливая семейная жизнь; - творчество (возможность творческой деятельности).

Результаты исследования соотношений определенных сфер жизни с доступностью их реализации у мужчин и женщин, находящихся в браке представлены в табл. 1.

При сравнении индивидуальных ценностей у мужчин

и женщин, находящихся в браке были выявлены следующие различия. Для женщин, находящихся в браке значимыми являются следующие сферы: - здоровье (физическое и психическое здоровье(3,9)); - красота природы и искусства (3,76); - ценности счастливой семейной жизни (3,26). В иерархии индивидуальных ценностей именно эти сферы оказались наиболее важны для женщин.

Результаты мужчин значительно отличаются. Однако следует отметить, что мужчины так же, как и женщины заинтересованы в своем здоровье (4,33), но менее включены в другие сферы жизни в отличие от женщин.

На втором этапе мы измеряли семейные ценности. В качестве методики измерения семейных ценностей был использован тест-опросник А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке» [4]. Опросник содержит 7 сфер семейных ценностей (градация от 0 до 9 баллов): - интимно-сексуальная; - личностная идентификация; - хозяйственно-бытовая; - родительско-воспитательская; - социальная активность; - эмоционально-психотерапевтическая; - сфера внешней привлекательности.

Результаты исследования выраженности семейных ценностей у мужчин и женщин, находящихся в браке представлены в табл. 2.

Результаты показали, что для обеих категорий респондентов наиболее важными оказались следующие ценности: - личностная идентификация у мужчин (6,7), у женщин (6,56) – это говорит о том, что психологическая включенность партнера играет большую роль, как для мужчин, так и для женщин; - родительско-воспитательская ценность у мужчин (7,13), у женщин (6,3). Стоит отметить, что показатель мужчин выше, чем показатель женщин, но для обеих категорий респондентов значима личная реализация в этой сфере; - сфера социальной активности, занимает у мужчин (6,55) и женщин (6,91) значимое место, а это значит, что неизбежно становится важной социальная активность. Также в обеих группах значимой является эмоционально-психотерапевтиче-

Таблица 1.

Средние значения выраженности индивидуальных ценностей у мужчин и женщин, находящихся в браке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мужчины	-0,96	4,33	-0,83	-2,96	1,26	2,73	0,13	-1,2	1,13	-0,7	1,4	-1,9
Женщины	-2,1	3,9	-1,53	-3,76	2,16	2,36	-0,73	1,36	-1,86	-0,1	3,26	-2,5

Таблица 2.

Средние значения выраженности семейных ценностей у мужчин и женщин, находящихся в браке

	1	2	3	4	5	6	7
Мужчины	5,2	6,7	5,55	7,13	6,55	6,56	5,91
Женщины	4,76	6,56	5,86	6,3	6,91	6,95	6,45

ская ценность (мужчины (6,56), женщины (6,95)). Эти данные говорят о том, что и мужчинам, и женщинам необходима эмоциональная поддержка от партнера в своем браке. Следует отметить, что для женщин, находящихся в браке высокой ценностью является внешняя привлекательность, о чем свидетельствует средний показатель этой сферы (6,45), в то время как для мужчин эта ценность не так важна.

На третьем этапе мы выявили уровень удовлетворенности браком у мужчин и женщин. Для выявления уровня удовлетворенности браком у мужчин и женщин, использовался тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) [1].

Результаты исследования уровня удовлетворенности браком у мужчин и женщин, находящихся в браке представлены в табл. 3.

Таблица 3.

Средние значения выраженности уровня удовлетворенности браком у мужчин и женщин, находящихся в браке

Мужчины	36,8
Женщины	35,9

При сравнении среднего показателя уровня удовлетворенности браком в двух группах были выявлены следующие результаты: мужчины (36,8), женщины (35,9). Результаты свидетельствуют о том, что мужчины более удовлетворены своим браком, чем женщины.

Результаты трех этапов исследования позволили сделать вывод о том, что семейные ценности у мужчин и женщин отличаются и имеют свою специфику. Мужчины более довольны своим браком чем женщины, но также, как и женщины заинтересованы своим здоровьем, об этом говорит высокий уровень показателя этой ценности. Между тем, для мужчин, как и для женщин является

значимым психологическая включенность в партнера, реализация в сфере родительства, поддержка со стороны партнера и возможность социальной активности. Следует отметить, что для женщин важна внешняя привлекательность, в то время как мужчины меньше внимания уделяют внешности и эта ценность для них не так важна.

Следующий этап исследовательской работы заключался в выявлении корреляционной зависимости взаимосвязи характера соотношения определенных сфер жизни, с доступностью их реализации у мужчин и женщин с уровнем удовлетворенности браком. Была проведена статистическая обработка данных – метод корреляционного анализа Пирсона между результатами методики «уровень соотношения «ценности» и «доступности», «РОП» и тест-опросником «удовлетворенности браком» в двух группах (мужчины и женщины).

Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 4.

Критические значения коэффициента корреляции Пирсона для 120 человек равен 0,20.

Приведенные результаты, позволяют сопоставить выраженность индивидуальных ценностей у мужчин и женщин, находящихся в браке с уровнем удовлетворенности браком. Удовлетворенность мужчин своим браком значимо коррелирует с тремя сферами индивидуальных ценностей. Наиболее высок коэффициент корреляции между удовлетворенностью браком и сферами «Красота природы и искусства» (0,42), «Творчество» (0,44). Корреляция прямая, что означает, что чем более выражены переживания и принятие мужчинами этих ценностей, тем выше вероятность того, что они будут удовлетворены своим браком. Стоит обратить внимание на коэффициент обратной корреляции «Материально-обеспеченная жизнь» (-0,42).

Таблица 4.

Коэффициенты корреляции между индивидуальными ценностями и удовлетворенностью браком у мужчин и женщин, находящихся в браке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мужчины	0,04	0,05	0,1	0,42	-0,2*	-0,42	-0,22*	0,08	0,26*	-0,14	-0,3	0,44
Женщины	-0,2*	0,07	0,2*	0,28*	-0,5	-0,02	0,18	-0,14	0,28*	-0,17	-0,45	0,45

Таблица 5.

Коэффициенты корреляции между семейными ценностями и удовлетворенностью браком у мужчин и женщин, находящихся в браке

	1	2	3	4	5	6	7
Мужчины	0,16	0,09	0,04	0,21*	-0,2*	0,04	0,2*
Женщины	0,03	0,22*	-0,11	0,16	0,19	0,18	0,06

Представленные данные свидетельствуют о различиях в принятиях ценностей между мужчинами и женщинами. Удовлетворенность женщин своим браком, как и мужчин, значимо коррелирует с тремя сферами индивидуальных ценностей. Наиболее значимый коэффициент корреляции между удовлетворенностью браком и ценностью «творчества» (0,45). В этом случае корреляция прямая, и чем больше эксплицировано принятие и субъективное переживание женщиной этой ценности, тем выше удовлетворенность своим браком.

Еще два значимых коэффициента обуславливают отношения между индивидуальными ценностями и удовлетворенностью браком, в ценностях «Счастливая семейная жизнь» (-0,45) и «Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» (-0,5). Коэффициент обратный, из чего можно заключить что, чем более выражены эти ценности, тем менее женщины удовлетворены своим браком.

Таким образом женщины более удовлетворены своим браком, в котором они могут заниматься творческой деятельностью. Но в то же время они имеют меньшую «включенность» в счастливую семейную жизнь и любовь.

В связи с тем, что критические значения коэффициента корреляции Пирсона для 120 человек равен 0,20, то есть еще несколько корреляционных связей, которые могут считаться как значимые, но имеют низкую частотность.

У мужчин это сферы: - «Любовь» (-0,2); - «Познаний (возможного расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуального развития)» (0,26); - «Наличие хороших и верных друзей» (-0,22). Это говорит о том, что при возможности большей проявленности этой ценности повышается и уровень удовлетворенности браком.

У женщин сферы: - «Активная деятельная жизнь» (-0,2); - «Интересная работа» (0,2); - «Красота природы и искусства» (0,28); сфера «Познаний» (0,28). Коэффициенты корреляции прямые и обратные, что можно интерпретировать так, что женщины более удовлетворены своим браком, в котором они могут заниматься интересной работой, иметь возможность интеллектуального развития и созерцать красоту природы и искусства. Но в то же время они имеют меньшую «включенность» в активную деятельную жизнь.

Последний этап исследования заключался в выявлении связи показателей семейных ценностей мужчин и женщин в браке с уровнем удовлетворенности браком. Достоверный коэффициент корреляционных связей по-

казателей семейных ценностей и уровнем удовлетворенности браком отражен в табл. 5.

У мужчин удовлетворенность браком значимо коррелирует с тремя видами семейных ценностей. Положительная корреляция не высокого достоинства уровня удовлетворенности браком и таких семейных ценностей как «родительско-воспитательская» (0,21) и «внешняя привлекательность» (0,2). Это может свидетельствовать о том, что чем выше проживание отцовской, родительской роли, тем выше уровень удовлетворенности браком. Однако есть еще один коэффициент обратной корреляции, это «соотнесенность удовлетворенности браком и семейной ценности «Социальная активность» (-0,2). Это может значить что, для удовлетворенности свои браком мужчине не требуется социальная активность.

Совсем по-другому выглядит ситуация с соотнесённостью удовлетворенности брака с семейными ценностями у женщин, находящихся в браке. У женщин, находящихся в браке всего одна слабовыраженная корреляционная связь сферы семейной ценности «Личностная идентификация с супругом» (0,22). Таким образом и в этом случае можно сказать, что, возможно, для женщин важно психологически «присоединяться» к своему партнеру, и чем выше эта связь, тем больше удовлетворенность своим браком.

Таким образом, анализируя результаты исследования, мы пришли к следующим выводам: - мужчины более довольны своим браком, чем женщины. Между тем, для мужчин, как и для женщин, является значимым психологическая включенность в партнера, реализация в сфере родительства, поддержка со стороны партнера и возможность социальной активности; - существуют значимые корреляционные связи между характером соотношения определенных сфер жизни, как ценностью с доступностью их реализации и семейными ценностями с удовлетворенностью браком у мужчин и женщин, находящихся в браке; - удовлетворенность браком у мужчин более вероятна, если в ней присутствует творческая деятельность и возможность интеллектуального развития, есть вероятность созерцать красоту природы и искусства. В то же время, чем больше внимания мужчины и проживают отцовскую, родительскую роль тем более вероятна быть удовлетворенным своим браком; - для женщин важно заниматься интересной работой, творческой деятельностью, интеллектуально развиваться и созерцать красоту природы и искусства. Но в то же время они имеют меньшую «включенность» в активную деятельную жизнь, счастливую семейную жизнь и любовь. Для женщин, находящихся в браке важно психологическое присоединение к партнеру, и чем выше эта связь, тем больше удовлетворенность браком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование: практическое пособие. М.: Класс, 2000. 208с.
2. Баландина Л.Л. Удовлетворенность браком в системе детско-родительских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия №1. Психологические и педагогические науки. 2014. С. 125-136.
3. Волкова А.Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости: Автореф. канд.дис. Л., 1979. 32с.
4. Волкова А.Н. Методические приемы диагностики супружеских затруднений // Вопросы психологии. 1985. № 5 С. 110-116.
5. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
6. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052
7. Крапивка И.А. Ценностные ориентации в семейной жизни // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 51-54.
8. Киселева Е.В. Семья как социокультурная ценность // Вестник славянских культур. 2016. С. 76-83.
9. Котельникова Ю.Е. Психологические факторы удовлетворенности браком в молодых семьях // Вопросы науки и образования. 2018. № 4 (16).
10. Coontz S. The way we never were: American families and the nostalgia trap. Revisited dated. N.Y.: BasicBooks, 2016. 576 p. DOI: 10.1086/ahr/98.5.1667
11. Coontz S. Revolution in intimate life and relationships // Journal of Family Theory & Review. 2015. Vol. 7. No. 1. Pp. 5–12.
12. Шаваева О.А. Трансформация системы семейных ценностей в современную эпоху // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 02. С. 1-13.
13. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАМ, 2001. 128 с.

© Бугаева Анна Михайловна (kalinskaia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК СУЩЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Будауд Карим

Аспирант, Казанский федеральный университет, Казань
K-Budaud@stud.kpfu.ru

SOCIOCULTURAL FACTORS IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY (SOCIALIZATION AND CORPORATE CULTURE AS ESSENTIAL TEXTURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY)

K. Budaud

Summary: This article analyzes socialization and corporate culture as essential invoices in the construction of professional identity, we will first try to talk about socialization and in particular professional socialization, and also to explain what is involved. corporate culture and how it has a direct influence on the formation of professional identity. all of this we propose under a research result obtained by qualitative survey, observation, interviews and group discussion.

Keywords: socialization, corporate culture, professional socialization, identity, professional identity, professional identity formation.

Аннотация: В данной статье анализируется социализация и корпоративная культура как важнейшие составляющие построения профессиональной идентичности. Сначала мы попытаемся поговорить о социализации и, в частности, о профессиональной социализации, а также объяснить, что такое корпоративная культура и как она имеет прямое влияние на формирование профессиональной идентичности. Все это мы предлагаем в результате исследования, полученного путем качественного опроса, наблюдения, интервью и группового обсуждения.

Ключевые слова: социализация, корпоративная культура, профессиональная социализация, личность, профессиональная идентичность, формирование профессиональной идентичности.

Введение

Учитывая большое значение, мы придаем концепции профессиональной идентичности. Сначала мы попытаемся поговорить о социализации и, в частности, о профессиональной социализации, это тема, которая призвана объяснить различные отношения и поведение в компаниях, и мы также обсудим различные уровни и типы социализации. Так же мы постараемся объяснить и уточнить, что такое айдентика, ее конструкция, место работы в айдентике, а также влияние культуры компании на формирование профессиональной идентичности. (GOHIER 2000)

Социализация – это интерактивный и разнонаправленный процесс, он предполагает взаимодействие между социализированными и социализаторами, это процесс конструирования идентичности, он включает в себя постоянные пересмотры во всех подсистемах социализации, как написано Першерон «Социализация принимает форму точки встречи. событие или компромисс между потребностями и желаниями человека и ценностями различных групп, с которыми он вступает в контакт». Концепция социализации занимает централь-

ное место в теории Эмиля Дюркгейма, он объясняет, что именно в процессе социализации человек принимает нормы и ценности, выработанные в обществе. В контексте этого исследования размышления DURKHEIM о социализации интерпретируются как приобретение знаний, идей и обучения, которые позволяют человеку ориентироваться и интегрироваться в рынок труда и, таким образом, формировать профессиональную идентичность. К. ДУБАР рассматривает концепцию социализации как установленный во времени процесс, посредством которого строятся социальные и профессиональные идентичности. По его словам, «идентичность является результатом как стабильного и временного, индивидуального и коллективного, субъективного и объективного, биографического и структурного, различных процессов социализации, которые совместно создают индивидов и определяют институты». Гай Рошер, со своей стороны, определяет социализацию как «... Процесс, посредством которого человеческая личность изучает и усваивает все в течение своей жизни социокультурные элементы своего окружения, интегрирует их в структуру своей личности под влиянием опыта. и значительными социальными агентами и, таким образом, приспособляется к социальной среде, в которой она должна жить.

Он объясняет, что социализация - это процесс, который не приобретается раз и навсегда, но он развивается и обновляется по мере того, как человек проходит через опыт.

Социализация, процесс построения идентичности

Социализация – это важный процесс формирования идентичности, который питается сложными отношениями между человеком и окружающей его социальной средой. Следовательно, идентичность не является врожденной, она выстраивается на разных этапах процесса социализации человека, а также через взаимодействия, опыт и жизненные пути. Социализация будет касаться как области психологии, так и области социологии. Первичная социализация относится к области психологии и касается периода детства: семьи, школы, взаимодействия с другими людьми и влияния средств массовой информации, которые помогают структурировать социальную личность ребенка личность конструируется. На этой фазе первичной социализации человек включает данные, вещи существ, составляющих его внешнюю среду, приспосабливается к изменениям и прогрессу в построении своей личности и, следовательно, выстраивает свою собственную идентичность. PIAGET объясняет процесс первичной или детской социализации как психический процесс, который состоит из ассимиляции и включения внешнего мира. Также вторичная социализация позволяет человеку, который уже сформировал свою личность, интегрироваться в определенную группу, такую как: компания, ассоциация, политическая партия ..., путем приобретения определенных норм и ценностей, что позволяет человеку иметь определенное социальное положение и конструкция среды. Вторичная социализация средство в соответствии с ALPE. Ив «Продолжение процесса социализации в зрелом возрасте, в основном в мире работы и в семье»

Действительно, построение личной, социальной и профессиональной идентичности является результатом как психического, так и ментального процесса, а также интернализации внешнего мира индивидом в процессе первичной социализации. Переход от первичной социализации к вторичной социализации не означает отношений непрерывности, но может быть разрывом.

Профессиональная социализация

Процесс социализации является важным понятием в проблематике интеграции и формирования профессиональной идентичности, доступа к занятости, эволюции работы от одной должности к другой, представляет собой различные этапы социализации и важного построения идентичности. Социализация – это процесс постоянного взаимодействия между человеком и различными социальными институтами, среди которых есть и компания. Доступ к миру труда и развитие в сфере занятости

составляют индивидуальные источники построения его идентичности.

В работе есть несколько факторов социализации.

Среди этих требований – социализация через обучение, которая является фактором и моментом профессиональной социализации и может сопровождать человека на протяжении всей его карьеры. И функционалисты, и интеракционисты подчеркивали важность социализации новобранцев, чтобы они принимали ценности, которыми руководствуется в профессиональной практике, и вырабатывали ожидаемое поведение. (Эдгар Шейн 1985)

Существует также социализация сверстников, при которой обмена между сверстниками важны в жизни человека, формируют его личность и способствуют возникновению идентичности. Повторные обмены мнениями с коллегами играют важную роль в построении и подтверждении идентичности. Человек на своем рабочем месте поддерживает отношения со своими коллегами, он выполняет совместную работу, коллегиальность, которая порождает чувство принадлежности к профессиональной группе. Таким образом, отношения с коллегами позволяют ему чувствовать, что он подходит к работе как «коллектив», и устанавливает коллективное «нас» на основе общих интересов, общих ценностей и идентичности. Чувство принадлежности к профессиональной группе, как указали GOHIER и другие, может развиваться путем формулирования общих целей в рамках общего (образовательного) проекта, например, но также путем осуществления общих (педагогических) практики, а также встретившиеся трудности. (GOHIER 2000)

Фактически, столкнувшись с масштабом и разнообразием проблем и трудностей, возникающих на конкретной работе, человек не может подходить к своей профессии в одиночку, он вынужден делиться своим опытом со своими коллегами.

Социализация через отношения – это еще один счет в отношениях, требующий первостепенной важности в построении идентичности человека. Это также считается динамическим поддержанием сохранения идентичности. Работа - это прежде всего быть частью отношений, отношений обмена. Руководители, вовлеченные в отношения, обычно демонстрируют ценный образ самих себя, который они считают своей профессиональной идентичностью. Работа менеджера, несомненно, представляет собой интерактивную работу или отношения с другими, позволяющие ему обрести важное измерение своей личности. В этом смысле Сет Готье показал, что отношения играют ключевую роль в формировании профессиональной идентичности. (GOHIER 2000)

Корпоративная культура, инструмент управления идентичностью

Под корпоративной культурой мы подразумеваем все способы мышления, чувств и действий, общие для членов одной организации. Таким образом, корпоративная культура соответствует образу мышления, системе ценностей и правил, относительно организованной, которую разделяют все участники компании. «Культура – это то, что делает каждую компанию уникальной, нет двух полностью одинаковых компаний. две компании могут следовать одной и той же стратегии, иметь одинаковые структуры, использовать одни и те же методы управления, тем не менее, каждая из них имеет свою собственную культуру, которая отличает их друг от друга.» (GOHIER 2000)

Культура является важным инструментом управления, вошел мир 1980 - х годах, это вовсе не означает до того как компании не культуры, это потому это только то становится важным инструментом для управления. Корпоративная культура - это не объект, который руководство может формировать по своему усмотрению. Для менеджеров культура - это скорее организационная реальность, которую они должны принимать во внимание, это ресурс, которым они могут воспользоваться. Менеджеры не могут управлять культурой, но вместо этого они управляют с культурой.

Корпоративная культура, главный вектор идентификации

Компания действительно является местом социализации и, следовательно, построения идентичности. Сэнсаулиё объясняет, что компания представлена как «центральное социальное место» и «фокус производства идентичности». Фактически, это не может быть сведено к «театру» для игр актеров, а, напротив, характеризуется склонностью к производят ценности, нормы, способы мышления, системы интерпретации, системы убеждений, представлений и знаний - все это категории, относящиеся к умственной деятельности. Среди этих категорий социальные представления и символизм (ритуалы, мифы, рассказы, легенды) могут быть выделены как лежащие в основе процесса создания смысла. (АЛЬПЕ, 2007)

В процессе репрезентации генерируются и передаются значения. Согласно Jodelet (1989), представление или представление самого себя соответствует мыслительному акту, посредством которого субъект соотносится с «объектом» для создания смысла. Объектом мо-

жет быть человек, вещь, материальное, психическое или социальное событие, природный феномен, идея или теория, или комбинация нескольких из этих элементов. Это может быть как реальным, так и воображаемым или мифическим, но это всегда необходимо. Таким образом, в то время как представление позволяет увидеть этот объект, он находится на своем месте. Она заставляет его присутствовать, когда он далеко или отсутствует. Следовательно, это мысленный перевод объекта, который он символически восстанавливает. (Jodelet 1989)

Именно благодаря созданию этих более или менее согласованных систем значений, представлений и символов формируются взаимодействие и социальное действие. Другими словами, сообщения и символы, связанные с культурой, передаются человеку формальными и неформальными средствами, которые подталкивают человека к созданию в его собственной психике представления о компании. Механизм интеграции осуществляется на основе приверженности ценностям компании. Большим преимуществом этого механизма является то, что индивидуальный проект сливается с корпоративным проектом. Чтобы добиться успеха и получить максимальную пользу, человек должен делать все возможное, чтобы служить своему бизнесу. Таким образом, идентификация проявляется в глубокой привязанности к компании и чувстве собственной значимости. Эта идентификация является мотивирующим фактором. (ДУБАР Клод 2000)

Культурный подход к профессиональной идентичности

Для этого подхода все модели поведения и отношения на работе не развиваются случайным образом, но именно культура, сформированная в компании, которую он сформировал, организационная культура, которая представлена в форме норм и правил, а также ценностей, помогает определить личности рабочих. В этом смысле R. SAINSAULIEU продемонстрировал в 1960 году, что доступ к профессиональной идентичности пронизан культурным аспектом. SAINSAULIEU показывает, что трудовые отношения могут формировать профессиональную идентичность. Он рассматривал идентичность с точки зрения рабочих отношений. Масштабные исследования (более 200 интервью и 8000 анкет) были проведены с 1960-х годов на рабочих, служащих, техниках и менеджерах, эти сотрудники работают в различных секторах (эклектические материалы, механика, химическое

Рис. 1. Процесс идентификации в компании

страхование ...). SAINSAULIEU выделяет типы культуры взаимоотношений на работе. (Sainsaulieu P., 1985)

Эти исследования позволили ему определить четыре модальности норм и ценностей, четыре образа идентичности на работе, четыре способа быть с коллегами и лидерами, все разные (слияние-сходство-переговоры-отказ от отношений).

Профессиональная идентификация по принадлежности к компании

Принадлежность к компании также является вектором идентичности, и отношение к компании позволяет этой идентичности существовать. Человек почти неосознанно интегрирует жесты, слова, принципы, ценности или даже жаргонизмы компании, в которой он работает. Однако, согласно OSTEY (2008), компания должна гарантировать, что идентификация продолжает существовать, потому что она, кажется, обеспечивает качество и сплоченность. Таким образом, идентификация людей с компанией влечет за собой положительные или отрицательные последствия. Если люди идентифицируют себя со своей организацией, это уменьшает конфликты между группами, позволяет развивать более совместное поведение и повышает их мотивацию.

Обсуждение результатов

Постараемся проанализировать некоторые из полученных нами результатов.

Результаты подтверждают, что большинство работников с 85% обеспечивают соблюдение внутренних правил своей компании, и это для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу и не вызывать дисфункции, как один из них указывает нам с 11-летним опытом: «Несоблюдение нормативных требований квалифицируется как нарушение профессиональной этики.» Из ответов, полученных нами в ходе наших опросов, мы замечаем, что большинство сотрудников меняют свое поведение на работе и устраняют поведение, которое не принимается компанией, они пытаются дать представление, которое больше всего соответствует имиджу компании.

Из этих результатов мы видим, что корпоративная культура, то есть то, как мы работаем ежедневно, влияет на поведение сотрудников. Как только они приходят в компанию, они неосознанно принимают установки и поведение, которые распространены в компании и предпочитают большинством. Один из руководителей даже прокомментировал этот вопрос, сказав: «Когда мы переступаем порог компании, мы находимся в профессиональной жизни, мы бессознательно меняем свое от-

Таблица 1.

P. SAINSAULIEU, идентичность на работе

Общительность	Слияние	Переговоры	Близость	Снятие
Реляционная поведение	Единодушие	Солидарность и демократическое соперничество	Сепаратизм	Индивидуализм
позиция Актер	Коллективный актер через борьбу	Сильный эксперт-актер	Индивидуальный актер	Неактер
Типы удостоверений	Класс	Работа	Путь	Без работы

Таблица 2.

Распределение выборки в соответствии с уважением внутренними регламентами

соответствии с уважением внутренними регламентами	КОЛИЧЕСТВО ОБРАЗЦОВ	(%)
ВСЕ ВРЕМЯ	108	83%
ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ	22	17%
ВО ВСЕ НЕТ	00	00%
ВСЕГО	130	100%

Таблица 3.

Распределение выборки по изменению поведения на работе

изменение поведения на работе	КОЛИЧЕСТВО ОБРАЗЦОВ	(%)
ДА	110	85%
НЕТ	20	15%
ВСЕГО	130	100%

ношение. »[Самир, инженер-технолог, 45 лет.]

Коллективная работа – это мотив, который участвует в построении профессиональной идентичности, необходимости принадлежать к профессиональной группе. Это помогает создать хороший рабочий климат и, учитывая коммуникативный дух нашего образца, облегчает и стимулирует коллективную работу. И согласно классификации SAINSAULIEU (Sainsaulieu P., 1985), эти сотрудники являются частью идентичности типа переговоров: «Эта культура характеризуется, прежде всего, большим эмоциональным и когнитивным богатством демократического типа.»

Вторая категория – это сотрудники, которые предпочитают не поддерживать отношения с коллегами и отказываются идентифицировать себя с другими.

Наконец, мы можем считать, что групповая работа – это ценность, которая обеспечивает лучшую интеграцию в среду профессионального взаимодействия.

Анализируя эти результаты, мы видим, что категория, которая считает их отношения важными, – это сотрудники, которые рассматривают межличностные отношения как актив, и в соответствии с классификацией личности SAINSAULIEU, сотрудники имеют переговорную идентичность, которая определяется важностью реляционных сетей в профессиональной жизни. Это один из факторов, который их мотивирует и поддерживает работу.

Анализируя эти результаты, мы видим, что наши респонденты устанавливают отношения, основанные на обмене информацией, участии в управлении работой, как объяснил нам менеджер с 7-летним опытом: «обмен идеями и соучастие в решении проблем. »[Набиль, научный сотрудник, 38] У этой категории очень тесные отношения со своим лидером, который ведет к командному духу, основанному на достижении целей. Интеграция руководителей в его задачи способствует групповой работе, это метод, который лидер принимает, чтобы стимулировать руководителей, ответственных за свои функции.

Обсуждение

Профессиональная идентичность может быть представлена как набор, состоящий из двух компонентов. Первый, на конкретном уровне, состоит из первоначальной идентичности, полученной (до входа в социальное пространство компании), определенной в результате академической подготовки и технической.

Второй, по сути, состоит из совокупности профессиональных знаний с момента прихода в компанию. Благодаря техническому опыту и специальным навыкам, назначениям и / или выбору работы и социальным отношениям, характерным для среды проживания и работы, которые составляют социальное пространство, сформированное в компании наличием различных профессиональных категорий. Профессиональная идентичность состоит из информации, полученной до вступления в

Таблица 4.

Распределение населения по групповому духу в работе

Групповой дух	КОЛИЧЕСТВО ОБРАЗЦОВ	(%)
ДА	119	91,66%
НЕТ	11	08,33%
ВСЕГО	130	100%

Таблица 5.

Распределение опрошенных по важности отношений между коллегами

Важность отношений	КОЛИЧЕСТВО ОБРАЗЦОВ	(%)
Важный	100	70%
Неважно	20	20%
Существенный	10	10%
ВСЕГО	130	100%

Таблица 6.

Распределение выборки по характеру отношений с руководителем

Близкие отношения с поваром	КОЛИЧЕСТВО ОБРАЗЦОВ	(%)
ДА	91	70%
НЕТ	39	30%
ВСЕГО	130	100%

профессиональную жизнь, а также из опыта и идей, приобретенных с момента поступления на рабочее место.

Профессиональная идентичность – это траектория, по которой человек постепенно развивается и совершенствует свои способности, планируя всю свою профессиональную деятельность.

Таким образом, профессиональная идентичность – это сложный процесс, который создается, но развивается в течение всей жизни, эти фазы развития могут быть отмечены настоящими кризисами, во время которых профессионалы паразитируют внутриличностными конфликтами, которые тянут их между тем, кем они хотят быть, и какие они есть на самом деле, в зависимости от того, где они работают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gohier, Кристиана и другие. Преподаватель - обучение: построение профессиональной идентичности, исследования и обучение, Издание: L'Harmattan, Париж, 2000.
2. Sainsaulieu P., (1985), Идентичность на работе - эффекты культуры в организации - Нажмите National Science Foundation политики.
3. Альпе Ив и другие, Lexique de sociologie, Издание: Dalloz, Париж, 2007.
4. Дубар Клод. Социализация, 3-е издание, Арман Колин, Париж, 2000.
5. Дубар Клод. Социализация: построение социальной и профессиональной идентичности, Издание: Армон Колин, Париж, 1991.
6. Дубар, К. (1998а). Социализация. Построение социальной и профессиональной идентичности. Париж: Арман Колин.
7. Эдгар Шейн. Организационная культура и чип-лидер, Издание: Jossoy Basse, 1985.
8. Jodelet D., Безумие и социальные представления, Париж, Пуф, 1989.

© Будауд Карим (K-Budaud@stud.kpfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский федеральный университет

ИЗУЧЕНИЕ СТИЛЕЙ МЫШЛЕНИЯ ПО ТЕОРИИ СТЕЙНБЕРГА

Дарвиш Шаза

Аспирант, ГОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет», г. Москва
shazashazada4@gmail.com

STUDY OF THINKING STYLES ACCORDING
TO STEINBERG'S THEORY

Darwish Shaza

Summary: The educational process is one of the most difficult activities that a teacher must perform. To improve and facilitate this process, the teacher must be familiar with the students' thinking styles in order to use them to define their own teaching method. The article talks about the concept of «thinking style», the types of thinking styles, and the factors that influence them.

Keywords: styles, abilities, theory, personality, thinking.

Аннотация: Образовательный процесс является одной из наиболее сложных деятельностей, которую должен выполнять учитель. Чтобы улучшить и облегчить этот процесс, учитель должен быть знаком со стилями мышления учащихся, чтобы на основе этих знаний определить свой собственный подход к обучению. В статье анализируется понятие «стилей мышления», а также типы данных стилей и факторы, влияющие на них.

Ключевые слова: теория, способности, стиль, личность, мышление.

Актуальность исследования

Актуальность проблемы стилей мышления не вызывает сомнения, поскольку в современном мире наука представляет основу, на которой перестраиваются и рационализируются многие сферы человеческой деятельности. Проблема же исторической и логической реконструкции процесса познания направляет философско-методологические изыскания на выявление специфики историко-культурных форм организации мышления, в связи с чем и возникает понятие «стиль мышления».

С другой стороны, тенденции современного образования, связанные с его реализацией в течение всей жизни, предполагают охват всех стадий жизненного пути человека. Решаемые в процессе образования важнейшие задачи, обеспечивающие приобретение, обновление и расширение знаний человека, повышение его интеллектуальной компетентности, требуют концентрации внимания педагогов и психологов на исследовании динамики и развития интеллектуальных особенностей развивающегося человека. Наблюдаемое в последнее время изменение парадигмы образования, связанное с акцентом на исследовательских методах, увеличении самостоятельной работы, побуждает расширить исследования по проблемам динамики стилей мышления на различных возрастных этапах, выявить гендерные особенности развития стиля мышления, определить связь стиля мышления с особенностями личности человека.

Цель исследования – изучение и определение стилей мышления.

«Стили» как научное понятие

Понятие стиля определяется как «характерное физиогномическое единство каких-либо явлений человеческой жизни и деятельности, типичная форма его внешнего выражения». И далее, важнейшая характеристика стиля — он «всегда связан с выражением, активным (сознательным или бессознательным) самопроявлением человека вовне».

Взаимосвязь между стилями мышления
и другими психологическими феноменами

A – стили мышления и способности («Thinking Styles & Abilities»). Один из наиболее важных моментов, на которые обратил внимание Р.Стернберг, предложив теорию стилей мышления, заключается в том, что стили не являются способностями, а представляют собой выражение этих способностей. Чтобы понять истинность этого утверждения, необходимо знать какова природа способностей. [1, с.133].

Арабский психолог Аль-Ахмад полагает, что способности являются условиями успешного осуществления определённого рода деятельности и ее компонентов. Он также отмечает, что способности ограничены областью их применения. Например, математические или лингвистические способности связаны с математикой и лингвистикой. В то время как стили мышления существуют во всех областях применения способностей. [14, с.110].

B – стили мышления и типы личности «Thinking Styles & Personality Types». Арабский психолог Рабий отмечает, что разные стили мышления, соответствующие тем или иным типам личности, определяют особенности интеллекта, а значит и склонность к тем или иным видам де-

тельности. К тому же цельность человеческой природы или ее сложность и противоречивость, порождающая множество скрытых внутренних проблем, тоже зависят от стилей мышления, а точнее – от их сочетаний. [7, с.35], [2, с.285].

С – стили мышления и стратегии мышления «Thinking Styles & Thinking strategic». Термин «стратегия» является одним из наиболее важных терминов для стилей мышления. Стратегии - это общие методы, используемые людьми при осуществлении умственных действий, то есть способы восприятия, мышления, запоминания, получения информации, ее переработки и решения проблем. [1, с.138], [13, с.330].

Определение стиля мышления

Арабский психолог Аль-Катами отмечает, что стиль мышления – это способ, с помощью которого человек получает, организует и воспроизводит знания, информацию и опыт, и выражается физически и символически через слова и числа.[6, с.77].

Что касается Р. Стернберга, то он определяет стиль мышления как предпочитаемый способ использования имеющихся способностей. Он полагает, что стили не следует отождествлять со способностями, они лежат между личностью и способностями [14, с.19].

Теории стилей мышления

Исследователи Р.Стернберг и Е.Григоренко отмечают, что существуют три подхода к изучению стилей мышления:

А – Когнитивный подход (Cognition – Centered Styles), ориентируемый на знание. Он является одним из наиболее важных психологических подходов, который до сих пор используется для объяснения поведения человека, описания возможностей его контролировать и направлять. [1, с.127],[15, с.703].

Б – Личностный подход («Personality – Centered Styles») – это понимание личности, как воедино связанной совокупности внутренних условий, преломляющих все внешние воздействия. Одна из основных теорий в этой области - теория психологических паттернов (в общем и целом паттерн в психологии обозначает определенный набор, шаблон поведенческих реакций или последовательностей стереотипных действий относительно любой области, где человек применяет паттерны). Эта теория возникла благодаря работе Карла Юнга и получила развитие у Мейера. Он выделил, четыре основных детерминанты психологических паттернов:

— *Чувство и интуиция* – это функции сбора (восприятия) информации. Они описывают, как новая информация понимается и интерпретируется.

Люди, предпочитающие ощущения, с большей вероятностью будут доверять информации, которая находится в настоящем, осязаема и конкретна, то есть той, которую можно понять с помощью пяти органов чувств. [9, с.229-231].

— *Мышление и чувство* – функции принятия решений (суждения). Обе функции мышления и чувства используются для принятия рациональных решений на основе данных, полученных посредством их функций сбора информации (ощущения или интуиции). [6, с.78-80].

Г – Деятельностный подход (Activity - Centered Styles). Ориентируется на реальные действия, которые человек выполняет на различных этапах своей жизни, например, во время обучения и работы; это деятельность человека, направленная на становление его сознания и личности в целом.

В условиях деятельностного подхода человек выступает как активное творческое начало. Взаимодействуя с миром, человек учится строить самого себя. Именно через деятельность и в ее процессе человек становится самим собой, происходит саморазвитие и самоактуализация его личности. Этот подход также пытается дать практическое применение предыдущим подходам (А и Б). Этот подход включает в себя:

1. *Стили обучения (Learning Styles).* Люди отличаются друг от друга тем, как они учатся. Обучающиеся различаются с точки зрения методов и стилей, которые они предпочитают в процессе обучения. Использование этих индивидуальных предпочтений учителями способствует разработке планов и программ, которые помогают студентам достичь академических целей путем согласования учебного материала с их предпочтительными стилями [8, с.130].
2. *Стили преподавания (Teaching Styles).* Стиль преподавания отражает те отличительные черты личности и поведения учителя в классе, которые играют важную роль в руководстве учебным процессом и влияют на учащихся и их способность к обучению [16, с.11].

Теория ментального самоуправления

Эта теория является одной из самых последних, которая пытается объяснить природу стилей мышления. Она впервые появилась в 1988 году, как теория ментального самоуправления.

Почему теория ментального самоуправления? Р. Стернберг говорит, что существует множество форм управления нашей деятельностью. Формы управления государством, которые мы видим, являются противоположными образами того, что происходит в нашем сознании.

Существует своего рода параллель между организацией личности и организацией общества. И мы делаем это так же, как и правительство: нам нужно определить наши источники информации, правительство также стремится к этому; нам нужно реагировать на изменения в нашей социальной среде, правительство также стремится реагировать на изменения и обстоятельства, окружающего мира. И, самое важное, что отличает теорию стилей мышления Р. Стернберга – стили мышления частично зависят от социального взаимодействия, так как предполагается, что они могут быть выработаны и изменены [14, с.19-21].

Турецкий психолог Бисерн Оздемир отмечает, что стили мышления бывают когнитивными, эмоциональными, психологическими, биологическими и социальными, в соответствии с меняющимися стадиями. *Когнитивный стиль*, потому что когда мы сталкиваемся с проблемой и хотим решить ее по своему предпочтению, то используем некоторые познавательные действия. *Эмоциональный стиль*, потому что мы используем эмоции в некоторых ситуациях, которые требуют от нас противостояния. *Психологический стиль*, когда на него влияют личные аспекты, исходящие от человека (способ, которым он говорит, как он сидит, его взгляд). *Биологический стиль*, когда мышление изменяется в соответствии с изменяющейся средой. *Социальный стиль* в целом социально приобретен; некоторые общества могут заставить своих членов соблюдать правила и традиции, и это будет в значительной степени способствовать формированию консервативного стиля среди молодежи. [10, с.21-32].

Если представить стили мышления в пространстве человеческого взаимодействия, то мы получим следующую диаграмму (рис. 1).

Е.Григоренко и Р.Стернберг указывают, что теория ментального самоуправления сочетает в себе различные подходы, объясняющие стили. В то же время она имеет свою индивидуальность, отличную от других в интерпретации стилей.

Р. Стернберг классифицировал людей в соответствии с особенностями их мышления на тринадцать стилей, которые разделяются на пять основных групп:

А – Стили с точки зрения функции: 1) законодательный стиль; 2) исполнительный стиль; 3) судебный стиль.

[12, с.1308], [5, с.54].

Б – Стили с точки зрения формы: 1) монархический стиль; 2) иерархический стиль; 3) анархический стиль; 4) стиль олигархический [2, с.61],[6, с.100],[4, с.13].

В – Стили с точки зрения тенденции (склонности?): 1) либеральный стиль; 2) консервативный (демократический?) стиль [11, с.34], [1, с.133], [16, с.151].

Г – Стили с точки зрения уровня: 1) глобальный стиль; 2) локальный стиль [5, с.843], [16, с.5], [15, с.157].

Д – Стили с точки зрения направленности: 1) внешний стиль; 2) внутренний стиль [5, с.844], [1, с.133], [15, с.169].

Основные принципы стилей мышления

Стили мышления основываются на ряде принципов, которые объясняют характер стилей мышления и области, в которых они могут использоваться, а также ограничения в их применении. Эти принципы состоят следующим:

1. Стили – это предпочтение в использовании способностей, а не сами способности. Если нет разницы между стилями и способностями, тогда вообще не нужна концепция стилей. Стиль является мостом, который связывает способности и личность.
2. Соответствие между стилями и способностями создает хорошие условия для их успешной интеграции. Такое соответствие лучше, чем использование того или другого по отдельности.
3. Принимаемые в жизни человека решения должны соответствовать стилям и способностям: некоторые люди могут выбирать, например, конкретную специальность или профессию только для того, чтобы своевременно достичь того, чего они хотят [5, с.841], [4, с.10].
4. У человека может быть несколько стилей: инновационный человек может быть хорошо организованным или полностью дезорганизованным.
5. Стили могут меняться в зависимости от разных условий и задач: у нас может быть иерархический стиль в нашей работе, но когда мы дома, то предпочитаем либеральный, а на публике у нас внешний стиль и так далее.

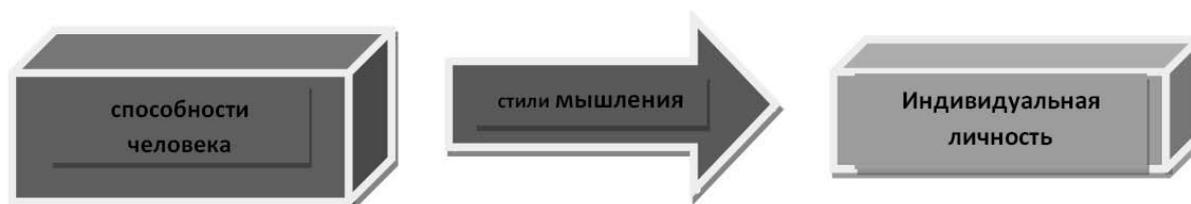

Рис. 1. Место стилей мышления.

6. Люди отличаются по силе своих предпочтений: некоторые хотят быть и работать в обществе других людей, а некоторые предпочитают одиночество.
7. Люди отличаются своей стилистической гибкостью: чем гибче люди, тем легче они могут адаптироваться ко многим ситуациям [9, с.135-162], [7, с.79-81].

Факторы, влияющие на развитие, формирование и изменение стилей мышления

На изменения стилей мышления могут влиять следующие важные факторы:

1. Культура общества: каждый социум имеет свою собственную культуру и специфику, которая влияет на поведение людей, так как может поощрять определённые стили и игнорировать другие. Например, консервативное общество может поощрять исполнительный или консервативный стиль и противостоять каждый из них либеральному стилю.
2. Пол: этот фактор оказывает особенно сильное влияние на развитие стилей мышления. Например, мужчин часто описывают как предприимчивых, творческих и раскрепощенных, в то время как женщин как осторожных, застенчивых и послушных. Но это не научный факт, а только отношение общества к полу.
3. Возраст: люди, которые работали в определенной области в течение длительного периода времени, имеют больше свободы для самовыражения, чем те, которые недавно устроились на работу.
4. Родительский стиль: то, что родители поощряют, поддерживают наиболее вероятно, будет отражено в стиле ребенка.
5. Образовательное окружение: большинство школ в мире, как правило, устанавливают ряд стилей (исполнительные, внутренние и консервативные),

учитывая традиционные методы обучения и характер разработки учебных программ, поощряют тех, кто охарактеризован этими стилями. Отсюда спокойный, послушный ученик, приверженный школьным законам и этике имеет более высокий статус, это исполнительные и консервативные ученики. Творческие ученики (законодательные, судебные и либеральные) находятся за пределами школьных законов [3, с.73], [7, с.168],[9, с.175].

Выводы

Из положения о том, что стили мышления являются мостом, связывающим способности и личность, можно сделать следующие выводы:

1. Стили мышления не способны выразить предпочитаемый способ осуществления различных видов деятельности и решения проблем, с которыми сталкивается индивид в своей повседневной жизни.
2. Существует взаимосвязь между стилями мышления, способностями, типами личности и стратегиями мышления.
3. Р. Стернберг классифицировал людей в соответствии с особенностями их мышления на тринадцать стилей, которые разделяются на пять основных групп: функции, формы, тенденции, уровней и направленности.
4. Стили мышления основываются на ряде принципов, которые показывают природу стилей мышления.
5. На изменение стилей мышления могут влиять факторы: культура общества, пол, возраст, образовательное окружение, родительский стиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Джаду, С, Мухаммад, А, Педагогическая психология.- 2000-. Иордания.
2. Абу Алам, М, Исследовательские подходы в психолого-педагогических науках.- 2007- 4-ое издание, Каир.
3. Абу Фахр, Г, Трудности обучения и их лечение.-2007-. Дамаск.
4. Абу Хашим, С, Психометрические характеристики списка методов мышления по теории Штернберга.-2071-. Саудовская Аравия.
5. Абу Хашем, Г, Камаль, С, Методы обучения и мышления. Отличительные особенности для студентов университетов в свете их уровня достижений и различных академических специальностей.-2008-. Иордания.
6. Аль-Ахмад, А, Исследования и исследования в области психологии.-2012-. Бейрут.
7. Ахмед, М, Инновационное мышление и его связь с пространственным восприятием, воображением и техническими знаниями.-2010-. Дамаск.
8. Американская психиатрическая ассоциация, диагностическое руководство Четвертая статистическая поправка на психические расстройства.-2007- Дамаск.
9. Бутрос, Х, Развитие научных и математических концепций.-2008-. 2-ое издание, Иордания.
10. Джарар, А, Влияние факторов окружающей среды на трудности обучения.-2013-. Иордания.
11. Мухаммад, А, Обучение теоретическому мышлению.- 2007-. Иордания.

12. Раби. Ш, Справочник по экспериментальной психологии. -2009-. Иордания.
13. Хомс. А, Истоки исследований в психологии. -2015-. 2ое издание, Дамаск.
14. Хаттаб. Н, Обучение мышлению студентов с ограниченными возможностями обучения. -2008-. Иордания.
15. Элдердер. А, Современные исследования в когнитивной психологии. -2014-. часть I, Каир.
16. Элдердер. А, Современные исследования в когнитивной психологии. -2014-. часть II, Каир.

© Дарвиш Шаза (shazashazada4@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НЕГАТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ИНОСТРАННЫХ АРМИЙ

Евсюк Александр Владимирович

*К.псх.н., с.н.с., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва
avev2020@bk.ru*

NEUTRALIZATION OF NEGATIVE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT ON MILITARY PERSONNEL IN LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS: MODERN EXPERIENCE OF FOREIGN ARMIES

A. Evsouk

Summary: This article is devoted to the study of issues related to the neutralization of negative information and psychological impact on military personnel. The article shows the role and place of psychological operations in modern local wars and armed conflicts, reveals the main channels, mechanisms and consequences of destructive information and psychological influence. The article analyzes the experience of organizing and conducting measures of moral and psychological support and psychological support in order to neutralize the negative information impact on soldiers and officers, accumulated in a number of leading armies of the world, and considers examples of actions of the warring parties in modern hybrid wars.

Keywords: neutralization, protection, negative information and psychological impact, confrontation, psychological warfare, moral and psychological support, psychological support, military personnel, disinformation.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению вопросов, связанных с нейтрализацией негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих. В статье показаны роль и место психологических операций в современных локальных войнах и вооруженных конфликтах, раскрыты основные каналы, механизмы и последствия деструктивного информационно-психологического воздействия. В материале проводится анализ опыта организации и проведения мероприятий морально-психологического обеспечения и психологической поддержки в целях нейтрализации негативного информационного воздействия на солдат и офицеров, накопленного в ряде ведущих армий мира, рассмотрены примеры действий противоборствующих сторон в современных гибридных войнах.

Ключевые слова: нейтрализация, защита, негативное информационно-психологическое воздействие, противоборство, психологическая война, морально-психологическое обеспечение, психологическая поддержка, военнослужащие, дезинформация.

Актуальность темы исследования связана с тем, что в современных вооруженных конфликтах и войнах будущего будут все более активно применяться различные формы и способы влияния на сознание и психику военнослужащих противоборствующих сторон [2, с. 8, 9]. К таким выводам, в частности, приходит в своих последних публикациях большинство отечественных и западных военных аналитиков. Возможность посредством морально-психологического воздействия на личный состав противника достигнуть быстрой и гарантированной победы, зачастую не втягиваясь в полномасштабные боевые действия, все активнее реализуется как в действующих наставлениях и руководствах западных армий, в ходе проводимых ими учений и маневров, так и практике ведения современных локальных войн и вооруженных конфликтов. В этой связи совершенно по-прежнему ставится проблема морально-психологического

обеспечения деятельности войск (сил) как в мирное время, так и в различных условиях боевой обстановки.

Боевой дух войск во все времена представлял собой фактор, который мог сыграть ключевую роль как в ходе отдельного сражения, так и в исходе всей военной кампании. Возможность целенаправленно влиять на него в своих интересах, использовать психологический фактор в противоборстве с противником всегда привлекала внимание полководцев. Поэтому по мере развития науки и технологий, формы и методы проведения психологических акций накануне, в ходе войны и по завершении активных боевых действий постоянно совершенствовались, чему в немалой степени способствовало развитие средств распространения информации.

Стремительное развитие наук о закономерностях де-

тельности психики человека, общественного сознания, информационных процессов, массовое внедрение в повседневную деятельность людей электронных и печатных СМИ, сетевых технологий и компьютерных систем, глобализация и одновременный рост конкуренции в мире предопределили повышенное внимание к технологиям информационно-психологического противоборства как важной составляющей вооруженной борьбы [8, с. 3]. Особенно явно эта тенденция проявилась во второй половине XX – начале XXI вв.

Известная речь лидера английских тори У. Черчилля в Фултоне, положившая начало «холодной войне», открыла печальную череду войн и вооруженных конфликтов, в которых роль и значение информационно-психологического оружия были возведены на невиданный ранее уровень. На основе опыта боевого применения сил и средств психологической войны в Корее (1950-1953 гг.), во Вьетнаме (1965-1975 гг.), в ряде арабо-израильских конфликтов, в ходе противоборства Великобритании с Аргентиной за Фолклендские острова (1982 г.), в Гренаде (1983 г.) и Панаме (1989 г.), в Сомали (1992-1993 гг.), первого опыта полномасштабных психологических операций в Персидском заливе (1991 г.) США и их союзниками по блоку НАТО были разработаны и апробированы на территории бывшей Югославии (1999 г.), в Ираке (с 2003 г.), в Афганистане (2001 – 2014 гг.) новые, более совершенные высокотехнологичные методы и способы ведения информационных войн.

Принятая в конце 2020 года «Информационная стратегия Пентагона» (the Dod Data Strategy) предписывает каждому командиру (начальнику) рассматривать информацию, как оружие [4, с. 10]. В соответствии с руководящими документами армии США считается, что поскольку скоординированная информационная деятельность способна нейтрализовать военную силу неприятеля, она должна предусматриваться замыслом любой операции [14, р. 3-2]. Ответственность за это несут непосредственно командиры.

Современная военная наука рассматривает информационно-психологическое противоборство в локальных войнах и вооруженных конфликтах как два противоположно направленных процесса: первый – воздействие на сознание и поведение войск и население противоборствующей стороны в интересах достижения своих целей (информационно-психологическая борьба); второй – защита личного состава от информационно-психологических акций противника. И чем интенсивней проводится воздействие, тем активнее должно быть противодействие, обеспечивающее защиту своих войск. При этом защита войск от негативного информационно-психологического воздействия противника включает, по мнению западных военных экспертов, прогнозирование, выявление (мониторинг), анализ информационно-

психологических угроз, нейтрализацию и ликвидацию последствий их воздействия на военнослужащих.

В современных локальных войнах и вооруженных конфликтах деструктивное воздействие на солдат и офицеров противника осуществляется самыми различными способами, выбор которых в первую очередь зависит от уровня технологического развития и экономических возможностей каждой конкретной страны [1, с. 91]. К примеру, каналами распространения информации силами специальных операций США и стран НАТО на иракскую армию в ходе операции «Буря в пустыне» были как центральные электронные и печатные СМИ этих стран, так и военное теле- и радиовещание, военные газеты, специальные издания (листовки, плакаты, наглядные пособия и другая печатная продукция), радиоприемники с фиксированной частотой, кино- и видеофильмы, записи на магнитных (цифровых) носителях, слухи, распространяемые через агентов влияния и специальную аппаратуру. В настоящее время, все активнее в практику когнитивных войн входит применение различных чат-ботов, создаваемых с использованием элементов искусственного интеллекта, моделирование отдельных сегментов виртуальной реальности для целей психологических операций.

Противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию в локальных войнах и вооруженных конфликтах имеет, по понятным причинам, важное значение как для отдельного военнослужащего, так и для воинского формирования, участвующего в боевых действиях, в целом. При этом формы и методы противодействия в своей основе базируются на тех же механизмах и особенностях человеческого сознания, что и способы, а также факторы воздействия на них. В общем виде процесс представляет собой осуществление одного массового информационно-психологического воздействия с целью противодействия другому.

Примером, демонстрирующим важность такой работы, являются результаты психологической операции специальных подразделений войск США при подготовке в 1991 году операции «Буря в пустыне» против иракских войск. Если до начала деятельности американских PSYOP соотношение по живой силе многонациональных сил во главе с США составляло 1:0,84 в пользу армии Саддама Хусейна, то после четырехмесячного негативного информационно-психологического воздействия оно кардинально, практически в 2,5 раза, изменилось в пользу многонациональных сил – 2,1:1. По оценке американских экспертов, в итоге было деморализовано от 40 до 60% иракских солдат и офицеров [7, с. 88-89].

При рассмотрении опыта иностранных армий термин нейтрализовать, понимаемый как сделать таким, чтобы не мог причинять что-нибудь или воздействовать как-нибудь; пресечь, прекратить что-либо вредное вли-

яние [11], служит базовым понятием при исследовании проблемы защиты войск от негативного информационно-психологического воздействия. В доктринальных документах вооруженных сил США и стран НАТО отмечается, что успех выполнения боевых задач частями и соединениями в немалой степени будет определяться высокой морально-психологической устойчивостью и защищенностью психики военнослужащих от информационно-психологического воздействия противника, недопущением деморализации личного состава.

Современные боевые действия характеризуются крайним проявлением экстремальных условий функционирования военнослужащего. Постоянная угроза жизни и здоровью, непрерывное изменение боевой обстановки, продолжительные повышенные физические и психологические нагрузки, потеря боевых товарищей, активное участие в жестокое насилие по отношению к противнику, внутренняя борьба высокого и низменного, альтруистического и эгоистического начал в человеке – все эти динамические процессы порождают запредельный стресс у военнослужащего. Наложение на него различных по содержанию, форме и способам передачи негативных информационно-психологических воздействий, предпринимаемых противником, способно приводить к самым тяжелым последствиям [3, с. 28].

Анализ полученного опыта и боевой практики иностранных армий свидетельствуют, что боевое информационно-психологическое воздействие способно оказывать значительное влияние на все компоненты психики воина: психические познавательные процессы (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, воображение, речь), волевые процессы, психические состояния, мотивацию, поведение. При этом, такое негативное воздействие на психику может сопровождаться различными психическими расстройствами, утратой способности волевой мобилизации и саморегуляции, немотивированной агрессивностью по отношению к сослуживцам; выражаться в нарушениях ориентации в пространстве и времени, в элементах боевой обстановки, в собственной самооценке личности. Последствия негативного информационно-психологического воздействия могут проявляться в эскалации негативных психических состояний, в том числе таких, как чувство безысходности, неуверенность в своих силах, боязнь противника и его боевой техники, подозрительность по отношению к коллегам, паника.

Военно-политическое руководство США и НАТО считают, что в условиях высоких физических, моральных и психологических нагрузок, интенсивных психологических операций противника как на фронте, так и в тылу более успешно справятся со своими задачами те военнослужащие, кто лучше подготовлен в идеологическом, моральном, психологическом и военно-профессиональ-

ном отношении. В Полевом уставе Сухопутных войск США FM 4-02.51 (2006 г.) утверждается, что «достижение победы или поражение на всем оперативном пространстве в сражении между нашими собственными солдатами и военнослужащими противника в решающей степени зависит от контроля над стрессом. Сражения и войны выигрываются в большей степени за счет контроля воли к борьбе, чем за счет уничтожения вражеских военнослужащих» [17, р. viii].

Исходя из данного убеждения, одними из важнейших направлений, связанных с нейтрализацией негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих, по мнению военных специалистов США и НАТО, являются постоянный анализ и оценка морально-психологического состояния своих военнослужащих и принятие необходимых практических мер по его повышению для закрепления в сознании личного состава идеи превосходства «американской демократии и преимуществ американского образа жизни», готовности к их защите на всех континентах земного шара. В последующем – формирование на их основе требуемых морально-боевых качеств.

К основным группам факторов формирования морально-психологической устойчивости у военнослужащих руководство вооруженных сил США и стран НАТО относят: доверие к руководству, групповую интеграцию, нравственные ценности, морально-психологические качества личности.

Высокое морально-психологическое состояние своих войск в армии США относят к основным слагаемым успешных боевых действий. В армейской доктрине по общевойсковым операциям подчеркивается: «Несмотря на значение технологии, ключевую роль в выполнении задачи играют военнослужащие. Современная обстановка требует солдат, обладающих волевыми качествами и компетентностью...способных даже в условиях стресса действовать грамотно и инициативно» [15, р. 1-8].

Анализ нормативных документов сухопутных войск США позволяет сделать вывод, что деятельность по обеспечению необходимого в бою морально-психологического состояния американских военнослужащих включает в себя информационно-пропагандистскую работу, религиозную поддержку, поддержку человеческих ресурсов, а также психологическую поддержку.

Морально-политической подготовкой (информационно-пропагандистской работой) в Пентагоне занимается помощник министра обороны по личному составу, а непосредственное руководство осуществляет управление общественных отношений министерства обороны. В штабах видов вооруженных сил эти задачи решают управления общественных отношений, в штабах объединений и специальных командований – отделы, в

армиях, корпусах, на флотах и в дивизиях – отделения, в частях, бригадах, на кораблях, в отдельных батальонах – офицеры общественных отношений и их помощники из числа сержантов. На офицеров общественных отношений возлагается мониторинг информационной обстановки; методическая работа с командирами подразделений по доведению до офицерского состава инструкций и указаний вышестоящего командования по вопросам морально-политической и психологической подготовки; обеспечение воинской части пропагандистскими материалами, пособиями и периодическими армейскими изданиями; ограничение от деструктивных контактов и источников информации; доведение мобилизующей и ориентирующей информации; организация групповых мероприятий военно-патриотической направленности (торжественных построений, собраний, встреч); согласование вопросов работы капелланов, служб досуга и других служб; контроль работы клубов, библиотек; издание местных информационных бюллетеней. При этом ключевая роль в информационном воздействии на американских военнослужащих отводится их непосредственным начальникам.

Традиционно важное место в системе морально-психологического воздействия в армии США и его союзников отводится деятельности службы военных священников. К примеру, в уставе Сухопутных войск FM 1-05 отмечается, что военный священник «осуществляет связь между обществом и вооруженными силами» [18, р. 2-1]. Основными формами работы священников являются: организация и проведение церковных богослужений, исполнение религиозных обрядов, участие в проведении военных праздников, а также индивидуальная работа с военнослужащими.

Виды деятельности, относящиеся к основным направлениям поддержки человеческих ресурсов (HR Support) на тактическом уровне в сухопутных войсках США наиболее близки к кадровой, военно-социальной и культурно-досуговой работе в российских Вооруженных Силах. Кроме того, важное значение для формирования высоких морально-боевых качеств имеют также программы по укреплению семейных отношений и программы по развитию лидерских качеств (leadership).

Важным компонентом нейтрализации негативно-информационно-психологического воздействия в армиях США и стран НАТО является психологическая поддержка (Psychological Support) личного состава соединений и частей. Ее основная цель – преодоление у военнослужащих неуверенности и страха, а также недопущение паники в ходе боевых действий. При этом, большое внимание уделяется проведению предварительной (до направления в район боевых действий) комплексной оценки их морально-психологического состояния, а в последующем – осуществлению его регу-

лярных мониторинговых исследований. Все полученные статистические данные, в соответствии с действующими нормативами, должны быть учтены при принятии соответствующих решений. [16, р. 33-34].

В общем виде психологическая поддержка включает различные формы вербальной и невербальной коммуникации. По мнению американских военных специалистов, она должна способствовать снятию у военнослужащих психической напряженности, успешному ориентированию их в боевой обстановке, формированию дополнительной устойчивой мотивации к активным действиям на поле боя. Кроме того, обязанностью офицеров и сержантов является установление требующих психологической помощи подчиненных и оказание им «товарищеской поддержки» с использованием простейших приемов психодиагностики и неотложной психологической помощи, навыки которой предписывается освоить всем военнослужащим.

Ключевым звеном профессиональной психологической помощи в предупреждении боевых стрессов, обеспечении первичной психологической реабилитации участников боестолкновений на тактическом уровне являются «духовные команды» батальонов (Unit Ministry Team) в составе капеллана и его помощника и «секции психического здоровья» (Mental Health Sections) подразделений медицинского обеспечения (медицинской роты бригады и медицинского батальона дивизии) [19, р. 1-11 - 1-13]. Помимо профилактики и диагностики негативных психических состояний, проведения консультаций и бесед с получившими боевые психические травмы военнослужащими, на них возложены обязанности по организации отдыха и восстановления пострадавших, обучению личного состава основам психологической само- и взаимопомощи, эвакуации с поля боя погибших, раненых и получивших психологические травмы.

Командование армии США уделяет особое внимание психологической подготовке военнослужащих, как важному фактору формирования в мирное время психологической устойчивости своих войск к негативному информационно-психологическому воздействию противника. При этом оно исходит из того, что если в ходе боя военнослужащий столкнется с событиями, ранее ему не встречавшимися, то, не имея опыта реагирования на них, может проявить себя непредсказуемо, а поведение его может стать неуправляемым. Поэтому руководящими документами предписывается проводить психологическую подготовку максимально реалистично, интенсивно, комплексно и непрерывно, в ходе повседневной учебы, на учениях, в рамках организации специальных курсов. Американские военные специалисты считают, что организованная таким образом подготовка способствует как повышению боевой выучки, так и снижению среди личного состава частей и подразделений психо-

логических потерь. К примеру, практикой стало привлечение к участию в проводимых учениях для подготовки экспедиционных частей США этнически родственного местному населению региона предстоящих боевых действий представителей. Так, на базе центра подготовки Форт Полк был построен специальный тренировочный район, представляющий инфраструктуру ближневосточных населенных пунктов с участием представителей «местного населения» - арабов американского происхождения. Там проходили подготовку американские части, убывающие в Ирак [13].

Особым направлением информационного влияния на военнослужащих вооруженных сил США, стран НАТО в современных войнах и вооруженных конфликтах являлась деятельность по формированию высоких боевых качеств в возможной неблагоприятной обстановке, прежде всего в плену. По оценке западных военных экспертов, основной упор противник будет делать на привлекательности сдачи в плен в условиях, когда жизнь американского военнослужащего подвергнута серьезным испытаниям, когда гибнут или получают ранения его товарищи. В таких ситуациях он был бы поставлен перед неприемлемым для командования выбором: продолжать борьбу или сдаться в плен. В целях поддержания психологической устойчивости к таким ситуациям в соединениях и частях армии США и западной коалиции создается мощный заслон панической и пораженческой информации. К примеру, в ходе военных действий в Персидском заливе (1991 г.) и в Ираке (2003 г.) все, что могло отрицательно сказаться на морально-политическом состоянии личного состава, было решительно запрещено военной цензурой. Одновременно в войсках для поддержания позитивного морального духа активно работали журналисты, социологи, медицинские работники, капелланы, психотерапевты и другие специалисты. Такой подход стал результатом учета недостатков, проявившихся еще в войне в Корее (1950-1953 гг.). Тогда из 7140 американских военнослужащих, оказавшихся в плену, 192 активно стали сотрудничать с противником, 21 не пожелали вернуться домой, 2701 военнопленный умер в плену.

В настоящее время, защита американских войск определяется положениями соответствующей доктрины Сухопутных войск США № 3-37, опубликованной в 2019 году. Она, как считается, основана «на коллективных знаниях и мудрости, полученных в ходе недавних операций, многочисленных извлеченных уроках и пересмотрах прежних доктрин Сухопутных войск».

В ней, в частности, говорится: «защита – это сохранение эффективности и живучести связанного с миссией военного и невоенного персонала, оборудования, объектов, информации и развернутой инфраструктуры, расположенных в пределах или за пределами данной опе-

ративной области».

Следовательно, защита когнитивного пространства является неотъемлемой частью силовой защиты [10].

В качестве примера исследуем некоторые направления нейтрализации информационно-психологического воздействия на военнослужащих во время операции США и их союзников «Иракская свобода» («Шок и трепет») в Ираке в 2003 году. В данном случае мы рассмотрим как те методы, которые использовала американская сторона, так и те, которые использовало иракское руководство.

Началу военной стадии операции «Иракская свобода» предшествовал хорошо спланированный подготовительный этап – информационно-психологическая операция, в ходе которой США, опираясь на печатные средства информации, на глобальную информационную сеть Интернет и международные телевизионные СМИ, сумели в кратчайший срок убедить мировое сообщество в якобы агрессивных устремлениях Ирака, откровенно игнорирующего действующие международные соглашения. Посредством мощного информационного воздействия через СМИ американские правительственные структуры, специализирующиеся на информационной обработке населения, настроили мировое сообщество, включая ряд исламских государств, против действующего политического руководства Ирака, создав, таким образом, благоприятную обстановку для вторжения.

В данном случае, те мероприятия, которые были направлены США для формирования легитимности вторжения в Ирак, имели воздействие не только на мировое сообщество и на гражданское население внутри США, но и на военнослужащих американской армии, которые и должны были непосредственно участвовать в предстоящих боевых операциях.

В массовом сознании существует паттерн, который априори предполагает негативное отношение к наступательным военным действиям и более позитивное отношение к тем военным действиям, которые относятся к оборонительным. Убедить вооруженные силы в том, что они сражаются за правое дело при обороне своей страны в случае нападения на нее вражеской армии – не требует сверхусилий и полноценно коррелирует с общественной оценкой. Однако, для того, чтобы рядовые военнослужащие, которые отправляются выполнять боевые задачи, поставленные их правительством, на территорию другого государства, были убеждены, что делают правое дело и сражаются за безопасность как своей страны, так и всего мирового сообщества – необходима продуманная и полномасштабная пропагандистская кампания. Имея в своем распоряжении значительные информационные ресурсы, правительство США смогло создать необходимый образ «врага». Это позволило убе-

доть весь мир, а также солдат армии США в том, что они отправляются воевать не в интересах американских нефтяных корпораций (как это было на самом деле), а с целью защиты своей нации и ценностей американского образа жизни от террористов, и, кроме того, во имя защиты общемировых демократических идеалов и свободы.

Военные США проводили также активные мероприятия, направленные на информационно-психологическое воздействие на военнослужащих Ирака, а также на остальное население страны в период военных действий. В ход шли пропагандистские материалы, дискредитирующие военно-политическое руководство этой страны, убеждающие в бессмысленности противостояния военной мощи США, рекламирующие преимущества добровольной сдачи в плен и др.

Власти Ирака, в свою очередь, предпринимали активные меры по противодействию американской пропаганде. С этой целью был создан комитет психологических операций, в задачи которого входили:

- сбор и уничтожение американских и «натовских» листовок;
- оценка эффективности воздействия психологических операций западной коалиции на иракцев;
- выработка рекомендаций и непосредственное проведение контрпропагандистских мероприятий.

Иракским гражданам было запрещено подбирать, хранить и распространять печатные материалы коалиции под угрозой тюремного заключения и смертной казни. Кроме того, официальный Багдад потребовал от сотрудников американской телекомпании CNN покинуть территорию страны, обвинив их в дезинформации мирового сообщества и распространении сфабрикованной информации.

Таким образом, на примере вооруженного конфликта в Ираке в 2003 году можно выделить следующие два направления нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия, которые были использованы в двух армиях.

Руководство американской армии, используя пропаганду и дезинформацию, способствовало активизации патриотических чувств и созданию в сознании своих военнослужащих «образа врага». Данные превентивные методы защиты от негативного информационно-психологического воздействия способствовали поддержанию морального духа военнослужащих. Это позволило армии сохранить дееспособность, снизить число самоубийств, дезертирства, а также уменьшить вероятность перехода военнослужащих на сторону противника или сотрудничества с противником.

Методы нейтрализации информационно-психологического воздействия, которые использовала иракская армия, заключались, по большей части, в попытках ограничить влияние американской пропаганды. Усиливались наказания за хранение и распространения пропагандистских материалов. Однако, как показала реальность, подобные меры недостаточны, и зачастую имеют обратный эффект. Многие иракские солдаты, политики, а также гражданские лица переходили на сторону США. Причем делалось это не только по причине эффективной работы американской пропагандистской машины, но также и потому, что военные и гражданское население испытывали страх быть наказанными или даже казненными своим же правительством.

Рассмотрим пример нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих армии Израиля при проведении операции «Расплавленный свинец» против группировки «Хамас» в 2008 году.

Информационная операция, которую проводил Израиль, предполагала, что события, связанные с боевыми действиями, должны подаваться в СМИ под контролем официальных органов и дозированно. На ту территорию, где проходили боевые действия, журналисты не допускались. Вся информация, которую могла получать общественность о ходе боевых действий, доводилась через подготовленных генералов, которые общались с журналистами в формате пресс-конференций, проводившихся ежедневно. В таком же режиме готовились информационные бюллетени, в создании которых принимала участия пресс-служба министерства обороны Израиля. В этих бюллетенях превозносилась сила армии Израиля, описывались успехи военных операций, а также имело место занижение количества потерь, которые несла израильская армия. Те успехи, о которых сообщалось населению, не предполагали детализацию мест, в которых проводилась операция. Кроме того, работала цензура, которая запрещала средствам массовой информации снимать и пускать в эфир репортажи о похоронах солдат армии Израиля. Однако, темы, которые касались нападений исламистов на израильские города, а также тех потерь, которые несли вооруженные силы противника, активно форсировались в информационном пространстве [9, с. 463].

Рассмотренный пример наглядно демонстрирует, что Израиль, являясь демократическим государством, которое придерживается принципов свободы прессы, считает целесообразным использование определенных способов подачи информации, которые предполагают акцентирование внимания на одних фактах и замалчивание других, весьма эффективными в целях нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих в период осуществле-

ния боевой операции. Ценность этого опыта в том, что он получен и апробирован армией, которая является на сегодняшний день одной из наиболее вовлеченных в реальные боевые действия в мире. Во многом, именно наличие эффективных методов нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих позволяет армии Израиля эффективно выполнять боевые задачи.

Рассматривая основные способы нейтрализации информационно-психологического воздействия на вооруженные силы необходимо отметить, что комплексные меры по защите военнослужащих от ложной информации противника, которая может деморализовать их состояние и снизить боеспособность, должны включать также меры по пресечению воздействия на них возможной дезинформации со стороны своих же источников массовой информации. Примером того, что подобное может закончиться трагически являются события, последовавшие за ликвидацией вооруженными силами США 3 января 2020 года одного из наиболее влиятельных руководителей вооруженных сил Ирана Касема Сулеймани. Иранские военные по ошибке сбили в ночь на 8 января 2020 года пассажирский Боинг компании «Международные авиалинии Украины», приняв его за вражеский военный объект. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно ожидание ответного удара со стороны США, который вполне мог бы быть в том случае, если бы информация о значительных потерях американской армии [12] в результате удара-возмездия Ирана баллистическими ракетами по военно-воздушной базе Айн-аль-Асад и по аэропорту города Эрбиль на севере Ирака (где размещены основные американские силы), которая распространялась иранскими СМИ, была бы не ложной, а верной – стала причиной этой трагической ошибки операторов комплексов ПВО Ирана и гибели гражданских лиц, находившихся на борту пассажирского самолета. Таков результат информационно-психологической «атаки» властей Ирана на собственные вооруженные силы.

Таким образом, по взглядам военного командования наиболее боеспособных армий западных стран, прежде всего США и их союзников по НАТО, а также армии обороны Израиля, в настоящее время нейтрализация негативного информационно-психологического воздействия, предпринимаемого противником как на военнослужащих, так и на гражданское население, является одним из важных направлений обеспечения современных боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах.

При этом, по взглядам западных теоретиков, особую актуальность эта проблема приобретает в связи со стремительным распространением в военной сфере

новейших информационных технологий, оказывающих все большее влияние практически на все сферы жизнедеятельности современных вооруженных сил, а также внедрение в практику сил психологических операций новейших методик и психотехник негативного информационно-психологического воздействия на противоборствующую сторону в гибридных войнах [6, с. 7]

Для успешной нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия в ходе проведения операций и ведения боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах потенциал морально-психологической готовности военнослужащих США и стран НАТО формируется в пунктах постоянной дислокации воинских формирований в условиях мирного времени. Основное их содержание составляют проводимые в различных формах обучения занятия по темам, раскрывающим потенциально возможные угрозы информационного воздействия противника и призванным противодействовать им: сословное неравенство, расовые, национальные и религиозные конфликты, защита демократии, преимущества американского (западного) образа жизни, лидерство и др.

В условиях военного времени данный процесс дополняется хорошо организованной психологической поддержкой (Psychological Support) личного состава соединений и частей, включающей в себя различные формы вербальной и невербальной коммуникации. Это работа проводится «духовными командами» батальонов (Unit Ministry Team) в составе капеллана и его помощника и секциями психического здоровья (Mental Health Sections) подразделений медицинского обеспечения.

Действующая в армии США система достижения информационно-психологического превосходства над противником является вполне продуманной и в целом эффективной. Она в определенной степени способствует решению задач нейтрализации негативного информационного воздействия противника в локальных войнах и вооруженных конфликтах.

Российским военным ученым, военно-политическим органам Вооруженных Сил Российской Федерации, штатным военным психологам, исследуя основные направления нейтрализации такого негативного воздействия на военнослужащих, следует активно обобщать, анализировать и творчески использовать аналогичный опыт наиболее подготовленных армий мира [5, с.38]. Однако, этот опыт требует как углубленного теоретического изучения, так и практической проверки в ходе проводимых учений. Все это будет способствовать обеспечению надежной информационной безопасности российских военнослужащих, высокой боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Макаренков А.А. Проблема оценки информационно-психологического воздействия на военнослужащих посредством телекоммуникационных технологий // Военный академический журнал. 2020. № 2. С. 88-94.
2. Вильданов М., Башкиров Н. Основные факторы, определяющие национальную военную стратегию США // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 1. С. 3-9.
3. Вильданов М., Прокопьев К., Новикова И. Основные положения доктрины ОВС НАТО «Медицинское обеспечение» // Зарубежное военное обозрение. 2020. № 12. С. 22-29.
4. Еникеев Е. Информационная министерства обороны США // Зарубежное военное обозрение. 2021, № 3. С. 3-10.
5. Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе. // Военная мысль. 2021. № 1. С. 34-44.
6. Ильницкий А.М. Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности // Военная мысль. 2021. № 1. С. 6-21.
7. Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах: Диссертация д-ра псих. наук. М. 1998. – 355 с.
8. Кузьмин Ю.Н., Любичев В.А., Раскин А.В., Тарасов И.В. Особенности вооруженной борьбы в информационной сфере на современном этапе и в перспективе // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 2-5.
9. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. Монография. - СПб.: Научное издательство «Лань», 2017. – 546 с.
10. Ходаренок М. Не допустить пораженческих настроений: как защитить армию от дезинформации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2020/11/08/13351909.shtml>.
11. Нейтрализация [Электронный ресурс] // Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <http://dict.t-mm.ru/ushakov/> (дата обращения 18.05.2021).
12. Иранское ТВ: В результате ракетной атаки на базы США погибли 80 человек – Наша ніва, 8 января 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mn.by/ru/articles/243984/>.
13. Первый канал //Новости / Армия США готовится к возможной военной операции против Ирака. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.itv.ru/news/world/141393> 27.11.2002, (дата обращения 18.05.2021).
14. ADRP 3-0 Unified Land Operations. Washington: Headquarters. Department of the Army, 2012. P. 3-2.
15. ADRP 3-0. Unified Land Operations. Washington: Headquarters. Department of the Army, 2012. P. 1-8.
16. A Leader's Guide to Psychological Support Across the Deployment Cycle. NATO, 2007. P. 33-34.
17. FM 4-02.51. Combat and Operational Stress Control. Washington: Headquarters. Department of the Army, 2006. P. VIII.
18. FM 1-05. Religious Support. Washington: Headquarters. Department of the Army, 2012. P. 2-1.
19. FM 6-22.5 Combat and Operational Stress Control Manual for Leaders and Soldiers. Washington: Headquarters. Department of the Army, 2009. P. 1-11 - 1-13.

© Евсюк Александр Владимирович (avev2020@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕРАПИЯ АКТИВАЦИЕЙ СОЗНАНИЯ (ТАС) В РАБОТЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА С ПРОБЛЕМОЙ ПАНИЧЕСКИХ АТАК У ПАЦИЕНТОВ

CONSCIOUSNESS ACTIVATION THERAPY (TAS) IN THE WORK OF A CLINICAL PSYCHOLOGIST WITH THE PROBLEM OF PANIC ATTACKS IN PATIENTS

A. Zavodov
A. Byalyatskaya
Jean Becchio
S. Bolsun

Summary: This article provides data on the therapy of panic attacks using the Consciousness Activation Therapy. The purpose of this work is to review the application of a new method for the treatment of panic attacks. The method of Consciousness Activation Therapy, developed by Jean Becchio, is a set of scientific methods implemented in psychotherapeutic care for patients. It is based on psychodynamic hypnotherapy, neuroscience, connectomics, neuroimaging, developmental psychology, and philosophy. This method allows you to get rid of panic attacks during a shorter course compared to other types of therapy. However, the use of any one technique in isolation significantly reduces the results of the effectiveness of therapy. Therefore, it is recommended to adhere to a holistic system in dealing with panic attacks.

Keywords: panic attack, panic disorder, anxiety disorders, consciousness activation therapy, hypnosis.

Заводов Александр Олегович

аспирант, Донской государственный технический университет
zavodoff@list.ru

Беляцкая Алиса Яновна

аспирант, Донской государственный технический университет
liska893@rambler.ru

Жан Беккио

профессор, Научно-исследовательский институт клинического гипноза
becchio@club.fr

Болсун Сергей Александрович

заместитель директора, Научно-исследовательский институт клинического гипноза
sbolsun@gmail.com

Аннотация: В этой статье приводятся данные о терапии панических атак методом Терапии активации Сознания. Целью данной работы является обзор применения нового метода для лечения панических атак. Приводится описание понятия паническая атака и сопровождающих ее симптомов. Метод Терапии Активации Сознания, разработанный Жаном Беккио, это совокупность научных методов, реализованных в психотерапевтической помощи пациентам. В его основе лежит психодинамическая гипнотерапия, нейронауки, коннектомика, нейровизуализация, психология развития и философия. Данный метод позволяет избавиться от панических атак в течение более короткого курса по сравнению с другими видами терапии. Однако использование какой-то одной техники в отдельности значительно снижает результаты эффективности терапии. Поэтому, рекомендуется придерживаться целостной системы в работе с паническими атаками.

Ключевые слова: паническая атака, паническое расстройство, тревожные расстройства, техника активации сознания, гипноз.

В современном мире наблюдается активный рост тревожных расстройств, среди которых одно из лидирующих мест занимают панические атаки. Несмотря на то, что панические атаки как самостоятельное заболевание были выделены относительно недавно, количество пациентов, обращающихся к психотерапевтам по поводу возникновения панических атак, с каждым годом возрастает.

Современными исследователями в этом направлении занимаются такие ученые как: Роберт Лихи, который много лет изучает эмоциональные состояния, и дает своим пациентам инструменты, как посмотреть на привычные эмоциональные схемы, воспринимаемые ранее как

проблемные. Русс Харрис развивает терапию принятия и ответственности, является создателем учебника самопомощи для страдающих от панических атак [1,2].

Панические атаки относятся к тревожным расстройствам невротического характера, причиной возникновения которых является стресс. Термин «паническая атака» был определен как основное проявление панических расстройств.

По МКБ-10 паническое расстройство рассматривается как, имеющие частые рецидивы приступы резко выраженной тревоги (паники), не ограничивающиеся какой-либо особой ситуацией или комплексом обстоя-

ятельств и, следовательно, носящие непредсказуемый характер.

Панические атаки могут выступать как самостоятельное заболевание, так и являться частью других психических (депрессия, фобии, посттравматическое стрессовое расстройство и др.) и непсихических (эндокринные, сердечные, ревматоидные и др.) заболеваний [3].

Паническая атака классифицируется наличием дискомфорта по 4 и более признакам, среди которых: тахикардия (учащенное сердцебиение), аритмия (неритмичное сердцебиение), нехватка воздуха (кажется, что задыхается), одышка, возникновение тремора, дискомфортные ощущения в области сердца, головокружение, тошнота, нарушение двигательной координации, онемение конечностей, озноб, повышенная потливость, ощущение комка в горле, затруднение глотательного рефлекса, шум и давление в ушах, предобморочное состояние, искажения слуха и зрения, чувство волн жара или холода в теле, боли в животе. Панические атаки относятся к тревожным расстройствам невротического характера, причиной возникновения которых является стресс [4].

На поведенческом уровне это проявляется как: неконтролируемый страх; сильная тревога; ожидание чего-то тревожного, неприятного и опасного; страх сойти с ума; страх смерти; страх страха; страх, что так будет всегда; страх, что пациент не сможет контролировать свое поведение и поступки и слова; страх спутанных мыслей [5].

В настоящее время существует следующая классификация панических атак: спонтанные – возникающие без какой-либо определенной причины и конкретных объектов; ситуационные – имеющие конкретную психотравмирующую ситуацию, возобновляющиеся при воспоминании или ожидании повторной ситуации, или отдельных триггеров связанных с психотравмой; условно-ситуационные – запускающиеся химическими или биологическими агентами, такими, как психоактивные вещества, например алкоголь, некоторые лекарства, гормональные препараты, а также в некоторых случаях – беременность [6].

По данным исследования посвященного эпидемиологии панических атак, панического расстройства и сдерживающая роль возраста самые высокие показатели распространенности панических атак были обнаружены у людей в возрасте 30–39 лет и 40–49 лет. Самые низкие показатели у респондентов старше 80 лет. В целом, результаты исследования показывают, что вероятность наличия панических атак снижается с возрастом людей.

Также широко изучалась связь между паническим расстройством и сердечно-сосудистыми заболеваниями, и, хотя некоторые исследования показали, что тревожные расстройства сосуществуют или увеличивают риск сердечных заболеваний, ни одна причинная гипотеза не была четко установлена.

Авторы данного исследования попытались предоставить всесторонний описательный анализ и синтез ранее опубликованной информации о панических атаках и открыть новые возможности патофизиологического понимания и клинического ведения [7].

Ещё одной разрушающей стороной панической атаки является ночная паника. Ночная паника характеризуется внезапным пробуждением ото сна, в состоянии неконтролируемой паники без видимой причины и затрагивает более половины пациентов с паническим расстройством. Теория о том, что человек боится потерять контроль или бдительность (страх потери бдительности) – единственная предлагаемая описательная модель ночной паники, предполагающая, что люди, страдающие ночными паническими атаками (ночные паникеры), боятся состояний, в которых они не смогут отреагировать на угрозу или защищаться от опасности, так называемый страх неопределённости [8].

Сравнительный анализ способов и методов для работы с паническими атаками лекарствами от панического расстройства, такими как селективные ингибиторы обратного захвата серотонина и бензодиазепины показал, что:

- СИОЗС имеет отсроченный терапевтический эффект, с задержкой в несколько недель, а также не редки случаи усиления тревоги и паники на ранних этапах применения, во время курса лечения.
- бензодиазепины активно работают в начале курса, но требуют повышения дозы, так как вызывают толерантность, а также вызывают зависимость.

Однако, есть немало данных о малой эффективности и высоких побочных эффектах данных препаратов, а также существуют ограничения, для их применения [9].

В исследовании панических расстройств, устойчивых к лечению, были рассмотрены варианты психологического, фармакологического и комбинированного лечения. Несмотря на доступность фармакологического, психологического и комбинированного лечения, примерно у трети всех пациентов с паническими расстройствами после лечения наблюдаются стойкие панические атаки. Дополнение фармакологического лечения когнитивно-поведенческой терапией продемонстрировало некоторую краткосрочную эффективность при резистентной к лечению панических расстройств. При краткосрочном лечении, также были найдены предварительные дока-

зательства эффективности монотерапии ребоксетином и оланзапином и увеличения пиндололом, дивалпроксом натрия, арипипразолом и оланзапином [10].

Есть несколько направлений в психотерапии, которые занимаются лечением панических атак. Все они имеют свои параметры успешности, детерминированные теми или иными методами лечения. В одном из самых крупных мета исследований психотерапевтических направлений, наиболее успешной считается когнитивно-поведенческая психотерапия.

Когнитивно-поведенческая терапия позволяет не срывать предмет или объект с тревогой, что в значительной степени снимает стрессовое состояние в отношении закрепившихся в сознании пациентов ассоциаций с конкретными объектами, ранее воспринимавшимися ими как тревожные [11].

Так же изучено положительное влияние внушения на уровень дискомфорта и боли у пациентов в больничных условиях, без использования медикаментов [12].

Однако, наиболее действенными эти методы становятся с применением гипнотерапии и Техник Активации Сознания.

Клинический (медицинский) гипноз — это безопасный и эффективный дополнительный метод для использования в медицинских процедурах.

Гипноз превосходил контрольную группу в отношении уменьшения боли и эмоционального стресса (34 РКИ, 2597 пациентов), а также уменьшения симптомов раздраженного кишечника (8 РКИ, 464 пациента) [13]. Также внушения при пробуждении (постгипнотические внушения) могут быть эффективным компонентом, усиливающим работу врача и пациента в повседневных клинических ситуациях.

Новым интеграционным подходом в терапии панических атак является терапия активацией сознания, которая включает в себя методы когнитивно-поведенческой психотерапии с применением современной гипнотерапии. С помощью данного подхода, можно создавать ещё более успешные и эффективные методы, для работы с паническими атаками.

Создателем Терапии Активацией Сознания (ТАС) Жан Беккио и коллеги [14]. Это терапевтическое направление зародилось во Франции и стало гипнозом 21 века, внеся изменение в научную парадигму современной гипнотерапии [15].

В российской научной среде это направление развивается в Научно-Исследовательском Институте Кли-

нического гипноза, а также в Международном Институте Техник Активации Сознания, отечественными исследователями С.А. Болсуном, А.О. Заводовым, И. Сафаровым и коллегами.

Терапия Активации Сознания (ТАС) - это совокупность научных методов, реализованных в психотерапевтической помощи пациентам.

В основе этого направления лежит психодинамическая гипнотерапия (пост Эриксоновская гипнотерапия), нейронауки [16], коннектомика, нейровизуализация [17], психология развития и философия.

В терапевтической деятельности широко применяются метафоры, для активации сознания с целью проработки травмирующих или дискомфортных элементов у пациента, которые при когнитивной работе вытесняются или избегаются, либо вызывают у пациента сильное сопротивление и напряжение. Применение техника «волшебная метафора» ведет к возможности выздоровления, решения проблемы или достижения цели, способами, которые лежат за гранью стандартного, обыденного принципа мышления «не потому - что, а вопреки».

При использовании ТАС преобразуется внимание пациента в некий инструмент, с помощью которого он может изменять свое состояние. Пациент учится использовать собственное внимание для регуляции и управления, своими мыслями, эмоциями, образами, состояниями и желаниями.

Одной из самых быстрых и эффективных групп техник управления и изменения состояния в целом, является дыхательные техники, это техники с помощью которых оказывается влияние на симпатическую и парасимпатическую нервную системы, с целью достижения нужного результата.

Так же важным элементом работы является раппорт. Это основной инструмент, благодаря которому создаётся, терапевтическое пространство «любящей доброты», умение видеть в пациенте в первую очередь человека, обладающего внутренними ресурсами.

Благодаря раппорту способность к эмпатии повышается, и терапевт имеет более высокую и тонкую способность чувствовать и взаимодействовать с пациентом, в том числе и на глубинных, чувственных уровнях.

Следующим элементом является способность терапевта, удерживать своё собственное состояние в особом ресурсе благодати, равновесия и здоровья, это состояние схоже с состоянием Дзэн на востоке.

Сохранение такого состояния необходимо, так как

в ходе терапии, часто возникают, спонтанные мимико-соматические проявления у пациентов, достаточно сильной и ярко выраженной амплитуды. Так, например, может проявиться и усилиться кашель, плачь, рыдания, смех, тремор, озноб, активное проявление идеомоторных феноменов посредством конечностей и всего тела и т.д.

Очень важно чтобы терапевт соблюдал уверенное спокойное состояние, с целью наиболее эффективной и своевременной утилизации всех проявлений и активностей пациента.

Терапевт ратифицирует все, что происходит с пациентом, поддерживает его, сопровождает и направляет в ходе сеанса.

По реакции терапевта пациент понимает, что всё, что с ним происходит, это правильно, это одобряется и является частью терапии, это не вызывает в нем состояний паники, так как терапевт всё время сопровождает его благодаря раппорту.

Для самого же терапевта нахождение в таком состоянии, гарантирует возможность сохранять свою безопасность и не выгорать профессионально.

Для наработки качественного и быстрого вхождения в ресурсное состояние, применяется самогипноз. Скорость вхождения в ресурсное состояние зависит от психофизиологического состояния терапевта и его натренированности.

Гипнотические внушения повторяются многократно в ходе сеанса, с целью более качественного якорения, для улучшения якорения, рекомендуется использовать разные модальности.

В завершении сеанса наступает момент, когда терапевт перестает вести сопровождение голосом и удерживает состояние раппорта с помощью невербальных техник гипноза. Этот момент мы называем «паузой». Это благодатная почва тишины, на которой посеянные семена для решения запроса пациента, ложатся на благодатную почву и начинают прорастать. Происходит это благодаря активации ресурса и созданию благоприятных условий.

Было проведено исследование определения наиболее эффективной методики работы с паническими атаками методом ТАС. В исследовании приняли участие 37 женщин и 15 мужчин, в возрасте от 23 до 47 лет. Респонденты получили полный курс терапии длительностью 10 сеансов. В процессе работы было выявлено, что работа с паническими атаками методом ТАС требует меньшего количества сеансов. Было обнаружено, что 60% респондентов было достаточно 6 сеансов для решения пробле-

мы возникновения панических атак. 20% респондентов было достаточно 4 и менее сеансов и 20% опрошенных прошли полный курс терапии, для избавления от панических атак.

Процедура исследования

Перед началом сеанса, пациенту предлагалось, используя метод шкалирования, определить степень ощущения тревоги, страха и беспокойства, как совокупного ощущения, названного далее дискомфортом, по десяти бальной шкале от нуля до десяти. Где ноль означает, очень хорошее состояние, пять означает комфорт, а десять, максимальный дискомфорт.

После чего пациенту разъясняется, что в ходе сеанса будет использоваться техника вербального гипноза, дыхательная техника, релаксация, пребывание в приятном месте, гипнотическая метафора трансформации, пост гипнотическое внушение и домашнее задание.

Пациент занимает максимально комфортное положение, сидя или лёжа на терапевтическом диване, какое-то время делает девять глубоких, спокойных дыханий, через открытый рот, вдох и выдох происходят обязательно через широко открытый рот с имитацией зевания. После девяти вдохов и выдохов просим пациента закрыть глаза и продолжать спокойно, и глубоко дышать, сохраняя эту модель дыхания. Попутно дыханию терапевт подстраивается и сопровождает пациента голосом своего дыхания, показывая, как именно нужно дышать, со звуком своего голоса, используя физиологически обусловленный выдох облегчения, освобождения, только в ходе терапии, данный выдох производится ещё более утрированно.

Следующим этапом терапевт производит посредством своих внушений мышечное расслабление в теле пациента, сопровождая его словами: «Ваши глаза закрыты, расслаблены, каждая мышца ваших глаз полностью расслабляется, ваши глаза, отдыхают, вы погружаетесь в приятное расслабление, расслабляется кожа лица, лоб, щёки, расслабляются нос, губы становятся полностью расслаблены, вы погружаетесь ещё легче в приятное расслабление, расслабляются мышцы челюсти...». И т.д. Наведение производится с каждой частью тела, для максимального эффекта расслабления и погружения в гипнотическое состояние.

После чего делается внушение, о том, что пациент находится в своем приятном, безопасном, комфортном месте. Используются прямые внушения: «Увидьте это место, своё приятное безопасное комфортное место, посмотрите, какие предметы или объекты находятся в этом месте...». Здесь используется приём создания гипнотической реальности посредством проведения пациента

через все репрезентативные системы или модальности, так называемый ВАКОГП (визуальное, аудиальное, кинестетическое, ольфакторное, густаторное, проприоцептивное). Этот прием используется для усиления чувства комфорта и безопасности пациента.

Далее применяется гипнотическая метафора трансформации, которая формируется исходя из запроса пациента. Например, если у пациента запускается паническая атака, когда он находится в общественном транспорте, то используется метафора очень приятной поездки в транспорте, с приятными пассажирами, свежим воздухом, салоном транспорта, который ощущается и воспринимается как просторный, свежий, чистый, легкий, с очень вежливым, очень опытным и надежным водителем, создаем новую, позитивно окрашенную, полностью безопасную и благодатную процедуру путешествия в транспорте.

В завершении сеанса терапевт просит пациента сделать несколько глубоких вдохов и выдохов через рот, потянуться всем телом. Также рассказывает ему о пользе растяжки, о выработке особого белка титина (коннектина), делается ряд гипнотических внушений о том, что все важные изменения в его теле и психике произошли самым эффективным способом, натуральным и естественным, что уровень его уверенности в собственных силах увеличился, внутренние ресурсы и механизмы устранения проблемы активировались и завершаться успехом.

Далее, используя метод шкалирования, замеряется нынешнее состояние после сеанса. Как правило, он равен нолю или около двух, что по субъективным оценкам пациентов означает очень хорошее состояние.

Далее следует домашнее задание, которое состоит из

дыхательной практики, упражнения самогипноза с применением релаксации всего тела и пребыванием в приятном ресурсном месте. Каждому пациенту рекомендуется комплекс гимнастики и часовая прогулка на свежем воздухе.

Кроме этого, было проведено исследование работы с паническими атаками методом ТАС с использованием одной из техник в отдельности. Оно показало, что такой подход в значительной степени снижает результаты терапии. Если использовать только дыхательную технику в отдельности при сопровождении терапевта, то это позволяет достаточно быстро, за несколько минут снять приступ панической атаки. Но на снижение, частоту возникновения и повторения самой панической атаки это не в одном из случаев не повлияло.

Выводы

Опираясь на опыт работы и на результат проведенного исследования, можно сделать вывод, что работа с паническими атаками методом ТАС дает хорошие результаты за достаточно короткий срок (4-6 сеансов терапии). Использование какой-то одной техники в отдельности значительно снижает результаты эффективности. Поэтому, исходя из личного опыта, мы рекомендуем придерживаться именно целостной системы в работе с паническими атаками. Однако стоит заметить, что данное направление в терапии панических расстройств еще недостаточно изучено и представляет огромный простор для исследовательской деятельности.

Следует также провести более полные исследования с применением точных научных приборов, позволяющих предоставить более точные данные по данной проблематике панических атак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихи Р. Терапия эмоциональных схем. СПб: Изд-во «Питер», 2019 [Leahy R., Emotional schema therapy. St. Petersburg: Piter, 2019]
2. Russ Harris, The Confidence Gap: A Guide to Overcoming Fear and Self-Doubt (Trumpeter, 2011)
3. Международная классификация болезней 10 пересмотра (МКБ-10). Раздел невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства: F40.0, F 40.1, F 40.2, F 41.0, F 41.1, F 42, F 43.1, F 45. [International Classification of Diseases 10 revision (ICD-10). Section neurotic, stress-related and somatoform disorders: F40.0, F 40.1, F 40.2, F 41.0, F 41.1, F 42, F 43.1, F 45].
4. Rodney. Lifestyle Behaviours Add to the Armoury of Treatment Options for Panic Disorder: An Evidence-Based Reasoning. - International Journal of Environmental Research and Public Health, 2015, 12. 10.3390/ijerph120607017.
5. Trindade I.A., Mendes A.L., Ferreira N.B. The moderating effect of psychological flexibility on the link between learned helplessness and depression symptomatology: A preliminary study. - Journal of Contextual Behavioral Science, 2020, P. 68-72, ISSN 2212-1447, <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2019.12.001>.
6. Липовая О.А., Соколовский Г.В. Психологические особенности панических атак // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. №1.
7. Мачадо С., Санкассиани Ф., Паес Ф., Роча Н., Мурильо-Родригес Э., Нарди А.Э. Паническое расстройство и сердечно-сосудистые заболевания. Обзор. - Int Rev Psychiatry, 2017, DOI: 10.1080 / 09540261.2017.1357540.
8. Смит Н.С., Албанезе Б.Д., Шмидт Н.Б., Капронд В. Нетерпимость к неопределенности и ответственность за вред предсказывают ночные панические атаки. Психиатрия Res. 2019, 273: 82-88. DOI: 10.1016 / j. psychres.2019.01.025.
9. Quagliato L.A., Freire R.C., Nardi A.E. Risks and benefits of medications for panic disorder: a comparison of SSRIs and benzodiazepines. - Review Expert Opin Drug

- Saf. 2018, 17(3):315-324. doi:10.1080/14740338.2018.1429403.
10. Фрейре Р.К., Зуглиани М.М., Гарсия Р.Ф., Харди А.Э. Паническое расстройство, устойчивое к лечению: систематический обзор Review Expert Opin Drug Saf. 2018, PMID: 26635099 DOI: 10.1517 / 14656566.2016.1109628
 11. Carbonell D, Winston S.M. How Your Brain Tricks You Into Expecting the Worst and What You Can Do About It. New Harbinger Publications, 2016.
 12. Garland E.L., Baker A.K., Larsen P. Randomized Controlled Trial of Brief Mindfulness Training and Hypnotic Suggestion for Acute Pain Relief in the Hospital Setting. J Gen Intern Med. 2017 Oct; 32(10):1106-1113.
 13. Hauser W., Hagl M., Schmierer A., Hansen E.. The Efficacy, Safety and Applications of Medical Hypnosis. Dtsch Arztebl Int. 2016 Apr 29; 113 (17): 289-96. Doi: 10.3238/arztebl.2016.0289
 14. Becchio J., Jousselin C. Nouvelle Hypnose. Initiation et pratique. Paris, Desclée De Brouwer, 2017
 15. Radoykov S., Becchio J., Lachal J. Encephale. 2020, Sep 10, S0013-7006(20)30149,
 16. Mashour G.A., Roelfsema P., Changeux J.P., Dehaene S. Neuron. 2020. 105(5), 776-798
 17. Stanislas D. Consciousness and the brain. How the brain encodes thoughts. M: Career Press, 2018

© Заводов Александр Олегович (zavodoff@list.ru), Беяцкая Алиса Яновна (liska893@rambler.ru)
 Жан Беккио (becchio@club.fr), Болсун Сергей Александрович (sbolsun@gmail.com),
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ТОЛЕРАНТНОСТЬЮ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

IDENTITY CRISIS AND ITS RELATION TO THE TOLERANCE TO AMBIGUITY

**M. Kuzmin
E. Mironova
A. Kiseleva
E. Filinova
O. Osipenok**

Summary: The article analyzes the problem of the relationship between tolerance to ambiguity and identity crisis among women of different ages. The author analyzes the degree of development of the problem of this connection in domestic and foreign literature. On a sample of 412 subjects aged 18-75 years using the different methods the author reveals both the features of tolerance to ambiguity in women of different ages, and the nature of its relationship with indicators of identity crisis in women. It is shown that, although the relationship between tolerance to ambiguity and identity crisis is negative in the entire sample, there is a specificity of this relationship depending on age. The causes of non-linear communication are analyzed.

Keywords: tolerance to ambiguity, identity, women, identity crisis.

Кузьмин Михаил Юрьевич
к.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский
государственный университет»
mirroy@mail.ru

Миронова Елена Ивановна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Иркутский
государственный университет»

Киселева Анастасия Андреевна
Старший методист, Институт развития образования
Иркутской области
nk160493@gmail.com

Филинова Елизавета Андреевна
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
liza.filinova44@gmail.com

Осипенко Оксана Александровна
к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский
государственный университет»
cominagetcha@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема связи толерантности к неопределенности и кризиса идентичности на выборке женщин различного возраста. Автор анализирует степень разработанности проблемы данной связи в отечественной и зарубежной литературе. На выборке в 412 испытуемых в возрасте 18-75 лет при помощи методик «СЭИ-тест» Е.Л. Солдатовой, «Опросник кризисной идентичности», Шкалы толерантности к неопределенности MSTAT-II и Шкалы депрессии А. Бека автор выявляет как особенности толерантности к неопределенности у женщин различного возраста, так и характер ее связи с показателями кризиса идентичности у женщин. Показано, что, если на всей выборке связь между толерантностью к неопределенности и кризисом идентичности имеет отрицательный характер, однако существует специфика этой связи в зависимости от возраста. Анализируются причины нелинейной связи.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, идентичность, женщины, кризис идентичности.

Введение

В современной психологической науке проблему идентичности и ее кризиса по праву можно назвать междотраслевой. Кризис идентичности рассматривается в социальной психологии (D. Ouserman, H. Tajfel, J.C. Turner, H.M. Лебедева, Г.М. Андреева, Т.Г. Стефаненко и др.), в медицинской психологии (H.B Смирнов и И.Н. Земзюлина, С. Kitzinger, J. Willmott, M. Amiri), в рамках возрастной психологии (J. Kroger, H.B. Дмитриева, A.B. Микляева и П.В. Румянцева и др.). И хотя, по мнению Г.М. Андреевой, данная проблема «освещена настолько широко, что практически не остается пространства для ее дальнейшего изложения» [Андреева, 2011], споры о содержании кризиса идентичности, а так же способах его

преодоления продолжают вестись как отечественными, так и зарубежными учеными.

Одним из направлений такого поиска является анализ личностных свойств и образований, препятствующих развитию кризиса идентичности. Ими могут выступать ощущение субъективного благополучия [Pavot & Diener, 1993], стратегии совладающего поведения [Белинская, 2019], [Luuskx et. al., 2005] и др. Еще одним личностным свойством, препятствующим развитию кризиса идентичности, является толерантность к неопределенности. Определяемая как феномен, позволяющий личности успешно функционировать в непредсказуемом пространстве [Kraus, 1995], толерантность к неопределенности характеризуется поиском ситуации неопределен-

ности, чувством комфорта в момент пребывания в ней, способностью размышлять над проблемой, даже если не известны все факты и возможные последствия принятого решения и способностью принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности и др. [Лазо, 2015].

В ряде работ ([Fuchs, 2007], [Scoggin, 1996], [Oyserman, 2010]) рассматриваются частные случаи связи кризиса идентичности и толерантности к неопределенности – в ситуации фрагментации идентичности [Fuchs, 2007], кризиса профессиональной идентичности [Scoggin, 1996] или – шире – социального ее компонента [Oyserman, 2010]. На наш взгляд, необходим более подробный, всесторонний анализ, рассматривающий связь толерантности к неопределенности и различных сторон идентичности, находящейся в кризисе (эмоциональной, поведенческой, собственно эго-идентичности и др.). Мы предполагаем, что определение таких связей позволит в дальнейшем лучше понять, в каких случаях толерантность к неопределенности может являться условием преодоления кризиса идентичности.

С учетом этого, мы поставили целью проанализировать связь толерантности к неопределенности и различных проявлений кризиса идентичности.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось в период с декабря 2018 по декабрь 2019 на базе ФГБНУ НЦ Проблем здоровья семьи и репродукции человека (г. Иркутск). Выборку исследования составили женщины в возрасте 18-75 лет общим числом 412 человек, проходивших плановый

медосмотр. Возрастные особенности испытуемых представлены на Таблице 1.

Для изучения толерантности к неопределенности использовалась шкала MSTAT-II D.L. McLain [McLain, 2009] в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина и Е.Г. Луковицкой [Леонтьев, Осин, Луковицкая, 2016]. Идентичность изучалась при помощи методик «СЭИ-тест» Е.Л. Солдатовой [Солдатова, 2007], Оценка кризиса идентичности «Опросник кризисной идентичности» [Дмитриева, Перевозкин, Перевозкина, Самойлик, 2012] и методика Шкала депрессии А. Бека А. [по Елшанский, Ануфриев, Ефимова, Семенов, 2016]. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью критерия корреляции r Пирсона и H -критерия Крускала-Уоллеса. Вычисления осуществлялись в программе SPSS 23.0. Критической величиной уровня значимости считалось $p < 0,01$, значимости на уровне тенденции – $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

На первом этапе мы установили уровень толерантности к неопределенности нашей выборки. Оказалось, что он составил 48, стандартное отклонение – 10,1. Таким образом, испытуемые женщины продемонстрировали средний уровень толерантности к неопределенности.

На втором этапе мы проанализировали связи между показателями кризиса идентичности женщин и уровнем их толерантности к неопределенности.

Во-первых, при анализе связей шкалы толерантности к неопределенности и методики «Оценка кризиса идентичности» было выявлено следующее. Оказалось, что су-

Таблица 1.

Возрастные особенности испытуемых

Возраст	18-27	28-35	36-41	42-49	50-55	старше 55
Число	41	74	68	89	64	76
%	9,95%	17,96%	16,50%	21,60%	15,53%	18,45%

Таблица 2.

Корреляционные связи между шкалами методики Оценка кризиса идентичности и методики MSTAT-II

Шкалы	ДСО ¹	ЦСА ²	ЭА ³	ПА ⁴	МПО ⁵	СА ⁶	СФ ⁷	СЖ ⁸
MSTAT-II	-0,019	-0,275*	-0,233*	-0,410**	-0,308**	-0,233*	-0,100	0,025

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

¹ – Детско-родительские, семейные отношения

² – Ценностно-смысловой аспект

³ – Эмоциональный аспект

⁴ – Поведенческий аспект

⁵ – Межличностные, профессиональные отношения

⁶ – Сексуальный аспект

⁷ – Стрессовые факторы

⁸ – Социальная желательность

ществуют отрицательные связи между шкалой МСТАТ-2 и основными шкалами методики ОКИ. Так, шкала МСТАТ-2 негативно связана с Ценностно-смысловым аспектом ($r=-0,275$, $p=0,042$), Эмоциональным аспектом ($r=-0,23$, $p=0,05$), Поведенческим аспектом ($r=-0,41$, $p=0,01$), Межличностными и профессиональными отношениями ($r=0,3$, $p=0,01$) и Сексуальным аспектом ($r=-0,23$, $p=0,042$). Получается, что чем ниже у испытуемых выражена толерантность к неопределенности, тем более выражены такие проявления кризиса идентичности, как пониженная самооценка, трудности в самоопределении, смысловой вакуум, неудовлетворенность своей сексуальной жизнью, профессиональная неудовлетворенность, рост тревожности и депрессивных проявлений.

Последнее обстоятельство подтверждается и при анализе связей шкалы толерантности к неопределенности и шкалы депрессии А. Бека. Оказалось, что чем выше у испытуемых выражена шкала МСТАТ-II, тем ниже у них проявление депрессии – причем как ее когнитивно-аффективного ($r=-0,2$, $p=0,01$), так и соматического ($r=-0,19$, $p=0,01$), компонентов.

Наконец, анализ связей толерантности к неопределенности и кризисных проявлений в эго-идентичности выявил следующее. Оказалось, что чем выше у испытуемых выражена шкала МСТАТ, тем выше у них выражен статус Достигнутой идентичности ($r=0,36$, $p=0,01$) и, наоборот, ниже статус Спутанной идентичности ($r=-0,35$, $p=0,01$). Получается, что испытуемые, обладающие зрелой эго-идентичностью, скорее демонстрируют толерантность к неопределенности. Со статусом Предрешенной идентичности связей не обнаружено.

При этом с субшкалами методики СЭИ-тест наибольшая корреляция приходится на шкалы Творческая сила развития ($r=0,36$ для Достигнутой идентичности и $r=-0,37$ для статуса Спутанной; $p=0,01$) и Сила Эго ($r=0,36$ для Достигнутой идентичности и $r=-0,37$ для статуса Спутанной, $p=0,01$).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В целом, чем ниже у испытуемых женщин выражена толерантность к неопределенности, тем выше у них выраженность различных проявлений кризиса идентичности, затрагивающих как эго-идентичность, так и другие ее компоненты. У женщин с низкой толерантностью к неопределенности наблюдается пониженная самооценка, трудности в самоопределении, смысловой вакуум, неудовлетворенность своей сексуальной жизнью, профессиональная неудовлетворенность, рост тревожности и депрессивных проявлений.

Мы предположили так же, что особенности связи толерантности к неопределенности и кризиса идентичности могут быть обусловлены возрастом. В одном из

предыдущих наших исследований [Кузьмин и др., 2019] мы отмечали, что эго-идентичность имеет свои особенности на различных возрастных этапах. Поэтому на третьем этапе мы проанализировали особенности связи толерантности к неопределенности и кризиса идентичности у женщин с учетом их возраста.

Таблица 3.

Результаты испытуемых женщин различного возраста по методике МСТАТ-II

Возраст	M	SD
18-27	51,38	8,07
28-35	51,69	10,33
36-41	47,03	9,53
42-49	47,24	8,81
50-55	44,14	10,96
старше 55	46,59	12,93

Как следует из таблицы, с возрастом наблюдается постепенное снижение показателя толерантности к неопределенности у женщин (исключая некоторый рост в возрасте старше 55-ти лет). Данный факт подтверждается статистически: $N=14,3$, $p=0,014$. Таким образом, чем моложе женщина, тем выше у нее толерантность к неопределенности.

Далее мы проанализировали характер связи шкалы толерантности к неопределенности и шкал, отражающих особенности кризиса идентичности у женщин различного возраста.

Анализируя связи между шкалой толерантности к неопределенности и шкалами методики СЭИ-тест на женщинах различного возраста, можно обнаружить следующее: чем первоначально выше у девушек 18-27 лет уровень толерантности к неопределенности, тем ниже уровень Достигнутой идентичности и выше – Спутанной ($r=-0,296$ и $r=0,365$ соответственно, $p=0,01$); начиная с периода 28-35 лет характер связи меняется: обнаруживается обратная корреляция между уровнем толерантности к неопределенности и Спутанной идентичностью (в диапазоне от $-0,18$ в возрасте старше 55-ти лет до $-0,298$ в возрасте 36-41 год); появляется положительная связь с Предрешенной идентичностью (характерна для возраста 28-35 лет и 42-49 лет).

Таким образом, говоря о связи эго-идентичности и толерантности к неопределенности, можно предположить, что ее характер обусловлен возрастом. Если у молодых девушек и женщин (18-27 лет) толерантность к неопределенности сопровождается большей выраженностью статуса Спутанной идентичности и меньшей – Достигнутой, то в дальнейшем, наоборот, чем больше выражена толерантность к неопределенности,

тем меньше – Спутанная идентичность. Можно предположить, что высокая толерантность к неопределенности в возрасте 18-27 лет препятствует самоопределению девушек т.к. открывает слишком много возможностей для идентификации.

При этом связь между шкалой депрессии А. Бека и толерантностью к неопределенности на всех возрастных этапах имеет отрицательный характер как для основной шкалы, так и для шкал Когнитивно-аффективной и Соматической (особенно в возрасте 42-55 лет). Таким образом, вне зависимости от возраста высокая толерантность к неопределенности связана с низким проявлением когнитивно-аффективных признаков депрессии, а, начиная с 42-х лет – и соматических проявлений. В последнем случае можно предполагать, что толерантность к неопределенности позволяет легче их переживать.

Наконец, связи шкалы толерантности к неопределенности и шкал методики «Оценка кризиса идентичности» имеют следующие особенности. Так, шкала Ценностно-смысловой аспект (ЦСА) положительно связана с толерантностью к неопределенности только у девушек в возрасте 18-27 лет – на других возрастных этапах данная связь имеет отрицательный характер. Шкалы Эмоциональный аспект (ЭА), Поведенческий аспект (ПА) и Межличностные и профессиональные отношения (МПО) связаны с толерантностью к неопределенности только отрицательно: эта связь усиливается с возрастом до 50-55 лет. Наконец, шкала Сексуальный аспект (СА) демонстрирует отрицательные корреляции (на уровне $r=-0,28$) только в возрастных диапазонах 18-27 и 36-41 год.

Таким образом, существуют особенности связи толерантности к неопределенности с различными сферами, которые затрагивает кризис идентичности, в зависимости от возраста. Так, у молодых девушек и женщин 18-27 лет выраженная толерантность к неопределенности сопровождается не только ростом Спутанности идентичности, но и выраженностью ценностно-смыслового

Таким образом, существуют особенности связи толерантности к неопределенности с различными сферами, которые затрагивает кризис идентичности, в зависимости от возраста. Так, у молодых девушек и женщин 18-27 лет выраженная толерантность к неопределенности сопровождается не только ростом Спутанности идентичности, но и выраженностью ценностно-смыслового

Таблица 4.

Корреляционные связи между шкалами методики MSTAT-II и шкалами других методик у женщин различного возраста

Возраст	18-27	28-35	36-41	42-49	50-55	старше 55
Шкалы	MSTAT-II	MSTAT-II	MSTAT-II	MSTAT-II	MSTAT-II T	MSTAT-II
Достигнутая	-0,296**	0,043	0,236**	0,005	0,105	0,144
Спутанная	0,365**	-0,195*	-0,298**	-0,215*	-0,298**	-0,188*
Предрешенная	-0,034	0,219*	0,165	0,290**	0,154	0,050
Когнитивно-аффективная	-0,200*	-0,071	-0,262**	-0,250**	-0,555**	-0,085
Соматическая	-0,060	-0,134	-0,098	-0,175*	-0,452**	-0,010
BDI ¹	-0,173*	-,096	-0,247**	-0,257**	-0,574**	-0,070
ДСО ²	-0,09	-0,011	-0,019	0,08	-0,011	-0,011
ЦСА ³	0,280**	0,11	-0,245	-0,281**	-0,19*	0,15
ЭА ⁴	-0,25**	-0,311**	-0,213*	-0,313**	-0,288**	-0,111
ПА ⁵	0,11	-0,21*	-0,48**	-0,39**	-0,24**	-0,21*
МПО ⁶	-0,008	-0,22*	-0,208*	-0,218*	-0,25**	-0,11
СА ⁷	-0,288**	-0,08	-0,241**	-0,141	-0,14	-0,02
СФ ⁸	-0,01	-0,08	-0,09	-0,05	-0,12	-0,08
СЖ ⁹	0,025	0,015	0,014	0,011	0,04	-0,053

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

¹ – Шкала депрессии Бека

² – Детско-родительские, семейные отношения

³ – Ценностно-смысловой аспект

⁴ – Эмоциональный аспект

⁵ – Поведенческий аспект

⁶ – Межличностные, профессиональные отношения

⁷ – Сексуальный аспект

⁸ – Стрессовые факторы

⁹ – Социальная желательность

аспекта кризиса идентичности. Как мы предполагали выше, это может быть вызвано повышенными возможностями в поиске своего места в жизни: испытывая меньшую тревогу относительно характера своей жизни, легче переживая неопределенность, таким девушкам, как ни парадоксально, сложнее «найти себя». При этом на других возрастных этапах особенности связи толерантности к неопределенности и кризиса идентичности принципиально не меняются; речь идет лишь об усилении отдельных связей.

Таким образом, на третьем этапе мы обнаружили следующее.

Во-первых, с возрастом у женщин наблюдается постепенное снижение показателя толерантности к неопределенности. Соответственно, чем моложе женщина, тем выше у нее данный показатель.

Во-вторых, оказалось, что существует возрастная специфика связи толерантности к неопределенности и показателей кризиса идентичности. Особенно примечательной она оказывается для женщин и девушек в возрасте 18-27 лет.

В литературе мы не нашли исследований, отражающих гендерную, равно как и возрастную специфику толерантности к неопределенности. Выглядит логичным, что с возрастом толерантность к неопределенности снижается, а личность становится более консервативной.

Что касается специфики связей толерантности к неопределенности и показателей кризиса идентичности, то тут можно отметить ряд особенностей. В литературе отмечается, что с возрастом кризисные проявления в идентичности снижаются. Так, по данным P. Fadjukoff, L. Pulkkinen, и K. Kokko [Fadjukoff, Pulkkinen, Kokko, 2016], с возрастом женщины идут по пути все большей доли достигнутой идентичности и все меньшей – диффузной. Эта тенденция затрагивает различные аспекты жизни: религиозные убеждения, политические предпочтения, карьеры, интимно-личностных отношений и образа жизни. Авторы обнаружили, что женщины, как правило, численно превосходят мужчин по степени выраженности достигнутой идентичности на более ранних возрастных этапах. Однако, ближе к 50-ти, гендерные различия уменьшились в большинстве областей (исключая религиозной составляющей, где мужчины демонстрируют спутанную идентичность). Аналогично, по результатам J. Kroger, M. Martinussen & J. Marcia, статус Достигнутой идентичности так же возрастает до 30-36 лет, а статус Моратория, наоборот, снижается [Kroger, Martinussen Marcia, 2010]. В работе Е.Л. Солдатовой так же показано, что в кризисные возрастные периоды показатели автономной идентичности (А) возрастают, а диффузной (С) –

снижаются [Солдатова, 2007].

В данном исследовании мы не проводили углубленный анализ динамики кризиса идентичности у женщин различного возраста. Однако в другой работе [Кузьмин, Миронова, Осипенок, 2019] отмечалась специфика выраженности идентичности у женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды. Этим может объясняться различный характер связи между толерантностью к неопределенности и показателями кризиса идентичности.

Заключение

Целью данного исследования было определение особенностей связи толерантности к неопределенности и различных проявлений кризиса идентичности. В ходе него было установлено следующее.

Во-первых, чем ниже у испытуемых женщин выражена толерантность к неопределенности, тем выше у них выраженность различных проявлений кризиса идентичности, затрагивающих как эго-идентичность, так и другие ее компоненты. У женщин с низкой толерантностью к неопределенности наблюдается пониженная самооценка, трудности в самоопределении, смысловой вакуум, неудовлетворенность своей сексуальной жизнью, профессиональная неудовлетворенность, рост тревожности и депрессивных проявлений.

Во-вторых, с возрастом у женщин наблюдается постепенное снижение показателя толерантности к неопределенности. Соответственно, чем моложе женщина, тем выше у нее данное свойство.

Наконец, оказалось, что существует возрастная специфика связи толерантности к неопределенности и показателей кризиса идентичности. Если у молодых девушек и женщин (18-27 лет) толерантность к неопределенности сопровождается большей выраженностью статуса Спутанной идентичности и меньшей – Достигнутой, то в дальнейшем, наоборот, чем больше выражена толерантность к неопределенности, тем меньше – Спутанная идентичность. Можно предположить, что высокая толерантность к неопределенности в возрасте 18-27 лет препятствует самоопределению девушек т.к. открывает слишком много возможностей для идентификации.

Полученные результаты могут быть использованы как основа для дальнейшего исследования данной проблемы (в частности, с учетом социо-демографических факторов и их влияния на связь толерантности к неопределенности и кризиса идентичности), так и в практической деятельности при учете воспитательной работы в организациях средне-специального и высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. - 2011. - № 6(20). - URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Белинская Е.П. Особенности идентичности личности и стратегии совладающего поведения // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 27-30 июня, 2019 г. [отв. ред.: А.Д. Карнышев, В.А. Решетников]; ФГБОУ ВО «ИГУ», - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. - 609 с.
3. Дмитриева Н.В., Первозкин С.Б., Первозкина Ю.М., Самойлик Н.А. Диагностика Кризиса идентичности. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2012. 134 с.
4. Елшанский С.П., Ануфриев А.Ф., Ефимова О.С., Семенов Д.В. Особенности ретестовой надежности шкалы депрессии А. Бека // Психология, социология и педагогика. - 2016. - № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2016/04/6649> (дата обращения: 11.04.2021).
5. Кузьмин М.Ю., Миронова Е.И., Осипенок О.А. Особенности идентичности женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды // Российский психологический журнал. - 2019. - Т. 16. - № 3. - С. 72-86. DOI: 10.21702/rpj.2019.3.6.
6. Лазо Н.Н. Личностный потенциал лиц, осуществляющих руководство в образовании (на примере толерантности к неопределенности) // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. - 2015. - №43. - С. 12-17.
7. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл. 2016. 60 с.
8. Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 267 с.
9. Fadjukoff P, Pulkkinen L., Kokko K (2016). Identity formation in adulthood: A longitudinal study from age 27 to 50. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, №16, 8-23. DOI: 10.1080/15283488.2015.1121820.
10. Fuchs T (2007). Fragmented Selves: Temporality and Identity in Borderline Personality Disorder. *Psychopathology*, 40(6), 379-387. DOI:10.1159/000106468.
11. Kraus A (1995). Psychotherapy Based on Identity Problems of Depressives. *American Journal of Psychotherapy*, №49 (2), 197- 212. DOI:10.1176/appi.psychotherapy.1995.49.2.197.
12. Kroger J., Martinussen M., Marcia J. E (2010). Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*, № 33, 683-698. DOI: 10.1016/j.adolescence.2009.11.002.
13. Luyckx K., Goossens L., Soenens B., Beyers W., Vansteenkiste M. (2005). Identity statuses based on 4 rather than 2 identity dimensions: Extending and refining Marcia's paradigm. *Journal of Youth and Adolescence*, 34, 605-618.
14. McLain D.L. (2009) Evidence of the Properties of an Ambiguity Tolerance Measure: The Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II (MSTAT-II). *Psychological Reports*, №105(3), 975-988. DOI:10.2466/pr0.105.3.975-988.
15. Oyserman D., Destin M. (2010). Identity-Based Motivation: Implications for Intervention. *The Counseling Psychologist*, №38(7), 1001-1043. DOI: 10.1177/0011000010374775.
16. Pavot W., Diener E. (1993). Review of the Satisfaction with Life Scale. *Psychological Assessment*, 5(2), 164-172. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.5.2.164>.
17. Scoggin J. (1996). How nurse-midwives define themselves in relation to nursing, medicine, and midwifery. *Journal of Nurse-Midwifery*, №41(1), 36-42. DOI:10.1016/0091-2182(95)00063-1.
18. Shamionov R.M. (2018). Attitude to change and tolerance to uncertainty as predictors of adaptability and adaptive readiness. *Russian Psychological Journal*, №14(2), 90-104. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.5>
19. Vindeker O.S., Klimenskikh, M.V. (2018). Psychometric facets of Antifragility: Tolerance of Ambiguity, Hardiness, and Growth. *Russian Psychological Journal*, №13(3), 107-122. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.7>

© Кузьмин Михаил Юрьевич (mirroy@mail.ru), Миронова Елена Ивановна, Киселева Анастасия Андреевна (nk160493@gmail.com), Филинова Елизавета Андреевна (liza.filinova44@gmail.com), Осипенок Оксана Александровна (cominagetcha@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF NEED FOR ACHIEVEMENT AMONG OLDER TEENAGERS WITH VISUAL IMPAIRMENT

**A. Matrokhina
S. Khaidov**

Summary: The article presents the urgency of studying the problem of need for achievement among older teenagers with visual impairment, provides and proves a diagnostic programme aimed at examination of this process. The results received through the statistical programme SPSS 21 went through quantitative and qualitative analysis. Following methods were used to analyze the results of the research: correlation analysis of Spearman, Mann–Whitney's U criterion, descriptive statistics.

Keywords: need for achievement, pursuit of success, avoidance of failure, teenagers with visual impairment, diagnostic study.

Матрохина Алина Павловна

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
qwerty8899059@gmail.com

Хаидов Сергей Курбанович

к.псих.н., доцент, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
haidov@bk.ru

Аннотация: В статье раскрыта актуальность изучения проблемы развития мотивации достижения старших подростков с нарушением зрения, составлена и апробирована диагностическая программа, направленная на изучение данного процесса. Произведен количественный и качественный анализ полученных результатов с помощью статистической программы SPSS 21. Для анализа результатов использовались такие методы, как: корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, описательная статистика.

Ключевые слова: мотивация достижения, стремление к успеху, избегание неудачи, подростки с нарушением зрения, диагностическое исследование.

Введение

Проблема изучения мотивации достижения старших подростков с нарушением зрения обусловлена тем, что с каждым годом число детей со зрительной патологией неуклонно растет.

Являясь важной ролью в процессе познания окружающего мира, зрение позволяет человеку активно взаимодействовать с социальной действительностью, соотнося с ней свои действия, поступки, поведение. При этом нарушение зрения в основном не влечет за собой серьезных отклонений в психическом развитии, при условии ранней коррекционно-развивающей работы с данной патологией, однако, оно значительно влияет на развитие потребностно-мотивационной сферы личности, приводя в первую очередь к снижению мотивации достижений, что обуславливает отказ от деятельности, снижение активности, неуверенность в себе и своих силах. Кроме этого, ситуацию усложняет то, что зрительная патология не мотивирует подростков к постановке целей, стремлению к достижению успеха, вызывая затруднение в их социальной адаптации, а в дальнейшем и социальной интеграции.

Все это и обуславливает актуальность исследования развития мотивации достижения у старших подростков с нарушением зрения.

Литературный обзор

Проблемой потребностно-мотивационной сферы, в том числе и мотивации достижения, занимались следующие авторы: М.Ш. Магомед-Эминов [4], Л.И. Солнцева [5,6], А.Г. Литвак [3], Х. Хекхаузен [7], Т.О. Гордеева [1], Е.В. Евтименко [2] и др.

Подростковый возраст выступает важным этапом развития будущей деятельности, где ее успешное, целеустремленное выполнение требует непосредственной активности субъекта. У подростков с нарушением зрения эта активность крайне низка, что непосредственно негативно влияет на формирование мотивации достижения. Нарушение зрения часто вводит человека в состояние стресса, который ведет к развитию возбуждения, дезорганизуя поведение человека, а его дальнейшее усиление - к развитию торможения, обуславливающего пассивность, отказ от деятельности. На этой основе у старших подростков с нарушением зрения наблюдаются страхи и опасения за свое будущее, боязнь того, что они не справятся с порученным делом [3].

При возникновении трудностей выполнения деятельности она часто заменяется подростком на другую, более легкую [5].

Зачастую неадекватная самооценка и уровень притязаний старших подростков с нарушением зрения не по-

зволяют сформировать адекватное отношение к успеху и неудачам. В связи с этим, у них в большинстве случаев преобладает мотивация к избеганию неудач, являясь ведущей тенденцией.

Методы исследования

В исследовании использовались следующие методики, позволяющие рассмотреть с разных сторон мотивацию достижения старших подростков с нарушением зрения:

1. «Тест мотивации достижения» А. Мехрабиан (модификация М.Ш. Магомед-Эминов) диагностирует мотивацию достижения со стороны целеполагания и притязаний.
2. «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» (Т. Элерс) рассматривает мотивацию достижения со стороны готовности к риску.
3. «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» (Т. Элерс) диагностирует мотивацию достижения со стороны оценки собственных возможностей.
4. Методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А.А. Реан) позволяет изучить мотивацию достижения с поведенческой стороны, проявляемой в деятельности.
5. «Методика исследования локуса контроля» (Дж. Роттер) выявляет отношение индивида к своим успехам и неудачам.

Количественный и качественный анализ полученных результатов производился с помощью статистической программы SPSS 21. Использовались: корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, описательная статистика.

Исследование проводилось на базе МБОУ ЦО № 29 г. Тулы. В исследовании приняли участие 15 детей старшего подросткового возраста с нарушением зрения – девочки и мальчики 14-15 лет с такими патологиями, как: слабовидение, частичная атрофия зрительного нерва, высокая степень миопии, астигматизм.

Результаты исследования

Был проведен анализ эмпирических данных путем описательной статистики, результаты которой представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы, по общей выборке мотивация достижений имеет низкий уровень развития, наблюдается тенденция к снижению, что говорит о превалировании мотивации на неудачу. Уровень мотивации к успеху низкий с тенденцией к увеличению. Уровень мотивации к избеганию неудач высокий и имеет тенденцию к возрастанию. Доминирующее стремление имеет средний уровень с тенденцией к снижению, указывающей на стремление избегания неудачи. Экстернальный локус контроля является ведущим.

Результаты исследования по критерию Манна-Уитни не показали статистических различий между мальчиками и девочками, но тем не менее были выделены некоторые количественные различия между ними.

Мотивация достижений имеет низкий уровень, что говорит о направленности на неудачу, как у девочек, так и у мальчиков. Но, стоит отметить, что у девочек тенденция к снижению выражена сильнее, чем у мальчиков.

Мотивация к успеху у мальчиков соответствует среднему уровню, но имеет тенденцию к снижению, в то время как у девочек она находится на низком уровне с тенденцией к увеличению.

Мотивация к избеганию неудач слишком сильно проявляется у девочек, тем самым имеет слишком высокий уровень, в то время как у мальчиков она имеет средний уровень, но с тенденцией к возрастанию.

У девочек показатель ведущего стремления имеет стабильно низкий уровень, что говорит о стремлении к избеганию. Мальчики находятся на границе ведущего стремления, имея средний уровень, но больше склонны к избеганию неудачи, то есть обладают тенденцией к снижению.

Таблица 1

	Средние общая выборка		Средние девочки		Средние мальчики	
	Среднее	Стд. Откл.	Среднее	Стд. Откл.	Среднее	Стд. Откл.
Мотивация достижений	111,2857	9,26848	101,5000	3,53553	115,2000	7,66159
Мотивация к успеху	10,8571	2,73426	9,0000	1,41421	11,6000	2,88097
Мотивация к избеганию неудачи	18,4286	3,55233	22,5000	2,12132	16,8000	2,48998
Стремление к достижению/избеганию	8,7143	1,70434	7,0000	,00000	9,4000	1,51658
Экстернальный локус контроль	12,5714	,97590	12,5000	,70711	12,6000	1,14018
Интернальный локус контроль	10,4286	,97590	10,5000	,70711	10,4000	1,14018

Как у мальчиков, так и у девочек показатель экстер-нальности является превалирующим.

Корреляционный анализ по Спирмену выявил прямые (положительные) и обратные (отрицательные) связи значений двух переменных в группе исследуемых. Было выявлено, что, чем выше мотивация к избеганию неудачи, тем ниже мотивация достижений ($C_r = -0,767$; $p = 0,044$). Это говорит о том, что, чем выше негативная оценка собственных возможностей, тем ниже целеустремленность по отношению к достижениям.

Удалось выявить прямую связь между мотивацией к успеху и доминирующим стремлением ($C_r = 0,854$; $p = 0,014$): чем выше мотивация к успеху, тем выше будет и само стремление к нему. Высокая мотивация к успеху в данном случае определяет адекватный уровень риска, что непосредственно влияет на повышение стремления к достижению успеха в деятельности.

Наблюдается прямая связь между полом и мотивацией избегания неудачи ($C_r = 0,820$; $p = 0,024$), что на основе средних показателей говорит о том, что, чем выше мотивация к избеганию неудачи, тем больше она проявляется у лиц женского пола.

Можно сказать об отрицательной связи между

экстернальным и интернальным локусом контроля ($C_r = -1,000$). В данном случае, у подростков сильнее проявление экстернального локуса.

Выводы

Таким образом, мы видим, что в целом результаты по каждому из показателей, касаемых достижений, представлены низкими и приближенными к низким значениями с тенденцией к снижению. Показатель же к избеганию имеет высокий уровень и тенденцию к увеличению. Но, стоит отметить, что потенциал к улучшению результатов выше у мальчиков, чем у девочек. Это связано с тем, что у девочек в большинстве случаев наблюдаются низкие значения показателей с тенденцией к снижению, а тенденция к избеганию неудачи представлена слишком высоким уровнем проявления. У мальчиков также в большинстве случаев наблюдаются тенденции к снижению, но результаты показателей в основном представлены в среднем значении. Учитывая значения показателей и превалирующие тенденции, можно сказать о том, что зрительная патология более негативно влияет на развитие потребностно-мотивационной сферы лиц женского пола, чем мужского. Результаты исследования также позволяют определить направления реабилитационных и коррекционных воздействий для старших подростков с нарушением зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
2. Евмененко Е.В. Психология лиц с нарушениями зрения /Е. В. Евмененко, А. В. Трущелева — Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. 220 с.
3. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб.пособие / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. 271с.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация достижения :структура и механизмы: автореф. дис. канд. психол. наук / Мадруддин Шамсуддинович Магомед-Эминов. Москва, 1987.
5. Солнцева Л.И., Денискина В.З. Психология воспитания ребенка с нарушением зрения – М.: Налоговый вестник, 2004. 320 с.
6. Солнцева Л.И. Тифлопсихология детства. М.: «Полиграф сервис», 2000. 127 с.
7. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Хекхаузен Х. Санкт-Петербург: Речь, 2001.

© Матрохина Алина Павловна (qwerty8899059@gmail.com), Хаидов Сергей Курбанович (haidov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ОБРАЗА ТЕЛА У ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Никифорова Светлана Владимировна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого», г. Красноярск
583050@mail.ru

RELATIONSHIP RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND BODY IMAGE IN MATURE WOMEN

S. Nikiforova

Summary: The article presents the results of an empirical study of the relationship between indicators of psychological well-being and body image in women of mature age. Decrease in physical strength and attractiveness is one of the many problems that a person faces during the midlife crisis and beyond. For those who previously relied on their physical qualities and attractiveness, middle age can be a period of severe depression. On the basis of the revealed interconnection, it can be concluded that the phenomena studied by us are interdependent: the characteristics of the bodily image of the Self are interconnected with the indicators of the psychological well-being of the women under study. These data can be used as the basis for a program of psychological support for harmonizing the body image of women of mature age.

Keywords: women, mature age, psychological well-being, body image.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи показателей психологического благополучия и образа тела у женщин зрелого возраста. Убытие физических сил и привлекательности – одна из многих проблем, с которыми сталкивается человек в годы кризиса среднего возраста и в последующем. Для тех, кто полагался ранее на свои физические качества и привлекательность, средний возраст может стать периодом тяжелой депрессии. На основании выявленной взаимосвязи можно сделать заключение о том, что исследуемые нами феномены взаимообусловлены: характеристики телесного образа Я взаимосвязаны с показателями психологического благополучия исследуемых женщин. Эти данные возможно положить в основу программы психологического сопровождения гармонизации образа тела женщин зрелого возраста.

Ключевые слова: женщины, зрелый возраст, психологическое благополучие, образа тела.

Актуальность

Одним из направлений развития гендерных исследований в психологии является «женская психология». «Женские исследования» (women studies) направлены на решение задачи выявления особенностей женского опыта и психологических проблем (Р. Хоф). Как отмечает И.С. Клецина, проблема половой дифференциации в рамках этого направления приобрела новый ракурс. В основном исследования «женской психики» ориентированы на психологическую практику, выполняются в контексте психологической помощи женщинам, пострадавшим в результате психического или физического насилия, и, чаще всего, не находят отражения в научных публикациях. Среди немногих авторов, касающихся проблем женской психологии, – Ю.Е. Алешина, С. Бем, Ш. Берн, И.С. Кон.

В рамках тендерной психологии близкими к теме нашего исследования являются работы, посвященные выявлению особенностей самооценок у мальчиков и девочек, юношей и девушек (Я.И. Михайловский, О.М. Мороз, Н.Н. Обозов, И.В. Тельнюк), анализу степени выраженности отдельных компонентов самоотношения у мужчин и женщин (Т.Н. Курбатова, Я.В. Куус), взаимосвязи образа

тела и самоотношения у старшеклассников (Д.В. Желателев). Обзор литературы показал, что недостаточно изученным остается вопрос об особенностях психологического благополучия в соотношении с образом тела у женщин зрелого возраста.

Образ тела является одним из компонентов «Я-концепции» личности. Осознание и принятие своей телесности, адекватность восприятия своего тела и отношения к своей личности в целом, а также успешная социальная адаптация зависят от развития образа тела, его совершенствования и преодоления недостатков его формирования. По данным У. Джемса, в мире опубликовано более 2000 психологических исследований, посвящённых проблеме «Я», предметами которых становятся: структура и компоненты «Я»; психические процессы и операции, при помощи которых человек «осознаёт, оценивает, концептуализирует себя и своё поведение»; психологические функции самосознания: адекватность образа «Я», частных самооценок, их роль в саморегуляции поведения [1].

Исследователи выделяют различные «образы Я»: реальное, зеркальное, идеальное (В.В. Сизикова, В.В. Столин, Н. Толстых), «образ тела», «схема тела» (А.Н. Дороже-

вещ, В.Е. Каган, А.А. Налчаджян, Е.Т. Соколова), социальное «Я» (Ш. Самуэль), феноменальное, беспомощное, межперсональное, фальшивое «Я» (В.В. Столин), настоящее, динамическое, фактическое, вероятное, идеализированное «Я» (Розенберг), ретроспективное, проспективное «Я» (Н.И. Сарджавеладзе). Также в «Я-концепции» выделяется три компонента: «Я-реальное», «Я-идеальное» и «Я-зеркальное». Каждый из этих компонентов, в свою очередь, может включать в себя такие аспекты, как: физическое Я, социальное Я, умственное Я, эмоциональное Я. Поэтому «Я-концепция» может существовать на следующих уровнях: физическом Я-образе (схема тела), социальном (социальные идентичности: половая, возрастная, этническая, гражданская, социальнорольевая), дифференцирующем образе Я (знания о себе в сравнении с другими людьми). Между «Я-образами» могут быть различные соотношения, например, «идеализированное Я» может включать характеристики «настоящего, идеального, будущего Я»; между «идеальным Я» и «представляемым Я» может быть конфликт. В.В. Сизикова изучала положительное влияние «Я-образов» друг на друга, в частности, мотивационное воздействие «идеального Я». На наш взгляд, достаточно структурированную информацию о подструктурах «Я-концепции» даёт А.А. Налчаджян. Одним из её важных компонентов он считает «образ тела» («телесное Я»): субъективное восприятие тела, в том числе внешности; идеальный образ тела (сравнение и идентификация своего тела с телами других и «идеала») [1].

Период зрелого возраста женщин характеризуются рядом морфологических и функциональных особенностей. Его условно делят на первый период (22-35 лет) и второй (36-55 лет) [5]. Зрелость - наиболее продолжительный период онтогенеза, характеризующийся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей человека. Женщины зрелого возраста составляют основной контингент женщин, занятых в производственной сфере. На них возложена социальная функция материнства и воспитания детей. Зрелый возраст характеризуется периодом двигательного дефицита, в отличие от юношеского возраста, который признан периодом биологического оптимума.

В возрасте 25-30 лет, а иногда и ранее начинаются процессы инволюции двигательной функции, которые, как и процессы биологического развития, идут не параллельно, а гетерохронно. Наблюдается снижение функциональных возможностей, особенно дыхания и кровообращения.

В периоде второго зрелого возраста (36-55 лет) активизируются инволюционные процессы в организме, наступают выраженные возрастные изменения. Особенности периода второго зрелого возраста являются:

снижение объема потребления кислорода на 1 кг веса и теплопродукции на 1см поверхности тела; уменьшение гормональной функции; ухудшение эластичности тканей; атрофия мышц и снижение содержания в них энергетических веществ; ухудшение сократительной способности миокарда; замедление кровотока, уменьшение объема циркулирующей крови; изменение эластичности сосудов; снижение возбудимости дыхательного центра; нарушение жирового и углеводного обменов, затруднение образования белковых соединений. Для этого периода характерны изменения в опорно-двигательном аппарате, ограничение подвижности суставов и грудной клетки. Во втором зрелом возрасте наблюдаются изменения в деятельности нервной системы (снижение подвижности нервных процессов, затруднение образования новых рефлекторных связей, удлинение реакций, ухудшающих ориентировку, нарушение регуляции, изменения психики) [3].

Проблема позитивного психологического функционирования стала привлекать внимание исследователей, начиная с середины 20-го века, соотнося экзистенциальную и гуманистически ориентированную психологию с принципом целостности в подходе к пониманию личности, а также с интерпретацией личностного образа жизни - существование человека как уникального целого с уникальным жизненным опытом, внутренним миром, с уникальной реакцией на обстоятельства его жизни.

Такой подход требует введения концепции, которая характеризовала бы как степень позитивного функционирования личности, так и степень удовлетворенности человека собой и своей жизнью. Таким показателем может служить «психологическое благополучие» личности.

Современная отечественная психология не имеет общепризнанного понятия «психологическое благополучие личности». Несмотря на широкое использование этого термина в научной и научно-популярной литературе, единого определения не существует. Часто это означает ряд понятий, которые близки, но не идентичны по значению, таких как: «психическое здоровье», «нормальный», «нормальная и аномальная личность», «позитивный образ жизни», «эмоциональный комфорт», «качество жизни», «внутренняя картина здоровья, болезни», «зрелая личность», «самореализующаяся личность», «полноценно функционирующая личность».

Теоретическую основу для понимания феномена психологического благополучия заложили исследования Н. Брэдберна. Он вводит понятие «психологическое благополучие» и отождествляет его с субъективным ощущением счастья и общего удовлетворения жизнью. Кроме того, сам автор ссылается на аристотелевское описание понятия «эвдемония» как отражающего сущность психологического благополучия. Н. Брэдберн отмечает, что он

не подразумевает под понятием психологическое благополучие ряд других широко используемых понятий, таких как самоактуализация, самооценка, сила эго, автономия, но в то же время исследователь отмечает, что, возможно, эти понятия имеют области взаимного пересечения.

Важным вкладом в проблему понимания феномена психологического благополучия стала работа Э. Динера. Этот автор вводит понятие «субъективное благополучие». На самом деле, содержание этого термина очень близко к интерпретации психологического благополучия, которая была предложена в концепции Н. Брэдберна. Субъективное благополучие, по мнению исследователя, состоит из трех основных компонентов: удовлетворенности, приятных эмоций и неприятных эмоций, все эти три компонента вместе образуют единый показатель субъективного благополучия. Как отмечает сам автор, речь идет о когнитивной (интеллектуальная оценка удовлетворенности различными сферами своей жизни) и эмоциональной (наличие плохого или хорошего настроения) стороны самопринятия. Э. Динер считает, что большинство людей так или иначе оценивают происходящее с ними с точки зрения «хорошо – плохо», но такая интеллектуальная оценка всегда имеет соответственно окрашенную эмоцию [4].

Несмотря на схожие интерпретации структуры психологического благополучия Н. Брэдберном и Э. Динером, последний не считает их прямыми аналогами. Он считает, что субъективное благополучие является лишь компонентом психологического благополучия, и при этом он отмечает, что для описания последнего необходимо ввести дополнительные характеристики [2]. Другим автором, предложившим свою теорию психологического благополучия, была американская исследовательница, доктор психологии Кэрол Рифф. Во многих отношениях, продолжая традиции, заложенные Н. Брэдберном, она, тем не менее, критически пересматривает его взгляд на психологическое благополучие как на баланс между позитивным и негативным аффектами. Выдвигая тезис о том, что гедонистическое решение проблемы психологического благополучия страдает определенным ограничением, автор создает свою собственную теорию, которая основывалась на основных понятиях, которые так или иначе связаны с понятием психологического благополучия и относящиеся к проблеме позитивного психологического функционирования (теории А. Маслоу, Роджерса К., Аллпорта Г., Юнга К., Эриксона Е., Бюлера С., Ньюгартена Б., Яходы М., Биррена Д.). Подобный подход позволил ей обобщить и определить шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономность, управление окружающей средой, жизненные цели, личностный рост.

В настоящее время, существует множество разрозненных и противоречивых фактов, различных методологических установок, отсутствует общепризнанная и устоявшаяся терминология, связанная с психологическим благополучием человека и образом тела. Отечественная психология располагает еще недостаточными теоретическими и практическими данными по этой проблеме. В настоящий момент, в социальной психологии существует лишь немногочисленное число работ, посвященных проблеме гендер – социальные атрибуты внешнего облика С. Н. Яременко, D. Kyle. и др.; изучающие представления о способах оформления внешнего облика маскулинной, феминной личности А.А. Бодалев, В.А. Лабунская. Нет четко установленных закономерностей влияния самого содержания Образа Физического Я, сформированного в процессе социального взаимодействия, его составляющих, его формально-структурных характеристик, как на частные самооценки, так и глобальное отношение к себе.

Наше исследование было направлено на изучение взаимосвязи показателей психологического благополучия и образа тела у женщин зрелого возраста. База исследования Выборка исследования 40 женщин в возрасте от 36 до 45 лет.

Методы исследования. Методика определения телесного образа Я разработана и опубликована в 1949 году основателем одной из школ по телесно-ориентированной психотерапии - М. Фельденкрайзом. Автор подчеркивает, что телесный образ Я, или бессознательный образ тела – одна из глубинных и базовых структур личности, влияющая на всю личность в целом и на её движение по жизненному пути. С него можно считывать информацию об особенностях структуры характера, актуальной проблематике, мышечном панцире и травмах развития [5].

Опросник «Шкалы психологического благополучия» Кэрол Рифф. Методика представляет собой адаптированный на русском языке вариант англоязычной методики The scales of psychological well-being, разработанный К. Рифф. Методика была несколько раз валидизирована в различных вариантах. Наиболее распространённым является вариант из 84 пунктов, послуживший основой для двух русскоязычных версий: в 2005 году опросник был адаптирован и валидизирован Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко, в 2007 году - Н.Н. Лепешинским [7].

Анализ данных по методике определения телесного образа Я показал, что большинство (50%) женщин имеют бесполой тип телесного образа Я. Наличие этого типа свидетельствует о психологической травме на шизоидной или оральной стадиях развития, возможном нарушении половой идентичности и глобальном страхе перед миром. Психотерапевтическая помощь таким клиентам должна вестись в русле работы со страхом,

формировать психологическую устойчивость. У 25% исследуемых зафиксирован мускулистый тип образа тела, что указывает на гипертрофированную мужественность, подавленную женственность, проявления настойчивости, упорства и ригидной жизненной позиции. В психологической работе следует сделать акцент на повышение пластичности, адаптивности. У одной женщины (5%) зафиксирован феминный тип образа тела, что характеризуется большим количеством страхов в контакте с окружающим социумом, так и с миром вообще. Говоря о дальнейшей психологической работе, следует выделить следующие линии: работа со страхами, адаптация в социуме. У 15% исследуемых выявлен андрогинный тип телесного образа Я. Поведение таких индивидов достаточно дихотомично, свойства – амбивалентны. Психологическая помощь должна быть направлена на интеграцию личности, различных её сторон в единое целое.

Анализируя результаты исследования по методике «Шкалы психологического благополучия» Кэрл Рифф можно отметить следующее:

По данным шкалы «Позитивные отношения с окружающими», высокие (20%) и средние показатели (80%) свидетельствуют о наличии у испытуемых близких, приятных, доверительных отношений с окружающими; желания проявлять заботу о других людях; способности к эмпатии; наличия навыков, помогающих устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми. Кроме этого, данная характеристика включает в себя желание быть гибким во взаимодействии с окружающими, умение прийти к компромиссу. Низких показателей по этой шкале не наблюдалось, которые свидетельствовали бы об одиночестве, неспособности устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелании искать компромиссы, замкнутости.

Из результатов, полученных по шкале «Автономия» можно сказать, что 20% испытуемых имеют высокие показатели, а 65% – средние. Исходя из этого, можно говорить о том, что испытуемые имеют такие качества, как независимость, способность противостоять социальному давлению в своих мыслях и поступках, а также способны регулировать собственное поведение и оценивать себя исходя из собственных стандартов. Озабоченность ожиданиями и оценками других, ориентация на мнение других людей при принятии важных решений и неспособность противостоять социальному давлению в мыслях и поступках характерны для людей с низкими показателями по данной шкале – 15% испытуемых.

Анализируя полученные результаты по шкале «Управление средой», можно сделать следующие выводы: у испытуемых имеется чувство уверенности и компетентности в управлении повседневными делами, способность эффективно использовать различные жизненные обстоя-

тельства, умение самому выбирать и создавать подходящий контекст для реализации личных потребностей и ценностей, а также умение осуществлять разнообразные виды деятельности. Данные качества присущи 75% респондентам, причем у 20% испытуемых эти качества находятся на более высоком уровне. Низкие показатели (5%): трудности в управлении повседневными делами, чувство неспособности улучшить или изменить окружающие обстоятельства, отсутствие чувства контроля над внешним миром.

По шкале «Личностный рост» у 35% респондентов высокие и у 60% средние значения. Из этого следует, что испытуемые обладают чувством продолжающегося развития и реализации своего потенциала, видят свой рост и экспансию, открыты новому опыту, наблюдают все большее совершенствование себя и своего поведения с течением времени. У 5% исследуемых этот компонент психологического благополучия находится на низком уровне, который говорил бы о переживании личностной стагнации. Отсутствует ощущение личностного прогресса с течением времени. Ощущается скука и незаинтересованность жизнью. Ощущение неспособности усваивать новые навыки.

Результаты, полученные по шкале «Цели в жизни», свидетельствуют о высоком уровне психологического благополучия у 35% респондентов и в среднем у 60%. Отсюда следует, что им присущи наличие жизненных целей и чувство осмысленности их прошлого и настоящего. Они сформировали убеждения, которые дают цель жизни, а также имеют основания и причины для жизни. Часть испытуемых (5%) характеризуются низкими баллами по этой шкале, что означает, что им не свойственно: чувство значимости жизни и чувство направленности. Нет недостатка в целях, нет взглядов и убеждений, которые придают смысл жизни. Они не видят цели и в своем прошлом.

Результаты по шкале «Самопринятие». Высокие 40% и средние 40% значения. Это означает, что они обладают позитивным отношением к себе и своему прошлому, осознают и принимают разные стороны своего «Я», включая как положительные, так и отрицательные качества. Для 20% исследуемых нами людей данной выборки характерны низкие баллы по данной шкале, а значит им не свойственно: недовольство самим собой, они разочарованы в собственном прошлом, обеспокоены некоторыми чертами собственной личности, не принимают себя. Для них характерно желание быть другими.

Таким образом, на основании полученных данных в процессе исследования, можно говорить о том, что только высокие и средние показатели наблюдались в шкале «позитивные отношения». В шкалах «автономия» и «самопринятие» были смешанные показатели. Что касемо

низких показателей (5%) они выявились в шкалах «личностный рост», «управление средой» и «цели в жизни». Максимальный процент низких показателей наблюдался в шкале «самопринятие» (20%).

С целью выявления взаимосвязей между изучаемыми характеристиками мотивационно-ценностных предпочтений курсантов военного института данные исследования были обработаны нами с помощью программы «STATISTICA – 16.0». Для выявления взаимосвязей между изучаемыми характеристиками мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Шкала «телесного образа Я» положительно коррелирует со всеми шкалами методики «Шкалы психологического благополучия» Кэрл Рифф: «Позитивные отношения с окружающими» (0,71 при $r^* \geq 0,5$); «Цели в жизни» (0,68 при $r^* \geq 0,5$); «Личностный рост» (0,66 при $r^* \geq 0,5$); «Автономия» (0,68 при $r^* \geq 0,5$); «Самопринятие» (0,81 при $r^* \geq 0,5$). На основании выявленной взаимосвязи можно сделать заключение о том, что исследуемые нами феномены взаимообусловлены: характеристики телесного образа Я взаимосвязаны с показателями психологического благополучия. Эти данные возможно положить в основу

программы психологического сопровождения «Возможности гармонизации образа тела женщин зрелого возраста» разрабатываемую нами в рамках диссертационного исследования.

Таким образом, телесный образ Я, или образ тела - одна из глубинных и базовых структур личности, влияющая на всю личность в целом и на ее движение по жизненному пути, с него можно считать информацию об особенностях структуры характера, актуальной проблематике, травмах развития. Образ тела - это отражение своего тела в сознании личности, вся совокупность знаний и телесного опыта личности, как осознаваемой части, так и неосознаваемой. Внутренняя картина собственного тела, особенность индивидуального самовосприятия своего тела, внутренний образ тела может отличаться от реального телесного состояния. Образ тела формируется у человека на протяжении всей жизни под влиянием различных факторов, как внешних, так и внутренних. Таким образом, образ тела является важной составной частью знаний о себе и самовосприятия и оказывает значительное влияние на чувства, мысли и поведение человека в течение всей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранская, Л.Т. Образ тела как предиктор нарушения адаптации молодежи в социальной среде // Молодое поколение XXI века: Актуальные проблемы социально-психологического здоровья / Л.Т. Баранская, С.С. Татауров. М.: «ИГРА». 2019. - С. 331-335.
2. Брэдберн, Н. Структура психологического благополучия / Н. Брэдберн // – Ярославль: Инфра., 2015. – 13 с.
3. Николаева, В.В. Психология телесности: методологические принципы и этапы клинико-психологического анализа. // Арина Г.А., Николаева В.В. Междисциплинарные проблемы психологии телесности., М., Изд. Московского Гуманитарного Университета, 2017.- 230с.
4. Стрелков, И.А. О проблеме психологического благополучия / неблагополучия в современной психологии / И.А. Стрелков. – М., 2019. – 67 с.
5. Тхостов, А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. М.: Смысл, 2012. - 252 с.
6. Фесенко, П.П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций / П.П. Фесенко // Научные труды аспирантов и докторантов. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – Выпуск 46. – С. 35–48.
7. Шевеленкова, Т.Д., Фесенко, П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика, 2015. – №3. – С. 95-129.
8. Cash, T.F. The development and validation of the Body-Image Ideals Questionnaire // Journal of Personal Assessment. 1995. Vol. 64. P. 466-477.
9. Cash, T.F. Looks Aren't Everything (To Everybody) // Journal of Social Behavior and Personality. 1992. Vol. 7. Iss. 4. P. 621- 630.

© Никифорова Светлана Владимировна (583050@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ УВЛЕЧЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ

FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF TEENAGERS WITH DIFFERENT DEGREES OF INTEREST IN COMPUTER GAMES

I. Petrochenko
I. Shchelin

Summary: The article is devoted to the study of the emotional intelligence of adolescents with varying degrees of interest in computer games. Specific features of the emotional intelligence of adolescents with a natural level of passion, an average level of passion and dependence on computer games were identified. The results of the study will be useful not only for teachers and psychologists working with this age group, but also for parents of adolescents in order to prevent the development of psychological dependence of adolescents on computer games.

Keywords: addiction, computer games, teenagers, passion, emotional intelligence.

Петроченко Ирина Алексеевна

Национальный Исследовательский Томский
Государственный университет, г. Томск
Irina-Petrochenko22@yandex.ru

Щелин Игорь Владимирович

К.псих.н., доцент, Национальный Исследовательский
Томский Государственный университет, г. Томск
shchelin@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию эмоционального интеллекта подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми. Были выявлены специфические особенности эмоционального интеллекта подростков с естественным уровнем увлечения, средним уровнем увлечения и зависимостью от компьютерных игр. Результаты исследования будут полезны не только педагогам и психологам, работающим с данной возрастной группой, но и родителям подростков с целью профилактики развития психологической зависимости подростков от компьютерных игр.

Ключевые слова: зависимость, компьютерные игры, подростки, увлеченность, эмоциональный интеллект.

Введение

В общении, идентификации и самоактуализации подростка особое влияние придается именно эмоциональной сфере. Умение понимать свои чувства в данный момент и эмоции окружающих его людей, способствует эффективной адаптации подростка к социальной жизни. Но стремительное усовершенствование информационных технологий начинает оказывать свое влияние и на подрастающее поколение. Реальное общение стало заменяться виртуальным, а вместо взаимодействия со сверстниками в реальной жизни, подростки все чаще прибегают к общению в социальных сетях и компьютерных играх. Каждый подросток имеет большое количество социальных связей и контактов в виртуальном мире, но при этом изменяются его способности к эмпатии, осознанию чувств и регулированию собственных эмоций в реальном мире [11].

Эмоциональная сфера оказывает влияние на все сферы деятельности подростков. Формирование и полноценное развитие эмоционального интеллекта в этом возрасте позволяет человеку в дальнейшем адаптироваться к новым ситуациям, к жизни в обществе в целом и успешно взаимодействовать с окружающими людьми. Однако развитие эмоциональной сферы современных

подростков находится под влиянием компьютерных технологий.

Современные подростки практически полностью вовлечены в ту жизнь, которая происходит за экраном их телефонов или компьютеров. Умение подростков взаимодействовать друг с другом посредством современных технологий сказывается на их функционировании в реальной жизни.

Помимо социальных сетей по частоте использования оборот набирают и компьютерные игры. И важным вопросом в исследовании данной проблемы является последствия увлеченности компьютерными играми. В научных исследованиях указывается вероятностная возможность появления патологической формы увлечения близкой к поведенческой зависимости, проявляющаяся в изоляции подростка от внешнего мира, проявлении агрессивности, тревожности и разрушении значимых социальных связей.

Так, в исследовании эмоциональных последствий компьютерной игры В. С. Собкин и Ю. М. Евстигнеева установили, что у небольшой части играющих возникает агрессивное состояние после окончания игры [17]. М.И. Иванов с установил, что у подростков, которые

обращаются к компьютерными играм, после игры ухудшается настроение и снижается общий эмоциональный фон [6].

В своем исследовании Л.Н. Никитина выделила три основные группы последствий, возникающие в результате чрезмерного увлечения компьютерными играми [12].

Первая группа – последствия на физиологическом плане:

- проблемы с режимом сна и бодрствования;
- потеря аппетита и нерегулярное питание;
- проблемы со зрением, выражающиеся в сухости и жжении глаз;
- проблемы с позвоночником;
- пренебрежение личной гигиеной.

Вторая группа – это изменения, происходящие на психологическом уровне, которые несут в себе большую опасность для психики подростка и являются симптомами возникновения психологической зависимости от игр.

Третья группа включает в себя последствия, проявляющиеся на социальном уровне:

- частые конфликты с родителями и учителями;
- снижение учебной успеваемости;
- отсутствие других увлечений и хобби кроме компьютерных игр;
- время, потраченное на прохождение игры, становится предпочтительнее живому общению;
- социальная дезадаптация;
- готовность нарушить закон ради игры.

Более подробно рассмотрим вторую группу последствий увлеченности компьютерными играми:

1. частичная или полная идентификация подростка с компьютерными героями. Как считает М.С. Иванов, именно ролевые игры являются одним из существенных факторов формирования игровой зависимости [14].

По мнению П.А. Мунтян, полная идентификация подростков с виртуальным персонажем происходит за счет специфических особенностей игры. Невыполнение какой-либо задачи в игре не несет серьезных последствий в реальной жизни. Ошибка в игре легко исправляется многократным прохождением конкретного этапа игрового процесса [14]. А.М. Демильхановой было отмечено, что во время игрового процесса происходит разделение внешнего «Я», которое находится за экраном компьютера, и внутреннего «Я», т.е. «Я» как субъекта деятельности. Именно интерес подростка к ролевым играм приводит к изменению восприятия собственного образа «Я» и ведет к тому, что подросток идентифицирует себя персонажем игры и наделяет себя теми же качествами, что и выдуман-

ный герой [5].

Причинами идентификации подростка с персонажами компьютерной игры является удовлетворение собственных потребностей. Ведь примеряя на себя роль сильного и смелого героя, подростки тем самым преодолевают свою слабость и чувство неполноценности. С проявлением идентификации также связаны такие защитные механизмы, как замещение, рационализация и отрицание [12].

2. негативное отношение к себе в результате рассогласования и появление большого разрыва «Я-реального» от «Я-виртуального». Конфликтное состояние между «Я-реальным» и «Я-виртуальным», по мнению М.С. Иванова, может привести к нарушениям психических состояний подростка, а также вызвать усиление социальной дезадаптации [14].

В процессе игры у подростка возникает чувство комфорта и безопасности, а также появляется ощущение превосходства и властности. Но комфортное состояние резко сменяется при выходе в реальную жизнь, где есть нерешенные проблемы и отсутствие высокого статуса в группе. В результате подросток стремится вернуться в зону комфорта и все больше погружается в игровой мир.

3. понимание того, что игры отнимают много свободного времени и не приносят желаемого результата, но невозможность быстро прекратить. Большая часть людей, для которых компьютерные игры являются хобби, отмечали, что игры также вредят их здоровью и близким межличностным отношениям. Как отмечает М.С. Иванов, люди, даже после осознания бесполезности игровой деятельности, не могли полностью отказаться от нее, что в дальнейшем приводило к возникновению не поддающейся изменениям психологической зависимости от компьютерных игр [14].
4. нарушение эмоционально-волевой сферы подростка. Эмоциональный интерес усиливается к героям игры, но ослабевает интерес к социальным контактам с окружающими в реальной жизни.

Результаты исследования Л.Н. Никитиной указывают на то, что подросткам, чрезмерно увлекающимся компьютерными играми, свойственен высокий уровень тревожности. Автор объясняет выявленную особенность двумя факторами. Первый фактор указывает на то, что, играя за смелого и непобедимого героя, несовершеннолетние тем самым компенсируют чувство страха и тревоги, проявляющиеся в реальности. Вторым фактором связан с тем, что постоянное желание победить, переживание очень близких к реальности сцен, приводят к тому, что подростки находятся в состоянии напряжения и тревоги за жизнь героя.

Проведенный теоретический анализ литературы

говорит о том, что чрезмерная увлеченность компьютерными играми приводит к негативным последствиям, которые затрагивают когнитивную, эмоциональную, поведенческую и физиологическую сферы развития личности подростка. Большинство современных психологических исследований по данной проблематике направлены на изучение патологической зависимости от игр [3, 13, 18], в то время как остается слабо изученным состояние предзависимости или сильной увлеченности, при котором изменения в структуре личности не являются глобальными и поддаются коррекции. Детальное изучение сущности, причин и последствий увлеченности компьютерными играми создаст возможности для осуществления профилактических мер относительно патологической зависимости подростков от компьютерных игр.

Актуальность данной работы обусловлена специфическими особенностями эмоционального интеллекта подростков, увлекающихся компьютерными играми, с целью профилактики развития психологической зависимости подростков от компьютерных игр.

Гипотеза исследования заключается в том, что подростки с разной степенью увлеченности компьютерными играми обладают специфическими особенностями эмоционального интеллекта.

Методы

С целью изучения эмоционального интеллекта подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 90 подростков (50 мальчиков и 40 девочек) в возрасте 14 – 16 лет. Все респонденты – учащиеся 9-х классов МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 16» г. Березовский, Кемеровской области

В своей работе мы опирались на теории эмоционального интеллекта: модель способностей Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо [16], модель эмоционального интеллекта Д. Гоулмана [2], модель эмоционального интеллекта Р. Бар-Она [1] в зарубежной психологии, а также на модель эмоционального интеллекта Д.В. Люсина [10], модель М.А. Манойловой [11], модель Э.Л. Носенко и Н.В. Ковриги [1] в отечественной психологии.

Использовались теоретические представления о динамике формирования компьютерной зависимости Л.Н. Юрьева и Т.Ю. Большот [19], которые выделили четыре стадии формирования зависимости от компьютерных игр:

1. стадия легкой увлеченности, при которой обращение к компьютерным играм носит ситуативный характер, устойчивая и постоянная потребность в игре не сформирована.

2. стадия увлеченности – стадия, в которой компьютерные игры занимают одну из ведущих позиций в системе потребностей человека.
3. стадия психологической зависимости характеризуется серьезными изменениями индивидуальных особенностей человека, его иерархии ценностей и самооценки.

Организация исследования

Эмпирический сбор данных осуществлялся в декабре 2019 – январе 2020 года.

Для исследования эмоционального интеллекта подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми использовался комплекс методик:

- Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИН» Д.В. Люсина [9];
- «Тест на эмоциональный интеллект» Н. Холла [7];
- «Тест-опросник степени увлеченности компьютерными играми» А. В. Гришиной [4];
- Методы математической статистики: t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Результаты

Рассмотрим данные, полученные при проведении сравнения средних значений показателей эмоционального интеллекта, полученных с помощью методик «ЭМИН» Д.В. Люсина и теста на эмоциональный интеллект Н. Холла, у подростков с разным уровнем увлеченности компьютерными играми. Полученные значимые результаты представлены в Таблицах 1–3.

Полученные данные из Таблицы 1 указывают на то, что игра на естественном уровне увлечения носит лишь развлекательный и краткосрочный характер, поэтому подростки меньше тратят свое время на компьютерные игры и больше проводят время с окружающими людьми, поэтому это положительно сказывается на их способности к пониманию эмоций и контролю эмоциональных состояний как у себя, так и у других людей посредством мимики, жестов, интонаций и т.п.

Таблица 2 указывает на то, что подростки со средним уровнем увлечения обладают большим значением показателей эмоционального интеллекта, чем подростки с зависимостью от компьютерных игр. Чем ближе увлечение компьютерными играми к зависимости от игр у подростков, тем ниже показатели эмоционального интеллекта. То есть подростки со средним уровнем увлеченности компьютерными играми лучше осознают свои эмоции и эмоции окружающих людей, а также могут их контролировать по сравнению с подростками, зависимыми от компьютерных игр. Все это может сказаться на способности подростков поддерживать и устанавливать

Таблица 1.

Результаты сравнений средних значений показателей эмоционального интеллекта подростков с естественным и средним уровнем увлечения компьютерными играми

Показатели эмоционального интеллекта	Естественный уровень увлечения	Средний уровень увлечения	t-знач.	p
Эмоциональная осведомленность	13,93	12,55	3,18	0,002
Управление своими эмоциями	13,46	11,67	3,75	0,0003
Самомотивация	13,18	11,69	3,04	0,003
Эмпатия	12,75	11,22	2,80	0,006
Управление эмоциями других людей	12,36	11,09	2,27	0,03
Уровень эмоционального интеллекта по Н. Холлу	65,68	58,51	3,06	0,003

Примечание: в таблице указаны результаты при $p < 0,05$.

Таблица 2.

Результаты сравнений средних значений показателей эмоционального интеллекта подростков со средним уровнем увлечения и зависимостью от компьютерных игр

Показатели эмоционального интеллекта	Средний уровень увлечения	Зависимость	t-знач.	p
Внутриличностный эмоциональный интеллект	44,91	38,12	2,31	0,02
Понимание эмоций	41,71	35,76	2,42	0,02
Управление эмоциями	44,89	39,47	2,05	0,04
Уровень эмоционального интеллекта по Д. В. Люсину	86,60	75,35	2,43	0,02
Эмоциональная осведомленность	12,55	10,88	2,75	0,007
Управление своими эмоциями	11,67	9,41	3,23	0,002
Самомотивация	11,69	8,94	3,87	0,0003
Эмпатия	11,22	8,88	2,94	0,005
Управление эмоциями других людей	11,09	8,24	3,48	0,0009
Уровень эмоционального интеллекта по Н. Холлу	58,51	46,71	3,40	0,001

Примечание: в таблице указаны результаты при $p < 0,05$.

Таблица 3.

Результаты сравнений средних значений показателей эмоционального интеллекта подростков с естественным уровнем увлечения и зависимостью от компьютерных игр

Показатели эмоционального интеллекта	Естественный уровень увлечения	Зависимость	t-знач.	p
Межличностный эмоциональный интеллект	43,82	37,11	2,31	0,03
Понимание эмоций	42,96	35,76	2,53	0,02
Уровень эмоционального интеллекта по Д. В. Люсину	87,75	75,35	2,43	0,02
Эмоциональная осведомленность	13,93	10,88	4,74	0,0001
Управление своими эмоциями	13,46	9,41	5,43	0,0001
Самомотивация	13,18	8,94	5,80	0,0001
Эмпатия	12,75	8,88	5,05	0,0001
Управление эмоциями других людей	12,36	8,24	5,20	0,0001
Уровень эмоционального интеллекта по Н. Холлу	65,68	46,71	5,64	0,0001

Примечание: в таблице указаны результаты при $p < 0,05$.

значимые социальные связи, что в итоге может привести к социальной дезадаптации или полной изоляции от других людей [7].

Результаты Таблицы 3 показывают, что при естественном уровне увлечения подростки имеют большее значение по показателям эмоционального интеллекта, чем

подростки, зависимые от компьютерных игр. Зависимые от компьютерных игр подростки по сравнению с теми, кто лишь увлекается играми, обладают эмоциональной нестабильностью, что может приводить к потере взаимодействия с окружающими людьми, т.к. не понимают и не контролируют свои эмоциональные реакции, а также не могут проявлять понимание и сочувствие к окружаю-

щим людям.

Подводя итог проведенного исследования, необходимо отметить, что эмоциональный интеллект подростков и отдельные его показатели различаются в зависимости от степени увлеченности компьютерными играми. Выдвинутая в исследовании гипотеза о том, что подростки, увлекающиеся компьютерными играми, обладают специфическими особенностями эмоционального интеллекта нашла свое подтверждение.

Выявленные различия в зависимости от степени увлечения обнаруживают себя в таких показателях эмоционального интеллекта как понимание своих переживаний и эмоций окружающих людей, а также способность к контролю и регуляции текущего эмоционального состояния.

Были выявлены следующие специфические особенности эмоционального интеллекта подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми:

- подростки, которые увлекаются компьютерными играми, имеют низкую способность понимать свои эмоции в конкретной ситуации, с трудом определяют эмоциональное состояние собеседника и редко замечают изменения в поведении других, реже задумываются о том, какие эмоции могут вызвать у окружающих людей высказанные слова или действия;
- чем больше подростки увлекаются компьютерными играми, тем ниже у них способность управлять интенсивностью испытываемых эмоций, выходить из отрицательных эмоциональных состояний и

приглушать аффективные состояния, а также они обладают недостаточной способностью контролировать эмоции других людей. Зависимые от компьютерных игр подростки в меньшей степени могут осознавать свое эмоциональное состояние, недостаточно умеют контролировать интенсивность текущих эмоций, а также обладают более низкой способностью влиять на переживания других людей, т.к. не могут проявлять понимание и сочувствие к окружающим людям. Все это может отрицательно сказаться на способности подростков поддерживать и устанавливать значимые социальные связи.

- появление неконтролируемых эмоциональных всплесков со стороны подростка во время игрового процесса и неумение вовремя подавить эти всплески могут указывать на то, что продолжительная увлеченность компьютерными играми оказывает на подростка отрицательное воздействие.

Таким образом, исследование эмоционального интеллекта подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми позволит использовать полученные данные в целях профилактики патологической зависимости от компьютерных игр подростков и создания предпосылок к минимизации дезадаптивных форм поведения подрастающего поколения посредством проведения просветительских мероприятий и лекций с родителями подростков и педагогами, работающими с данной возрастной категорией, а также проведения тематических бесед, тренингов и классных часов с подростками, увлекающимися компьютерными играми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. / И.Н. Андреева. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 288 с.
2. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. / Д. Гоулман, Г. Бояцис, Э. Макки. — М.: Альпина Паблишер, 2018. — 301 с.
3. Гребенникова, Н.В. Характерологические особенности старших подростков, склонных к компьютерно-игровой зависимости / Н.В. Гребенникова // Научные труды московского гуманитарного университета. — Москва. — 2017. — № 3. — С. 56–97.
4. Гришина, А.В. Тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми / А.В. Гришина // Вестник Московского университета. — Москва. — 2014. — № 4. — С. 131–141.
5. Демильханова, А.М. Влияние виртуальной реальности на образ Я (на примере ролевых компьютерных игр): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / А.М. Демильханова. — Бишкек, 2009. — 137 с.
6. Иванов, М.С. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека / М.С. Иванов // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К.В. Сельчонок. — Минск: Харвест, 2005. — С. 205–222.
7. Ильин, Е. И. Эмоции и чувства / Е. И. Ильин // Методика Н. Холла оценки «эмоционального интеллекта» (опросник EQ). — СПб.: Питер, 2001. — С. 633–634.
8. Лужкова, М.М. Игровая зависимость несовершеннолетних как причина социальной дезадаптации / М.М. Лужкова // Вестник науки и образования. — Иваново. — 2019. — № 19 (73). — С. 105–109.
9. Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМин / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. — Москва. — 2006. — № 4. — С. 3–18.
10. Люсин, Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д.В. Люсин // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. — М.: Институт психологии РАН, 2004. — 176 с.
11. Манойлова, М.А. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов. / М.А. Манойлова. — Псков: ПГПИ, 2004. — 60 с.

12. Никитина, Л.Н. Последствия чрезмерного увлечения компьютерными играми у несовершеннолетних / Л.Н. Никитина // АНИ: педагогика и психология. – Тольятти. – 2016. – Т. 5. – № 2 (15). – С. 249–253.
13. Полякова, О.О. Особенности компьютерной игровой активности подростков / О.О. Полякова // Поволжский педагогический вестник. – Самара. – 2018. – Т. 6. – № 1 (18). – С. 55–59.
14. Психология зависимости: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. – Минск: Харвест, 2005. – 592 с.
15. Русякова, Е.Е. Исследование уровня эмпатии у подростков, увлечённых компьютерными технологиями. Цифровая эмпатия / Е.Е. Русякова, Э.А. Тимофеева, Ю.В. Шестакова, Д.А. Чепайкин // Мир науки. Педагогика и психология. – Москва. – 2020. – Т. 8. – № 6. – С. 131–141. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN620.pdf> (доступ свободный).
16. Сергиенко, Е.А. Русскоязычная адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» / Е.А. Сергиенко. – М.: Смысл, 2017. – 140 с.
17. Собкин, В.С. Подросток: виртуальная и социальная реальность / В.С. Собкин, Ю.М. Евстигнеева // Труды по социологии образования. – Т. 6. – Вып. 10. – М.: Центр Социологии Образования РАО, 2001. – 156 с.
18. Тазетдинова, Ю.М. Теоретические предпосылки исследования особенностей агрессивного поведения у подростков-мальчиков с разным уровнем игровой компьютерной зависимости / Ю.М. Тазетдинова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – Санкт-Петербург. – 2018. – № 3 (19). – С. 43–48.
19. Юрьева, Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. / Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот.– Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.

© Петроченко Ирина Алексеевна (Irina-Petrochenko22@yandex.ru), Щелин Игорь Владимирович (shchelin@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный Исследовательский Томский Государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

Уланова Анастасия Олеговна

Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
nastaulanova2000god@gmail.com

Хаидов Сергей Курбанович

к.псих.н., доцент, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
haidov@bk.ru

THE DEVELOPMENTAL CHARACTERISTICS OF OLDER ADOLESCENTS' LEVEL OF ASPIRATION WITH VISUAL IMPAIRMENT

**A. Ulanova
S. Khaidov**

Summary: The article is devoted to the study of the developmental characteristics of older adolescents' level of aspiration with visual impairments. There are diagnostic methods that allow to study the level of aspiration and such processes interrelated with it as self-esteem, motivational components and locus of control is resulted in this article. The article presents the results of the theoretical and empirical study of the level of aspiration of adolescents aged 14-15 with visual impairment. There are peculiarities of development of specific indicators revealed and their development trends determined.

Keywords: level of aspiration, older adolescence, visual impairment, need-motivational sphere, personality.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению особенностей развития уровня притязаний старших подростков с нарушением зрения. Приведены диагностические методики, позволяющие изучить уровень притязаний и взаимосвязанные с ним процессы, такие как самооценка, мотивационные компоненты и локус контроля. Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования уровня притязаний подростков 14-15 лет с нарушением зрения. Выявлены особенности развития отдельных показателей и определены тенденции их развития.

Ключевые слова: уровень притязаний, старший подростковый возраст, нарушение зрения, мотивационно-потребностная сфера, личность.

Введение

Проблема исследования уровня притязаний старших подростков с нарушением зрения на современном этапе остаётся достаточно острой и представляет особый интерес, поскольку возрастает количество детей с различными зрительными дефектами, оказывающими неблагоприятное воздействие на потребностно-мотивационную сферу, а именно на развитие уровня притязаний.

Исследования структуры и динамики формирования уровня притязаний важны для понимания личности. Уровень притязаний представляет собой личностный конструкт, имеющий значение уровня трудности цели, которую выбирает субъект в своей деятельности, и обусловленный взаимосвязью мотивационно-поведенческой и эмоционально-оценочной сфер [1].

Подростковый возраст – это особый этап развития личности, когда активно формируется способность строить жизненные планы, усиливается стремление к самоанализу и самосознанию. Интерес к собственной личности, к выявлению своих возможностей порождает у подростков потребность соответствовать не только требованиям окружающих, но и отвечать своим собственным запросам и притязаниям [9].

Неадекватность уровня притязаний приводит к расстройствам целеполагания, трудности реализации процесса достижения цели, снижению продуктивности деятельности и неадекватному оцениванию своих возможностей. Нарушение развития уровня притязаний старших подростков со зрительной патологией в дальнейшем будет затруднять их социальную адаптацию и реабилитацию.

Несмотря на увеличение в последнее время исследований, направленных на выявление личностных характеристик и особенностей самооценки подростков с нарушением зрения, проблема развития уровня притязаний детей данной категории изучена недостаточно. В связи с этим возрастает актуальность и необходимость исследования данной проблемы.

Литературный обзор

Особенности развития мотивационно-потребностной сферы подростков с нарушением зрения стали предметом научного исследования в работах таких отечественных и зарубежных авторов, как А.И. Суславичюс, Е.М. Украинская, А.Г. Литвак, Р.А. Курбанов, А.М. Виленская, О.В. Гордеева, Л. Пожар, Л.И. Солнцева, И.Г. Корнилова, Д. Джервис, Д. Татл и Н. Татл, И.Н. Никулина, А.А. Голикова [2, 3,5-7,10] и др.

Общая идея, которая звучит в исследованиях боль-

шинства авторов, определяет сенсорную недостаточность как важнейший фактор изменений развития личности, проявляющийся в усложнении взаимодействия детей с окружающей средой, изменении их социальной позиции и затруднении социальной активности. В свою очередь это приводит к развитию нереалистичной самооценки и установлению неадекватных притязаний [7,8,10].

Многими авторами высказывалась мысль о том, дети данной категории, как правило, склонны недооценивать свои способности или наоборот завышать имеющиеся возможности [4]. Это говорит о том, что уровень притязаний старших подростков с нарушением зрения чаще неадекватно занижен или завышен. Неадекватность уровня притязаний проявляется в следующих аспектах: 1) цели, выбираемые подростками, превосходят их реальные ресурсы, при этом они чаще сталкиваются с неудачами; 2) подросток ставит перед собой слишком лёгкие и достижимые цели, что мешает полноценной реализации своего потенциала и становлению личности.

В связи с этим подростков с нарушением зрения можно отнести к двум группам: хорошо адаптированные в обществе, чаще с завышенной самооценкой и уровнем притязаний; лица малоадаптированные или неадаптированные, имеющие заниженный уровень притязаний [11]. Неадекватность уровня притязаний и связанной с ним самооценки может свидетельствовать о неблагоприятном личностном развитии.

Методы исследования

Учитывая цели и задачи исследования, были выбраны следующие диагностические методики, которые позволяют изучить особенности развития уровня притязаний старших подростков с нарушением зрения:

1. Методика «Шкала Дембо-Рубинштейн» (Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн, модификация А.М. Прихожан)
2. Методика «Моторная проба Шварцландера» (Й. Шварцландер)
3. Опросник «Оценка уровня притязаний» (В.К. Гербачевский)
4. Методика «Диагностика уровня субъективного контроля» (Дж. Роттер, адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда).

Выбор этих методик обусловлен тем, что они позволяют учитывать зрительный дефект и индивидуальные особенности исследуемых. Данные методики предоставляют возможность исследовать уровень притязаний с различных сторон и взаимосвязи с другими составляющими личностной сферы.

Так методика «Шкала Дембо-Рубинштейн» позволяет изучить уровень притязаний через его взаимосвязь

с самооценкой и анализ личностных качеств; методика «Моторная проба Шварцландера» диагностирует уровень притязаний с точки зрения его динамики, прослеживается влияние достижения и переживания успеха или неудачи в деятельности. Опросник «Оценка уровня притязаний» рассматривает уровень притязаний в контексте его связи с компонентами мотивационной структуры. Методика «Диагностика уровня субъективного контроля» позволяет исследовать характер контроля над разнообразными жизненными ситуациями, который в свою очередь определяет реалистичность притязаний личности.

В исследовании при качественном и количественном анализе использовалась статистическая программа SPSS 21. Применялся корреляционный анализ Спирмена, непараметрический критерий Мани-Уитни, описательная статистика.

Ход исследования и его результаты

Исследование проводилось на базе МБОУ «ЦО №29», г. Тула. В исследовании приняли участие 13 учащихся в возрасте 14-15 лет, из них 8 мальчиков и 5 девочек. Небольшая выборка исследуемых обусловлена тем, что дети данной категории обучаются в условиях интегрированного образования.

Анализ результатов исследования с помощью методов математической статистики и корреляционного анализа Спирмена показал наличие следующих связей.

Была выявлена значимая положительная связь между самооценкой и уровнем притязаний ($Cr=0,906$; $p=0,005$). Это свидетельствует о том, что высокая оценка своих способностей и личностных качеств позволяет подросткам ставить цели более высокого уровня сложности. Также отмечается прямая связь между уровнем притязаний и мотивом самоуважения ($Cr=0,836$; $p=0,019$) – иначе говоря, возрастание уровня притязаний влияет на повышение мотива самоуважения, который в экспериментальных условиях отражает притязания испытуемых и подразумевает осознание ими возможности совершать лично – ценные действия.

Между показателями реалистичности и динамики уровня притязаний отмечается прямая связь ($Cr=0,867$; $p=0,012$). Следовательно, установление реалистичного уровня притязаний позволяет подросткам адекватно выбирать цели в соответствии с достигнутыми результатами, то есть изменять и направлять процесс целеполагания.

Были выявлены обратные связи показателя значимости достигнутых результатов с такими показателями, как самооценка ($Cr= -0,829$; $p=0,021$), уровень притязаний

($Cr = -0,805$; $p = 0,029$) и мотив самоуважения ($Cr = -0,821$; $p = 0,023$). Это говорит о том, что повышение личностной значимости результатов, получаемых в определенной деятельности, приводит к снижению самооценки исследуемых, к неадекватной постановке целей и нереалистичной оценке своей значимости.

Отрицательная связь между волевым усилием и инициативностью ($Cr = -0,891$; $p = 0,007$) указывает на наличие следующей закономерности: волевое усилие требует от детей высоких энергетических затрат, в связи с этим снижается их инициативность и активность.

Методы математической обработки по непараметрическому критерию Манна-Уитни не выявили статистически значимых различий между мальчиками и девочками, но тем не менее существуют количественные различия (Таблица 1).

Как видно из Таблицы 1, в общей выборке исследуемых самооценка имеет средний уровень с тенденцией к адекватно высоким значениям. Самооценка мальчиков имеет средний уровень, у девочек же отмечается высокий уровень и большая тенденция к развитию. Однако стоит отметить, что полученные средние значения самооценки по обоим выборкам обусловлены крайними проявлениями низких и высоких значений у всех исследуемых, что подтверждается и стандартным отклонением.

Анализ результатов показал, что уровень притязаний в общей выборке имеет высокие значения. При этом как у мальчиков, так и у девочек наблюдается тенденция к нереалистичным, очень высоким показателям.

Со стороны динамики уровня притязаний отмечается умеренность проявлений, свидетельствующая об отсутствии у испытуемых готовности перейти к целям более

высокого уровня сложности и стремления достичь лучших результатов. В то же время динамика уровня притязаний более адекватна у мальчиков, поскольку их количественные значения находятся на границе с нормой и имеют тенденцию к реалистично высоким значениям.

В общей выборке компоненты мотивационной структуры имеют стабильно средний уровень, при этом мотив самоуважения характеризуется тенденцией к высоким значениям. Это может свидетельствовать о том, что подростки стремятся повысить свою значимость и ценность, при этом не изменяя своих действий. У девочек отмечается неравномерность проявлений компонентов мотивационной структуры. Состязательный мотив у них приближен к высокому уровню, в то время как волевое усилие проявляется на низком уровне, а инициативность – на границах среднего.

Локус контроля у девочек и мальчиков имеет значения экстернальности. Это ещё раз подтверждает тот факт, что для подростков на первый план выходит не столько значимость достижения цели, сколько факт одобрения или осуждения сделанного.

Выводы

Таким образом, мы видим, что большинство исследуемых показателей в общей выборке имеют средние значения и характеризуются тенденцией к увеличению. При этом показатель реалистичности уровня притязаний отмечается на высоком уровне у всех испытуемых независимо от пола. У мальчиков наблюдаются большие тенденции к положительной динамике уровня притязаний и развитию мотивационных компонентов в отличие от девочек. В связи с этим можно говорить о том, что нарушения зрения в большей степени оказывают воздействие на личностное развитие лиц женского пола.

Таблица 1

Показатели	Общая выборка		Мальчики		Девочки	
	Среднее	Стд. отклонение	Среднее	Стд. отклонение	Среднее	Стд. отклонение
Самооценка	57,4286	34,43766	55,2000	32,75210	63,0000	52,32590
Уровень притязаний Дембо-Рубинштейн	85,5714	19,76408	85,0000	22,36068	87,0000	18,38478
Уровень притязаний	2,5143	3,28757	2,1800	1,86333	3,3500	7,00036
Мотив самоуважения	16,7143	4,42396	15,8000	5,01996	19,0000	1,41421
Значимость достигнутых результатов	11,1429	3,67099	11,2000	4,43847	11,0000	1,41421
Состязательный мотив	14,8571	2,79455	13,4000	1,51658	18,5000	,70711
Волевое усилие	12,8571	4,33699	14,2000	2,28035	9,5000	7,77817
Инициативность	12,7143	3,14718	13,2000	1,92354	11,5000	6,36396
Локус-контроль	4,5000	1,00000	4,4000	1,08397	4,7500	1,06066

Представленные результаты позволяют сделать вывод о том, что зрительная патология в совокупности с сенситивным подростковым периодом влияет на неравномерное развитие мотивационно-потребностной сферы. Притязания подростков с нарушением зрения не соотносятся с их имеющимися возможностями, прило-

женными усилиями и совершаемыми действиями. Отмечаемые тенденции к увеличению и развитию позволяют определить потенциальные направления реабилитации и коррекционного воздействия, которые заключаются в становлении реалистичного уровня притязаний, адекватной самооценки и развитию навыков целеполагания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздина Л.В. Уровень притязаний: классические и современные исследования. М.: Акрополь, 2011. 322 с.
2. Виленская, А.М. Некоторые особенности личности старших классов школ для слепых детей // X научная сессия по дефектологии. М., 1990. С. 12–13.
3. Голикова А.А., Кучинский В.Ф. Самоотношение подростков с различной степенью выраженности нарушений зрения // Современные проблемы науки и образования. 2015. №4. С. 44
4. Зябкина И.В., Рябуха К.С. Особенности самооценки и уровня притязаний у слабовидящих подростков // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2017. № 4 (10). С. 70-74.
5. Курбанов, Р.А. Особенности общения слепых детей в условиях совместной деятельности // Современные исследования по проблемам учебной и трудовой деятельности аномальных детей: тезисы доклада. X научная сессия по дефектологии. М., 1990. С. 38.
6. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. пособие / А.Г. Литвак ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. - СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. - 271 с.
7. Пожар Л. Психология аномальных детей и подростков – патофизиология. М.: Воронеж. 1996. 128 с.
8. Прилепская Т.Н. Особенности самооценки и уровня притязаний у глухих и слышащих школьников // Дефектология 1989, № 5. - С. 26 – 38
9. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2012. 816 с.
10. Солнцева, Л.И. Тифлопсихология детства. М.: Полиграф сервис, 2000. 250 с.
11. Шалагина Т.С. Реабилитация слепых от рождения // Проблемы социальной реабилитации слепых. - М.: ВОС, 1990. - С. 22-23

© Уланова Анастасия Олеговна (nastaulanova2000god@gmail.com), Хаидов Сергей Курбанович (haidov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО И ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ, В УСЛОВИЯХ ЗАДАННОЙ СИТУАЦИИ

Феоктистова Юлия Сергеевна

аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена; психолог, ЦВЛ «Детская психиатрия» им.С.С. Мнухина, г. Санкт-Петербург
yulla13@mail.ru

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF INDEPENDENT AND RESPONSIBLE BEHAVIOR BY PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES, IN A GIVEN SITUATION

Yu. Feoktistova

Summary: The article presents the results of an experimental study of the manifestations of social responsibility and socially responsible behavior of children with intellectual disabilities. The author compares the manifestations of socially responsible behavior of younger schoolchildren with intellectual disabilities and their normally developing peers.

Keywords: social responsibility, socially responsible behavior, independence, primary school students, intellectual disability, mental retardation.

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментального изучения проявления социальной ответственности и социально ответственного поведения детей с интеллектуальной недостаточностью. Проводится сравнение проявлений социально ответственного поведения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью и их нормально развивающихся сверстников.

Ключевые слова: социальная ответственность, социально ответственное поведение, самостоятельность, младшие школьники, интеллектуальная недостаточность, умственная отсталость.

Вопрос подготовки подрастающего поколения к самостоятельной жизни, к возможностям обретения детьми и подростками социально ответственной позиции по отношению к себе и окружающим, к окружающей среде всегда был и остается важным в нашей общественной жизни. В связи с событиями, происходящими в стране и мире, эта проблема становится особенно актуальной, значимость воспитания в детях социальной ответственности, социально ответственного поведения сегодня как никогда осознается не только педагогами, но обществом в целом.

Под социальной ответственностью мы понимаем осознанное понимание личностью целей и задач, стоящими перед обществом, следование общепринятым нормам и правилам, соблюдение при этом, интересов и ценностей своей группы, общества в целом, самостоятельный выбор путей их реализации, умение предвидеть последствия своих поступков и нести за них ответственность перед обществом и самим собой, все это обеспечивает порядок и спокойствие в современном обществе.

Социальная ответственность обнаруживает себя в социально ответственном поведении человека. В основе психологической природы социально ответственного поведения лежит сложный механизм взаимодействия

нескольких факторов, которые включают единство индивидуального физического, социального и психического развития личности.

Чувство ответственности - это характеристика зрелой личности. Но закладывается оно в детские годы в повседневной жизни, в отношениях со значимыми взрослыми и сверстниками, в которых ребенок получает первый и важный опыт социально ответственного поведения. Феномен социальной ответственности может рассматриваться как составляющая сознания, формирующаяся в ходе личностного развития ребенка в результате присвоения и усвоения детьми образцов поведения, социальных норм и ценностей, представлений о добре и зле, позволяющих ему успешно функционировать в обществе. Это дает основание говорить о сложной структуре такого феномена психики как социальная ответственность, в основе которой лежит мотивационный компонент, позволяющий выявить стремление к проявлению самостоятельности и личной добровольной активности ребенка при выполнении какой-либо деятельности.

Становление мотивационного компонента определяется отечественными психологами Л.А. Венгером, Л.И. Дементий, Л.И. Божович, как «качество личности, приобретаемое в процессе социализации, которое вы-

ражается в осознании и эмоциональном переживании необходимости выполнения дела, имеющего значение не только для себя лично, но и для других людей, готовности дать отчет за свои действия, за невыполнение деятельности, в том числе и общественно значимой» [2,3,1]. Исходя из этого, можно говорить о том, что мотивационный компонент социальной ответственности поддерживается эмоциональным переживанием и обуславливает соответствующее поведение и деятельность ребенка, которые проявляются в принятии на себя задания и его самостоятельном выполнении.

Таким образом, можно утверждать, что самостоятельность и ответственность – это взаимозависимые категории. По мнению К. Муздыбаева «только тогда, когда решение принято лично самим субъектом действий, на него ложится вся ответственность» [5]. Известно, что выполняя какую-либо деятельность самостоятельно, человек сам принимает решения, проявляет инициативу, находит способы для достижения целей деятельности, воплощает решения в действительность, отвечает за результаты своей деятельности.

Экспериментальные исследования К.А. Климовой, Т.В. Морозкиной, Т.Н. Сидоровой, Л.С. Славинной свидетельствуют о том, что формирование ответственного отношения к порученным обязанностям и их исполнение берет свое начало еще в дошкольном возрасте [8, 10, 11]. По их мнению, уже к пяти годам через длительную тренировку воли и характера ребенка, при осуществлении совместной деятельности с другими детьми и взрослыми, он усваивает правила коллективной жизни, несмотря на то, что эти правила пока недостаточно им осознаны.

Наиболее важным возрастным периодом для формирования осознанного социально ответственного поведения выделяется младший школьный возраст. Главным психологическим новообразованием младших школьников выступает произвольность психических процессов, формируются регуляторные и волевые механизмы, называемые процессом саморегуляции. В качестве основного механизма формирования социальной ответственности в младшем школьном возрасте выступает сформировавшаяся внутренняя позиция, способность быть объективным – особое ценностное отношение ребенка к себе, окружающим, различным аспектам социальной действительности [7].

Все младшие школьники проходят кризис 7-ми лет, когда в ребенке одновременно сочетаются черты дошкольного детства с особенностями школьника. Переоценка ценностей ведет к перемене самосознания ребенка. Те моменты, которые в жизни дошкольников играли большую роль, сейчас отходят на второй план. Предыдущие мотивы уже не имеют побудительной силы, на смену им приходят новые. В семь лет ребенок уже приобретает

способность критически относиться к своему поведению и может понять и принять точку зрения других.

Все вышеперечисленные изменения связаны с началом систематического обучения ребенка в школе, которое меняет не только социальную ситуацию развития ребенка, но и его социальный статус. Освоение структуры нового вида деятельности, переход к иной социальной позиции обуславливает необходимость формирования у младшего школьника ответственности за свои действия как способности осуществлять самостоятельный выбор и контроль за его реализацией в конкретных социальных ситуациях [12].

В этот возрастной период такая составляющая личностного развития как социальная ответственность приобретает особую актуальность в условиях современной ситуации в системе образования, ориентированной на реализацию технологии безотметочного обучения, когда младшие школьники призваны самостоятельно контролировать успешность своей учебной деятельности. Успешность в учебной деятельности в этом случае попадает под прямую зависимость от способности ребенка вести себя ответственно, от того, как он себе эту ответственность представляет.

Известно, что самые первые навыки социального опыта ребенок приобретает в своей семье, где происходит выработка и принятие системы ценностей, общественных норм и правил. Будучи членом семьи, вступая в определённые отношения с родителями, ребенок приобретает первый опыт социальной ответственности: связанный с личными вещами и игрушками, сохранением достойного внешнего вида, понимает важность бережного отношения к природе и вещам, принадлежащим другим, имеет начальные представления о собственной ответственности за здоровье.

С имеющимися представлениями о социальной ответственности ребенок приходит в первый класс, где перед младшим школьником выдвигается целый ряд новых требований: ходить в школу, выполнять требования учителя, следовать школьному режиму, подчиняться правилам поведения, выстраивать отношения с одноклассниками.

В условиях современного мира неуклонно и стремительно растут требования государства и общества к проявлению личной социальной ответственности у людей. Возросла роль отдельного человека в общественной жизни, расширились его свобода и в то же время зависимость от внешней социальной среды. Социальная ответственность все больше становится залогом успешности функционирования личности.

Это требование общества не может не коснуться и

коррекционных школьных образовательных организаций, одной из основных задач которых является социальная адаптация и подготовка к самостоятельной жизни ее выпускников. Успешность подготовки школьников с интеллектуальными нарушениями к самостоятельной жизни в обществе зависит не только от приобретения ими определенных знаний по общеобразовательным предметам и профессионально-трудовой деятельности, но и от уровня сформированности навыков социальной ответственности.

Любой человек как социальное существо, выступает субъектом взаимодействия с другими людьми, и всегда несет личную ответственность за результат этого взаимодействия. В связи с этим возникает необходимость изучения проблемы социальной ответственности в отношении тех подрастающих членов нашего общества, чье развитие проходит в условиях интеллектуальной депривации, что создает определенные трудности в ходе формирования у них ответственности за свои действия, слова, поступки.

Для оценки способности детей к проявлению самостоятельного и ответственного выполнения задания по просьбе была использована методика

«Задание с пятницы на понедельник», разработанная М.В. Матюхиной, С.Г. Яриковой [12].

Эксперимент проводился в течение 2014-2016 года на базе образовательных учреждений города Санкт-Петербурга: ГБОУ школа №34 и ГБОУ школа-интернат №18 Невского р-на (Специальные (коррекционные) школы), ГБОУ школа №20 Невского р-на, ГБОУ школа № 236 Фрунзенского р-на (общеобразовательные школы), В исследовании приняли участие 120 школьников 8-10 лет: из них 40 младших школьников с легкой умственной

отсталостью (УО), 40 младших школьников с задержкой психического развития (ЗПР), а также 40 сверстников с нормальным интеллектуальным развитием (Н).

В пятницу детям было предложено выполнить задание к понедельнику: принести к занятию журналы или газеты для проведения совместной игры, при этом не акцентировалось внимание испытуемых на записи этого задания в дневнике. Важно заметить, что все дети проявили активный интерес, настойчиво спрашивали: «Зачем нужно принести журналы, газеты», «Подойдут ли такие, какие есть дома» (описывали их), «Сколько их нужно принести», получали объяснение и с радостью говорили о том, что обязательно принесут.

В результате количественного анализа результатов выполнения задания, испытуемые разделились на три группы:

1. те, кто выполнил задание в срок;
2. те, кто выполнил задание на следующий день;
3. те, кто не выполнил задание.

Полученные количественные данные отражены в гистограммах на Рисунке 1 и 2.

Анализ данных показывает, что в срок выполнили задание представители всех групп детей, участвующих в эксперименте (рис.1). Среди умственно отсталых детей таких оказалось 25%, среди учащихся младшего школьного возраста дети с задержкой психического развития - 20%, среди нормально развивающихся детей – также 20%.

Как видно из графика на рисунке 2, наибольший процент выполнивших в срок задание составили второклассники контрольных групп (КГ1 (ЗПР) – 30% и КГ2 (Н) – 25%), среди детей экспериментальной группы (УО) таких оказалось только 15%. К третьему классу проявление са-

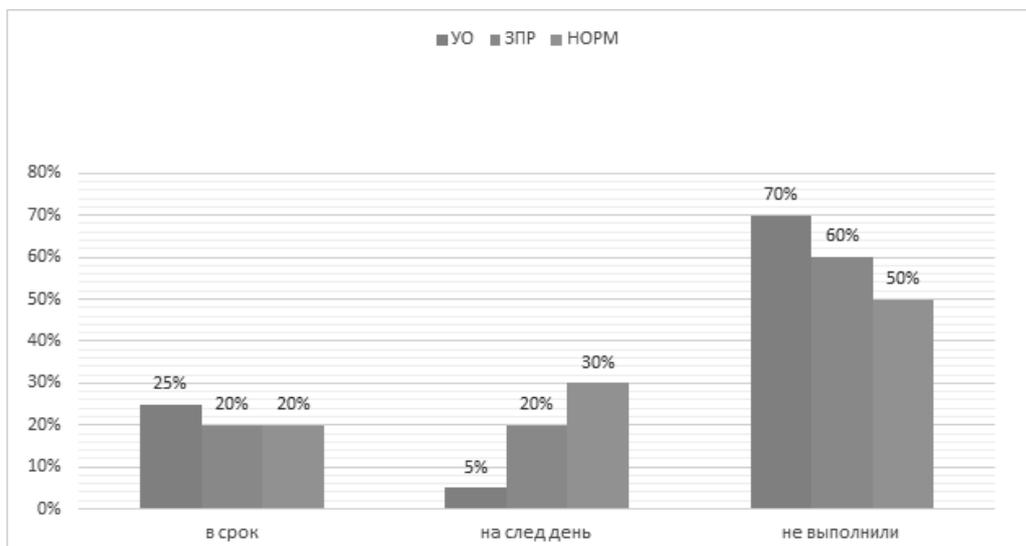

Рис. 1. Показатели проявления ответственности по методике «Задание с пятницы на понедельник».

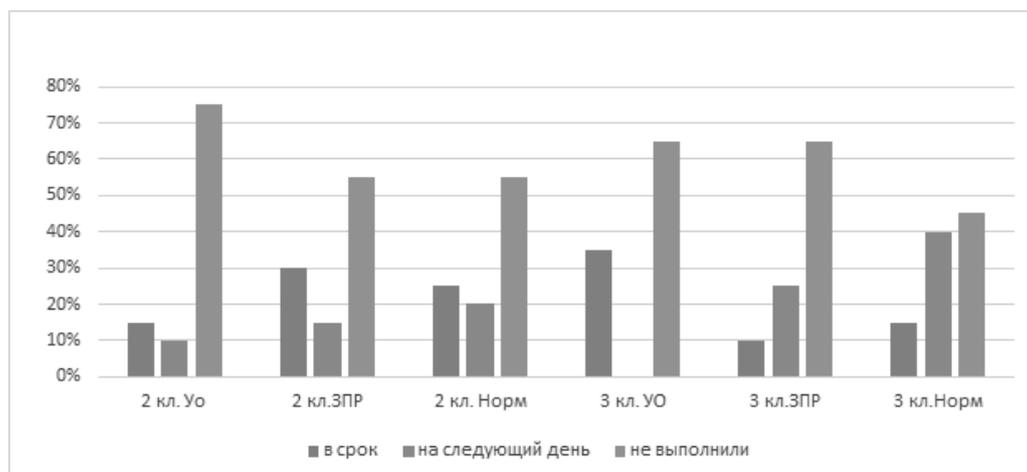

Рис. 2. Проявления ответственности по методике «Задания с пятницы на понедельник» в зависимости от класса обучения степени выраженности дефекта

мостоятельного ответственного выполнения задания заметно повышается у умственно отсталых учащихся – до 35%, тогда как у детей с задержкой психического развития - падает до 10%, а у нормально развивающихся детей – до 15%. Можно говорить о том, что дети, выполнившие задание в срок, понимают значимость и важность выполнения просьб или заданий, эмоционально переживают и выполняют школьные обязанности, серьёзно относятся к требованиям взрослого. Причем проявление ответственного и самостоятельного выполнения задания повышается к третьему классу лишь у умственно отсталых школьников.

Среди учащихся, которые не принесли и не выполнили задание в срок, отмечались различной степени выраженности проявления эмоциональных переживаний. При этом у умственно отсталых школьников переживания не имели внешнего эмоционального выражения и заметной эмоциональной окраски. Свое невыполнение задания они объясняли следующим образом: «я забыл», «не знаю почему, не сделал», «мне не напомнили: Вы/мама». У детей с задержкой психического развития переживания были более насыщены и выражены эмоционально, чаще носили оправдательный характер: «я приготовил, но забыл, принесу в следующий раз», «а можно я принесу завтра?», «я не записал в дневник, поэтому забыл». У нормально развивающихся младших школьников можно было наблюдать ярко выраженные эмоциональные переживания, в которых отражались эмоции страха и вины, они также искали способы выхода из сложившейся ситуации – «что теперь делать?», «я запишу в дневник, чтобы не забыть завтра», «я теперь не сделаю то, что надо». Дети молча садились, были грустными, заметно переживали, спрашивали у своих одноклассников, могут ли они поделиться принесенными журналами.

Тем не менее, выполнившие задание на следующий

день составили небольшой процент: всего 5% умственно отсталых второклассников, а из третьеклассников данной категории детей никто не выполнил задание на следующий день. Среди детей контрольных групп, процент выполнивших задание в третьем классе возрастает: 25% учащихся с задержкой психического развития и 40% нормально развивающихся младших школьников. Тогда как учащихся вторых классов, выполнивших задание на второй день, было несколько меньше (20% и 30% соответственно).

В число вовсе не выполнивших задание вошли нормально развивающиеся младшие школьники – 50%, дети с задержкой психического развития - 60%, умственно отсталые школьники - 70%.

Таким образом, анализ данных проведенного исследования позволяет сделать выводы о том, что:

- самостоятельное ответственное поведение младших школьников является недостаточно сформированным у них качеством. Дети могут переживать по поводу невыполнения задания взрослого, однако, несмотря на это, не всегда берут ответственность за результаты своей деятельности на себя, склонны оправдывать своё невыполнение рядом внешних причин;
- у умственно отсталых младших школьников мотивационный компонент при проявлении социально ответственного поведения в начальной школе находится на стадии формирования, имеет тенденцию к повышению проявления ответственного отношения к выполняемой деятельности. В целом, умственно отсталые школьники не стремятся к проявлению самостоятельности при выполнении какой-либо деятельности, их эмоциональные переживания при невыполнении задания не выражены, что связано с конкретностью их мышления и снижением критичности к

результатам своей деятельности. Им необходимо ориентироваться на мнение, поддержку и контроль со стороны родителей или педагога. Они нуждаются в объединении со взрослыми, что помогает им усвоить начальные формы социальной ответственности и постепенно наращивать у них потенциал самостоятельности и ответственности. При этом сами родители должны стать участниками команды психолого-педагогическо-

го сопровождения. Определяющую роль в такой команде играет психолог образовательного учреждения, раскрывающий и для самих родителей роль социальной ответственности в процессе социальной адаптации детей, содержание ее возрастных параметров, а также определяющий вместе с родителями средства, методы и приемы воспитания у детей ответственности и ответственного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. – 299с.
2. Абульханова-Славская, К.А. Проблема исследования индивидуального сознания [Текст] / К.А. Абульханова-Славская, М.И. Воловикова, В.А. Елисеев // Психологический журнал. – 1991, № 4. – С. 27–40.
3. Абульханова-Славская, К.А. Типология личности и гуманистический подход [Текст] / К.А. Абульханова-Славская // Гуманистические проблемы психологической теории. – М., 1995. – С. 27–48.
4. Богданова Т.Г. Влияние внутрисемейных отношений на развитие личности глухих младших школьников / Т.Г. Богданова, Н.В. Мазурова // Дефектология : научно-теоретический и методический журнал / ред. В.И. Лубовский. – 1998. – №3 1998. – С. 40–44.
5. Божович Л.И. Избранные психологические труды: Пробл. формирования личности / Л.И. Божович; Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Междунар. пед. акад., 1995. – 209 с.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Психологическое исследование [Текст] / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
7. Выготский Л.С. Педагогическая психология. - М., 2006., с.22
8. Климова, К.А. О формировании ответственности у детей 6-7 лет [Текст] / К.А. Климова // Формирование коллективных взаимоотношений у детей старшего дошкольного возраста. – М., 1968. – 353 с. 41
9. Матюхина М.В., Ярикова С.Г. К изучению ответственности как свойства целостной личности школьника // Теоретико-методологические основы учебно-воспитательного процесса в школе и вузе. Волгоград, 1984. – С.115-129.
10. Морозкина Т.В. Формирование внутренней ответственности (на материале дежурства школьников по классу): дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1984.
11. Сидорова Т.Н. Исследование особенностей когнитивного и поведенческого компонентов социальной ответственности // Психологические условия формирования социальной ответственности школьников. - М., 1987. С. 51-54
12. Сорокоумова Е.А., Молостова Н.Ю., Феропонтова М.В. Психолого педагогические аспекты становления ответственности младшего школьника поколения Z // Педагогика и психология образования. – 2017. - №1. – С. 146-153.

© Феоктистова Юлия Сергеевна (yulla13@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЕГО СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА, ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И МОТИВАЦИИ

HUMAN BEHAVIOR IN THE SOCIAL GROUP DEPENDING ON HIS SUBJECTIVE EXPERIENCE, PERSONAL CHARACTERISTICS AND MOTIVATION

*S. Chaplgin
S. Rovnov
E. Mazankina
P. Belyaev*

Summary: Staff recruitment and personnel management is a complex system. Professional risks assessment associated with the personal characteristics of employees is becoming more and more important. The article examines the psychological factors of undesirable behavior of employees in the social group, such as negativism, resentment, indirect and verbal aggression.

Keywords: occupational psychology, aggression, personality characteristics, motivation.

Исследование личностных характеристик человека как участника трудового процесса, анализ воздействия его субъективного опыта при взаимодействии с трудовым коллективом остаются актуальными на данный момент. Исследования в этой области дают возможность совершенствовать управление персоналом в организациях и оценивать управленческие риски при формировании рабочего коллектива.

Цель работы выявление взаимосвязи между моделью поведения человека в трудовом коллективе и его личностных характеристик и мотивации. Для достижения поставленной цели был выполнен ряд задач: раскрыты теоретические аспекты личности, ее мотивационных компонентов в трудовой деятельности и исследовано влияние личностных факторов на поведение в трудовом коллективе.

К. Платонов в своем подходе к исследованию личности выделяет следующие подструктуры личности:

1. Подструктура биологических компонентов. В данную подструктуру включаются свойства темперамента, пол, возраст личности.

Чаплыгин Сергей Сергеевич

К.м.н., доцент, ФГБОУ ВО «Самарский Государственный Медицинский Университет» Минздрава России (г. Самара)

Ровнов Сергей Викторович

ФГБОУ ВО «Самарский Государственный Медицинский Университет» Минздрава России (г. Самара)

s.v.rovnov@samsmu.ru

Мазанкина Елена Владимировна

Ассистент, ФГБОУ ВО «Самарский Государственный Медицинский Университет» Минздрава России (г. Самара)

e.v.mazankina@samsmu.ru

Беляев Петр Александрович

ФГБОУ ВО «Самарский Государственный Медицинский Университет» Минздрава России (г. Самара)

p.a.belyaev@samsmu.ru

Аннотация: Подбор сотрудников и управление персоналом представляет собой сложную систему. Оценка профессиональных рисков, связанных с личностными характеристиками сотрудников, становится все более актуальной. В статье рассматриваются психологические факторы нежелательного поведения сотрудников в трудовом коллективе, таких, как негативизм, обидчивость, косвенная и вербальная агрессия.

Ключевые слова: психология труда, агрессия, личностные характеристики, мотивация.

2. Подструктура индивидуальных особенностей психических процессов. Подструктура включает в себя: ощущение, воображение, память, восприятие, внимание, мышление.
3. Подструктура опыта. К данной подструктуре относятся знания, навыки, умения и привычки индивида. Элементы подструктуры формируются и изменяются в течении всей жизни в основном благодаря процессам воспитания и обучения.
4. Подструктура направленности и отношений личности. В данную подструктуру включаются интересы, убеждения, потребности, идеалы, мировоззрение, установки, проявляющиеся в виде моральных установок. Данные характеристики формируются из задатков в процессе воспитания. Поэтому эту подструктуру также называют социально обусловленной. Личность рассматривается как динамическая система, которая изменяется со временем, в которой меняется состав входящих в нее элементов и связей между ними, при сохранении функции [1].

Мотивационный компонент является неотъемлемой

частью деятельности человека. Побуждения, которые вызывают активность организма и определяют направленность этой активности, составляют мотивацию. Некоторые психические факторы или психологические характеристики человека, могут побуждать к совершению определенных действий и определять цель. Например, для высокотревожных людей характерно наличие мотивации к избеганию неудач [3].

При анализе существующих результатов исследований было выявлено, что высокий уровень самооценки влияет на уровень мотивации. А высокий уровень невротизации связывают со снижением мотивации к деятельности [2].

Для исследования поведения человека в трудовом коллективе в зависимости от его личностных особенностей субъективного опыта было проведено исследование. В исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 25 до 48 лет. Все тестируемые на момент исследования являлись менеджерами среднего звена и имели стаж трудовой работы не менее 2 лет.

В исследование были включены следующие методики: Экспресс-диагностика уровня самооценки, Шкала тревоги Спилбергера, Опросник уровня агрессивности Басса – Дарки, Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics (критерий ранговой корреляции Спирмана).

Результаты получены в рамках реализации программы деятельности Лидирующего исследовательского центра, реализующего дорожную карту по «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности» при финансовой поддержке Минкомсвязи России и АО «РВК» (Договор о предоставлении гранта №003/20 от 17.03.2020 г., идентификатор соглашения о предоставлении субсидии – 0000000007119P190002)

На первом этапе анализа данных были выделены переменные обуславливающие особенности поведения человека в трудовом коллективе. Как наиболее значимые нами были выделены следующие характеристики: негативизм, обидчивость, косвенная и вербальная агрессия. Были рассчитаны дескриптивные статистики по всем выделенным в исследовании переменным (таб. 1).

Негативизм обуславливает оппозиционную манеру поведения, которая может выражаться как в пассивном сопротивлении (невыполнении задач), так и в открытой активной борьбе против правил и норм в коллективе. Среднее значение по выборке исследования составляет 2,3 балла. Максимальное значение 5 баллов, что соответствует повышенному уровню значения показателя.

Косвенная агрессия является важным поведенческим фактором, влияющим на трудовой коллектив. Такой вид агрессии проявляется в виде опосредованно агрессивных действиях, направленных на физическое лицо или группу лиц, например, клевета, недоброжелательные слухи. Среднее значение по выборке исследования составляет 1,2 балла. Максимальное значение 4 баллов, что соответствует среднему уровню значения показателя.

Зависимость и ненависть к окружающим обуславливаются склонностью человека к обидчивости. Среднее значение по выборке исследования составляет 1,6 балла. Максимальное значение 4 балла, что соответствует среднему уровню значения показателя.

Доминирование вербальной агрессии в поведении сотрудника непосредственно влияет на трудовую деятельность и трудовой коллектив в целом. Вербальная агрессия способствует возникновению чувств обиды, подавленности, гнева как у адресата агрессии, так и у самого агрессора. Среднее значение по выборке исследования составляет 2,6 балла. Максимальное значение 5 баллов, что соответствует повышенному уровню значения показателя.

Таблица 1.

Дескриптивные статистики

Переменные Статистики	Негативизм	Косвенная агрессия	Обидчивость	Вербальная агрессия
Среднее	2,3735	1,2530	1,6747	2,6265
Медиана	2,0000	1,0000	2,0000	3,0000
Мода	2,00	0,00	2,00	3,00
Стд. отклонение	1,40743	1,22443	1,07994	1,19302
Размах	5,00	4,00	4,00	5,00
Минимум	0,00	0,00	0,00	0,00
Максимум	5,00	4,00	4,00	5,00

На втором этапе обработки данных исследования переменные были сопоставлены при помощи корреляционного анализа с переменными из тестовых опросников. Были выявлены следующие значимые корреляции (таб. 2):

- чем выше уровень негативизма, тем выше уровень самооценки, личностной тревожности и невротизации;
- чем выше показатель обидчивости, тем выше уровень самооценки, ситуативной и личностной тревожности и ниже уровень невротизации;
- чем выше уровень косвенной агрессии, тем выше уровень самооценки и ниже уровень невротизации;
- чем выше показатель вербальной агрессии, тем выше уровень самооценки и ниже уровень невротизации.

В результате исследования было выявлено, что закрепленные негативные паттерны поведения имеют взаимосвязь с личностными особенностями и субъективным опытом человека. В ходе анализа данных были выявлены характеристики, которые будут влиять на поведение человека в трудовом коллективе и формировании мотивации. Завышенный уровень самооценки является наиболее рискованным фактором при оценке поведения, так как неадекватная самооценка в сторону завышения

своих возможностей ведет к появлению нежелательных для нормального функционирования трудового коллектива форм поведения. Такими формами поведения могут быть: проявление негативизма, обидчивости, а также косвенная и вербальная агрессия.

Завышенная базовая личностная тревожность будет выражаться в поведении в виде обидчивости и негативизма, сопровождающихся сниженным уровнем мотивации к деятельности. При этом высокий уровень невротизации влияет на снижение проявлений негативных паттернов поведения в трудовом коллективе и способствует повышению мотивационной составляющей деятельности.

Таким образом, такие личностные характеристики как высокая тревожность и завышенная самооценка влияют на возникновение нежелательного поведения сотрудника, при этом высокий уровень невротизации не является фактором, обуславливающим снижение уровня мотивации к деятельности и появлению негативных паттернов поведения. Знание данных подробностей позволяет прогнозировать трудности, которые могут сложиться в процессе трудовой коммуникации и более тщательно подходить к профессиональному отбору и формированию карьерного маршрута сотрудников.

Таблица 2.

Корреляции переменных

	Негативизм	Обидчивость	Косвенная агрессия	Вербальная агрессия
Самооценка	,424**	,505**	,240*	,276*
Ситуативная тревожность	,021	,270*	,170	,025
Личностная тревожность	,227*	,674**	,222	,054
Уровень невротизации	-,267*	-,398**	-,295**	-,345**

* - корреляция значима при $p < 0,05$, ** - при $p < 0,01$

ЛИТЕРАТУРА

1. Джаппарова Н.Л. Личностные компоненты, определяющие поведение человека в организации // Скиф. 2019. №5-1 (33).
2. Корчагина Н. Г. Роль самооценки и мотивации в развитии конфликтной личности // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2008. №9.
3. Якуб, А.С. Связь тревожности с мотивацией достижения успеха и избегания неудач (женский аспект проблемы) / А.С. Якуб, Л.Л. Абелите, Д.А. Ширяев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2011. — № 9 (32). — С. 174-180.

© Чаплыгин Сергей Сергеевич, Ровнов Сергей Викторович (s.v.rovnov@samsmu.ru),
Мазанкина Елена Владимировна (e.v.mazankina@samsmu.ru), Беляев Петр Александрович (p.a.belyaev@samsmu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АЛЕКСИТИМИИ У МОЛОДЕЖИ

Штрикер Юлия Дмитриевна

Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
shtriker00@mail.ru

Савосин Сергей Владимирович

Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
alex9192949@gmail.com

Костригин Артем Андреевич

К.псих.н., старший преподаватель, Российский
государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
artdzen@gmail.com

THE RELATIONSHIP OF SOCIAL INTELLIGENCE, EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ALEXITHYMIA IN YOUTH

**Yu. Shtriker
S. Savosin
A. Kostrigin**

Summary: The article discusses the role of social and emotional intelligence in the development and formation of personality. It points to insufficient study of personality traits with pronounced alexithymia in the context of social and emotional intelligence. The aim is to study the relationship between social intelligence, emotional intelligence and alexithymia in young people. Research methods: "Social Intelligence Test" by J. Guilford, "Questionnaire on emotional intelligence" by D.V. Lyusin, "Toronto scale of alexithymia" by R.M. Bagby, G.J. Taylor, L.C. Quilty, J.D.A. Parker. It was revealed that young people with a high level of alexithymia have a low level of development of emotional intelligence and a low ability to understand of verbal reactions. It is concluded that alexithymia interferes with the development of the ability to recognize both one's own and other people's emotions, intentions, and motivation.

Keywords: social intelligence, emotional intelligence, alexithymia, youth, personality.

Аннотация: В статье обсуждается роль социального и эмоционального интеллекта в развитии и формировании личности. Указывается на недостаточное изучение особенностей личности с выраженной алекситимией в контексте социального и эмоционального интеллекта. Ставится цель исследования взаимосвязи социального интеллекта, эмоционального интеллекта и алекситимии у молодежи. Методы исследования: «Методика исследования социального интеллекта» Дж. Гилфорда, «Опросник на эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина, методика «Торонтская шкала алекситимии» Р. Бэгби, Г. Тэйлора, Л. Квилти, Дж. Паркера. Выявлено, что у молодежи с высоким уровнем алекситимии присутствует низкий уровень развития эмоционального интеллекта и низкая способность понимания вербальных реакций. Делается вывод о том, что алекситимия препятствует развитию способности распознавать как собственные, так и чужие эмоции, намерения, мотивацию.

Ключевые слова: социальный интеллект, эмоциональный интеллект, алекситимия, молодежь, личность.

Введение

В настоящее время общество с помощью информационных технологий, высокотехнологичных устройств и глобализации в значительной степени влияет на общий интеллект человека. Использование технологий трансформирует формы коммуникации людей. Такое качественное изменение человеческой жизни, может приводить к изменению сущностного способа бытия человека и его сознания. По причине постоянного потока информации, в значительной степени затрудняется их обработка и анализ, колоссальный объем информации может повлиять на формирование «интеллектуальной лени» у личности [6]. Нежелание мыслить и анализировать может затруднять развитие способностей, которые связаны с рефлексией, пониманием собственных чувств и эмоций окружающих. Именно такие способности индивида, которые определяют его личностные харак-

теристики, психическое благополучие и эффективное взаимодействие с окружающими, в психологии связываются с социальным и эмоциональным интеллектом.

Существует множество подходов в понимании общего интеллекта. Так, С.Л. Рубинштейн определяет интеллект как общую одаренность личности и «совокупность общих умственных способностей» [12]. В свою очередь, Б.Г. Ананьев представляет интеллект, как организацию, состоящую из многоуровневой системы познавательных сил, которая охватывает процессы, состояния и свойства личности [2].

Вопрос о том, действительно ли социальный и эмоциональный интеллект являются видами общего интеллекта, бурно обсуждается в современной науке. Д.В. Ушаков представляет социальный интеллект своеобразным видом общего интеллекта. На социальный интеллект и

на сферу общего интеллекта распространяются одинаковые закономерности [16]. В свою очередь, концепция эмоционального интеллекта выросла из представлений о социальном интеллекте. Д.В. Люсин определял эмоциональный интеллект как основу для интеллектуальных способностей, мышления и принятий решений [10]. Следовательно, социальный и эмоциональный интеллект, объединяясь с другими видами интеллекта, образуют способность к высшему виду познавательной деятельности.

Социальный интеллект как психологический феномен все больше привлекает внимание ученых. Большой вклад в изучение социального интеллекта вложили как зарубежные ученые (Дж. Гилфорд, Г. Олпорт, М. Салливан, Э. Торндайк, Р. Стернберг, и др.), так и отечественные (Д.В. Ушаков, Д.В. Люсин, В.Н. Куницына, Ю.Н. Емельянова, и др.).

Впервые данное понятие было введено и описано Э. Торндайком в 1920 г. Он определял социальный интеллект как способность «понимать окружающих людей и действовать мудро в отношении других», а также как «умение понимать людей и управлять ими» [22]. Дж. Гилфорд первым разработал методику для измерения социального интеллекта. По мнению американского психолога, социальный интеллект – это система интеллектуальных способностей, которые не относятся к общему интеллекту и связаны с познанием поведенческого акта [5]. Другой подход в понимании социального интеллекта разработал Г. Айзенк, который рассматривал социальный интеллект как одну из трех концепций понимания общего интеллекта. В первую очередь, Г. Айзенк подчеркивал роль социализации и воздействия социокультурных условий при формировании социального интеллекта [1].

Психолог Р. Стернбергер рассматривал социальный интеллект, как совокупность следующих способностей:

- аналитические способности – для анализа и оценки существующих вариантов, возможных событий;
- творческие способности – для порождения идей и способов решения проблем;
- практические способности – для реализации идей [21].

В отечественной психологии первое упоминание о социальном интеллекте принадлежит Ю.Н. Емельянову. Исследуя социальный интеллект в рамках практической психологической деятельности, он определял данный феномен как сферу возможностей субъект-субъектного познания индивида, основанную на специфике мыслительных процессов, аффективного реагирования и социального опыта способность понимать самого себя, а также других [8]. Другие отечественные психологи О.Б. Чеснокова и Е.В. Субботский говорят о том, что соци-

альный интеллект – это познавательная способность, которая обеспечивает «познание и ориентацию в реальных жизненных отношениях личности с социальной действительностью, формирующихся и проявляющихся в конкретных ситуациях» [17]. По мнению Н.В. Бачмановой и Н.А. Стафуриной, социальный интеллект является талантом к общению, и определяется способностью успешно решать проблемы, возникающие во время коммуникации. Они вывели главные составляющие «социальных» способностей: когнитивные, аффективные и волевые [3].

Таким образом, на основании обзора различных концепций можно выделены следующие функции социального интеллекта:

- моделирование программы взаимодействия с окружающими и их прогнозирование;
- планирование стратегий для решений коммуникативных задач;
- адаптация к меняющимся социальным условиям;
- развивает социальную компетентность;
- формирование качеств зрелой личности.

Идея эмоционального интеллекта сформировалась благодаря развитию концепции социального интеллекта. Исследованием эмоционального интеллекта активно занимались такие зарубежные ученые, как Д. Гоулман, Дж. Мейер, П. Сэловей, Р. Бар-Он и др. Среди отечественных психологов большое значение имеют исследования эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова, О.О. Марютиной, Г.М. Кучинской и др.

Первым, кто отделил эмоции от интеллекта, был немецкий психолог Дж. Мейер. В качестве одного из видов мышления, он выделял эмоциональное мышление, которое подразделяется на аффективное или чувственное (религиозное и эстетическое) и волевое мышление.

Толчком к эмпирическому изучению эмоционального интеллекта, стали исследования Дж. Мейера и П. Сэловея. Они определяют данное понятие как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, регулировать свои эмоции и других [13]. Теория эмоционального интеллекта по Дж. Мейеру и П. Сэловею включает такие характеристики:

- эмпатия (способность идентифицировать собственные чувства, определять чувства других, умение сопереживать);
- осведомленность (способность быть компетентным по отношению к собственным чувствам, уметь их разграничивать и идентифицировать, определять их интенсивность);
- равновесие (способность поддерживать баланс функционирования двух взаимодействующих областей мозга);

- ответственность (способность человека брать ответственность за собственные эмоции, мысли и поступки).

Основываясь на представлениях Дж. Мейера и П. Сэловея, Д. Гулмен соединил когнитивные способности и личностные особенности человека. К вышеперечисленным характеристикам эмоционального интеллекта ученый добавил настойчивость, энтузиазм и социальные навыки. В общем виде Д. Гулмен обозначал эмоциональный интеллект как совокупность характеристик, которые позволяют человеку чувствовать, развивать мотивационную сферу, управлять настроением и импульсивными проявлениями, уходить от фрустрирующих состояний.

Таким образом, основными механизмами функционирования эмоционального интеллекта являются: эмоциональность, управление эмоциями, центральные механизмы. Но четкий, определенный взгляд на процессы, характеризующие эмоциональный интеллект, существует расплывчато. Именно этот факт объясняет наличие многочисленных моделей эмоционального интеллекта.

Наиболее распространенная научная модель эмоционального интеллекта принадлежит П. Сэловею, Дж. Мейеру и Д. Карузо. Они выделили следующие структурные компоненты эмоционального интеллекта:

- идентификация эмоций (как собственных, так и окружающих): восприятие эмоций, их определение, гармоничное выражение, дифференциация эмоций;
- выражение и использование эмоций: умение использовать эмоции при решении поставленной цели, использовать эмоции как средство;
- понимание эмоций (как собственных, так и окружающих): умение увидеть источник определенной эмоции, понимать и связывать их;
- управление эмоциями: способность регулировать интенсивность эмоциональных проявлений, контролировать их [20].

В отечественной психологии широко используется концепция эмоционального интеллекта Д.В. Люсина. Он рассматривает эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и к управлению ими. Эмоциональный интеллект, с точки зрения Д.В. Люсина, определяется следующими способностями:

- распознавание эмоций (увидеть появление собственных эмоций, и эмоций других);
- идентификация эмоций (установить эмоцию и словесно ее описать);
- понимание источника эмоционального переживания и прогнозирование последствий ее проявления.

Кроме вышеперечисленных моделей эмоционального интеллекта, существуют модель М.А. Манойловой (эмоциональный интеллект включает эмоции, волю и общий интеллект), Р. Купера (состоит из пяти компонентов EQ, близка к модели Д. Гулмана), уровневая модель С.П. Деревянко (эмоциональный интеллект состоит из коммуникативного уровня, гностического и эвристического)

Анализ феноменов социального и эмоционального интеллектов, показывает, что они взаимосвязаны и определяют друг друга: познание социальной реальности осмысливается эмоциональными переживаниями (чувствами), формируя отношение личности к содержанию собственной жизненной перспективы [7].

Существующая тенденция изучения эмоциональной сферы человека и его взаимодействия с социумом идет параллельно с ростом исследований феномена алекситимии. Данное понятие было введено профессором Гарвардского университета П. Сифнеосом в 1973 г., в рамках изучения психосоматических заболеваний. Он использовал термин «алекситимия» для описания состояния, которое «противоположно эмоциональному интеллекту». Наиболее емкое определение алекситимии дает А.Ю. Искусных: это феномен, вызывающий трудности в распознавании чужих и собственных эмоций и чувств, который затрудняет эмоциональную саморегуляцию, а также установление и поддержание межличностных контактов [9]. Существует три основных подхода возникновения и формирования алекситимии: биологическая теория, теория травматической соматизации и теория социального научения [11].

По мнению В.А. Шабалиной, алекситимия приводит к снижению символизаций эмоциональных состояний, снижает абстрактно-логическое мышление (когнитивная сфера), снижает способность к рефлексии, вызывает нечувствительность к своему физическому и психологическому состоянию (личностно-аффективная сфера), вызывает слабую дифференциацию эмоциональных состояний (эмоциональная сфера) [19].

Достаточно перспективной задачей является определение взаимосвязи между эмоциональным интеллектом, социальным интеллектом и алекситимией. Существует ограниченное количество публикаций по данной проблеме. С.А. Богомаз и А.Л. Филоненко выявили значительную взаимосвязь между алекситимией и личностной направленностью личности [8]. В.А. Шабалина обнаружила корреляцию между алекситимией и одним фактором эмоционального интеллекта – эмоциональная экспрессия [19]. В исследовании Д.В. Ушакова, Г.А. Емельяновой и Т.И. Семеновой алекситимия изучалась в контексте создания модели социального интеллекта, но четкой взаимосвязи учеными не было выявлено [17]. По

нашему мнению, вопрос связи алекситимии как нарушения личностного, социального и эмоционального развития человека с социальным и эмоциональным интеллектом на данный момент является намечающейся научной проблемой. Таким образом, новизной данного исследования является постановка задачи изучения взаимосвязи социального интеллекта, эмоционального интеллекта и алекситимии (что недостаточно артикулировано в российской литературе) и осуществление анализа особенностей связи данных феноменов.

Материалы и методы

Цель данного исследования – изучение взаимосвязи социального интеллекта, эмоционального интеллекта и алекситимии у молодежи.

В исследовании участвовало 38 человек, в возрасте от 19 до 32 лет, среди них 26 женщин и 12 мужчин. Основное количество респондентов – студенты высших учебных заведений.

В качестве методического инструментария выступили следующие диагностические методики: «Методика исследования социального интеллекта» Дж. Гилфорда, «Опросник на эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина, методика «Торонтская шкала алекситимии» Дж. Тэйлора. Для статистической обработки данных использовался непараметрический ранговый коэффициент корреляции r Спирмена.

Результаты исследования

В результате проведенного эмпирического исследования социального интеллекта, были полученные данные, представленные в табл. 1.

Таблица 1.

Результаты исследования социального интеллекта молодежи, полученные с помощью методики Дж. Гилфорда

Субтест	Среднее значение
Субтест № 1. «Истории с завершением»	9,2
Субтест № 2. «Группы экспрессии»	7,8
Субтест № 3. «Вербальная экспрессия»	8
Субтест № 4. «Истории с дополнением»	5,9
Композитная оценка	31

Наибольшее значение имеет Субтест № 1, который измеряет степень способности прогнозирования поведения человека в определенной ситуации. Умение предвидеть последствия поведения человека у молодежи имеет среднесильный показатель. Это говорит

о том, что молодые люди, основываясь на понимании чувств, мыслей, побуждений участников общения, способны предсказывать продолжения событий. Но, если они столкнутся с неординарными ситуациями, их прогнозы могут быть ошибочными. Возможно, это связано с недостаточно большим опытом общения с людьми или с однообразным кругом общения потому, что предвосхищение поступков основывается на анализе реальных ситуаций общения (семейного, дружеского).

Субтесты № 2, № 3, № 4 имеют средневыворочную норму. Субтест № 2 означает способность правильно распознавать состояния, чувства, желания и намерения людей, основываясь на их невербальном поведении. Результаты исследования показывают тенденцию молодежи к умению понимать другого человека по его жестам, мимике, позам. Скорее всего, молодые люди в общении основываются на вербальный язык, больше доверяют его содержанию. Результаты субтеста № 3 говорят о тенденции к пониманию сущности человека и об их взаимоотношениях. Молодые люди могут проявлять чувствительность во взаимоотношениях, характер и некоторые особенности человека, но только в конкретных взаимоотношениях. Возможно, небольшая насыщенность Я-образа у молодежи проявляется в малом репертуаре ролевого поведения (ролевой пластичности). Субтест № 4, обозначающий способность понимать структуру межличностных взаимоотношений, также проявляется у молодежи в форме устойчивой тенденции, т.е. они активно анализируют коммуникативные ситуации, осмысливают и понимают их динамику. Такая способность помогает им адаптироваться в новом кругу общения, но требует от них правильных умозаключений, которые касаются целей взаимодействия, их причин и результатов. Но их умозаключение могут быть и ошибочными, т.к. такое понимание общения требует умение понимать невербальные реакции.

Результат композитной оценки молодежи говорит о среднем развитии социального интеллекта. Уровень развития социального интеллекта в основном определяет успешность адаптации, гибкость в общении, рефлексию отношений. Средневыворочная норма социального интеллекта у молодежи говорит о том, что они способны проявлять доброжелательность, открытость, сочувствие. У них присутствует тенденция к психологической близости в общении и развитие эмпатии. Но учитывая, что молодые люди находятся на активной стадии социально-психологического обучения, они могут испытывать проблемы в понимании и предсказания поступков людей.

Результаты исследования эмоционального интеллекта у молодежи приведены в табл. 2.

Таблица 2.
Результаты исследования эмоционального интеллекта молодежи, полученные с помощью методики Д.В. Люсина

Показатель	Среднее значение
Субшкала МП (понимание чужих эмоций)	23,7
Субшкала МУ (управление чужими эмоциями)	18,7
Субшкала ВП (понимание своих эмоций)	17,6
Субшкала ВУ (управление своими эмоциями)	13,2
Субшкала ВЭ (контроль экспрессии)	8,7
Шкала МЭИ (межличностный ЭИ)	42,4
Шкала ВЭИ (внутриличностный ЭИ)	39,6
Шкала ПЭ (понимание эмоций)	41,3
Шкала УЭ (управление эмоциями)	39,6
Общий уровень эмоционального интеллекта	82

Низкое значение у молодежи имеет способность контролировать внешние проявления своих эмоций. Вероятно, у молодых людей отрицательные эмоции чаще переживаются, чем выражаются (происходит «подавление» эмоций), а положительные наоборот, что способствует благоприятному общению. Также, возможно, молодежь склонна «маскировать» свои переживания экспрессии.

Такие субшкалы, как понимание чужих эмоций, управления чужими эмоциями, понимание своих эмоций и управление своими эмоциями набрали средний результат. Молодые люди только учатся понимать состояние человека, основываясь на внешних проявлениях эмоций (тембр голоса, мимика и т.д.), они не обладают достаточной чуткостью для определения эмоциональной реакции на различные ситуации. Возможно, это связано с тем, что основным источником общения у молодых людей стали социальные сети, где отсутствует возможность «живого» общения. Вероятно, с этим связана и средняя выраженность способности вызывать у других людей определенные эмоции и снижать мощность нежелательных эмоций. У молодых людей наблюдается некоторая склонность к манипулированию, возможно, потому, что данное умение считается обществом как негативное.

У молодежи наблюдается предрасположенность к способности понимать собственное эмоциональное реагирование, понимать суть эмоций. Молодежь склонна формировать односторонний подход к переживанию собственных эмоций. На данный момент молодые люди переживают этап дифференцирования эмоций, складывается опредмеченность чувств. Этим объясняется и трудность управления собственными эмоциями. Юношеская импульсивность, порывистость снижают потребность управлять своими эмоциями. Молодежь только

познает себя, т.е. осознает собственные эмоции, развивает самоуверенность, самоуважение и независимость, поэтому контроль и поддержание определенных эмоций не всегда является успешным.

Анализ шкал показал, что у молодых людей наиболее развиты способности к пониманию эмоций других людей и управлению ими, а также умение к пониманию своих и чужих эмоций. Но молодежь испытывает трудности в управлении как собственных эмоций, так и чужих.

Высокий общий показатель эмоционального интеллекта свидетельствует о том, что у молодых людей активно развивается представление о собственном эмоциональном интеллекте, они только формируют интерес к внутреннему миру как окружающих людей, так и к собственному, осознают ценности, приписываемые эмоциональным переживаниям.

Далее была определена выраженность алекситимии у молодежи. Итоговый показатель «алекситимичности» – 64,8 балла. Такие результаты говорят о том, что молодые люди относятся к группе риска. Молодежь может испытывать трудности в определении или понимании и описании словами собственных переживаний, чувств. Молодые люди склонны обращать внимание на внешние события, которые происходят с ними, чем на внутренние переживания. Ограниченная возможность самопонимания может усложнять целостное осознание собственной жизни. Молодежь ищет внутреннюю гармонию, им пока сложно осознать смысл собственной жизни и деятельности. Возможно, чувствуют неопределенность, представляя будущую жизнь. Пока они «плывут по течению», т.к. оказываются всецело во власти ситуации.

Причиной попадания молодежи в группу риска могла стать еще несформированная личностная структура, т.е. у молодых людей только развивается способность к рефлексии, у них только формируются представления о жизненной направленности. Также причиной таких результатов может являться не только эмоциональная и личностная сфера, но и сфера мышления. По причине развития цифровых технологий, молодые люди предпочитают пользоваться наглядно-действенным мышлением, нежели абстрактно-логическим, молодые люди реже мечтают, воображают. Активный переход на виртуальное общение может приводить к ослаблению взаимосвязей с окружающим миром. Преобладание такого типа общения препятствует вербализации своего состояния, собственных эмоций, усложняется понимание эмоций других людей. Существует вероятность, что наблюдаемые явления могут нарушить процесс становления молодежи как зрелых личностей.

Отметим интересный момент: молодежь имеет вы-

сокий общий уровень эмоционального интеллекта, но находится в группе риска по алекситимии. Вероятнее всего, это связано с тем, что молодые люди на данное время переживают момент становления зрелой личности. Следовательно, они только исследуют собственные личностные качества, способности, эмоциональные реакции. Молодые люди способны понимать эмоции окружающих людей (на что указывает высокий показатель межличностного эмоционального интеллекта), и, возможно, на основе уподобления себя другим, они учатся описывать и понимать собственные эмоции. Это может объяснить нахождение молодежи в группе риска алекситимии и средний показатель развития социального интеллекта, т.е. молодежь только развивает в себе данные навыки.

Для того, чтобы определить характер взаимосвязи эмоционального, социального интеллекта и алекситимии, был проведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в табл. 3.

Таблица 3.

Результаты корреляционного анализа взаимодействия алекситимии и социального и эмоционального интеллектов

Показатели	Коэффициент корреляции r , $p < 0,05$
Субтест 3 (Способность понимать речевую экспрессию) – Алекситимия	-0,497628
Межличностный ЭИ – Алекситимия	-0,614933
Внутриличностный ЭИ – Алекситимия	-0,765942
Понимание эмоций – Алекситимия	-0,733689
Управление эмоциями – Алекситимия	-0,619071
Понимание чужих эмоций – Алекситимия	-0,410400
Управление чужими эмоциями – Алекситимия	-0,598648
Понимание своих эмоций – Алекситимия	-0,800825
Управление своими эмоциями – Алекситимия	-0,665497
Общий уровень ЭИ – Алекситимия	-0,762111

Определено, что высокий уровень алекситимии взаимосвязан с низким уровнем способности понимать речевую экспрессию (Субтест 3), т.е. люди с алекситимией испытывают трудности в осмыслении вербальных сообщений. Люди с повышенным уровнем алекситимии могут ошибаться при интерпретации слов собеседника, плохо распознавать смысл взаимоотношений. Стоит отметить, что с другими показателями социального интеллекта, значительной взаимосвязи обнаружить не удалось.

Наибольшая корреляция была обнаружена со шкалой «Понимание своих эмоций»: чем выше уровень алекситимии, тем ниже способность осознавать собственные мысли, чувства и мотивы поведения. Таким образом, молодежь, имеющая высокий уровень алекситимии, испытывает трудности вербального описания своего состояния, им сложно понять свои потребности и их удовлетворить.

Показатели «Внутриличностный эмоциональный интеллект», «Межличностный эмоциональный интеллект», «Понимание эмоций», «Управление чужими эмоциями» имеют высокую отрицательную взаимосвязь с уровнем алекситимии. Молодые люди с алекситимией не способны идентифицировать свои и чужие эмоции, им сложно вызывать определенные эмоции не только у себя, но и у других людей. Следствием такого явления могут стать аффективные срывы, т.к. такие личности не умеют снижать интенсивность нежелательных эмоций. Повышенный уровень алекситимии, может способствовать понижению способности к эмпатии и коммуникабельности, следствием чего является конфликты с окружающими. Также, у людей с алекситимией может наблюдаться низкая способность вмешательства в обстоятельства жизни, т.к. у них не развита способность управления собственными и чужими эмоциями.

Анализ корреляционного анализа показал, что чем выше уровень алекситимии, тем меньше развит эмоциональный интеллект, т.е. алекситимия препятствует развитию способности распознавать эмоции, намерения, мотивацию как собственные, так и чужие. Отдельно необходимо отметить низкую способность понимания речевой экспрессии у людей с выраженной алекситимией.

Следствием вышеперечисленного может стать невозможность позитивного мышления, формирование собственного стиля поведения, понижение стрессоустойчивости. Эмоциональная ригидность способствует понижению саморегуляции, трудности в межличностных отношениях.

Выводы

Результаты взаимосвязи социального и эмоционального интеллекта и алекситимии показывают, что у алекситимичной личности присутствует низкий уровень развития эмоционального интеллекта (в частности, способностей понимания своих и чужих эмоций, управления своими и чужими эмоциями), низкая способность понимания речевой экспрессии, вербальных реакций. Вероятно, молодые люди более направлены на внешний мир, чем на внутренний, о чем свидетельствует их нечувствительность к своему психологическому состоянию. Как нам представляется, проблемы понимания своего

вербального поведения и чужих вербальных реакций имеют общие корни. Данный вопрос требует дальнейшего более детального изучения.

Алекситимия препятствует развитию социального и эмоционального интеллекта, что, в свою очередь, тормозит становление молодых людей как зрелых личностей.

Данная проблема является актуальной для института образования и для общества в целом. Однако, алекситимию можно преодолеть, создав условия, при которых молодежь будет чувствовать свободу выбора, иметь возможность рефлексировать и осознавать свои интересы и возможности, иметь желание самореализоваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк Г. Понятие и определение интеллекта // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 111-131.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – 379 с.
3. Бачманова Н.В., Стафурина Н.А. К вопросу о профессиональных способностях психолога // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы / Отв. ред. А.А. Крылов, Н.В. Кузьмина. Вып. 5. – Л., 1985. – С. 72-77.
4. Богомаз С.А., Филоненко А.Л. Взаимосвязь алекситимии как фактора, препятствующему развитию личности, с параметрами смысловой сферы и проявлениями ригидности // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 22. – С. 124-128.
5. Гилфорд Дж. Структурная модель интеллекта // Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Прогресс, 1965. – С. 433-456.
6. Горбачева А.Г. Человеческий интеллект: возможные изменения под влиянием информационных технологий и высокотехнологичных устройств // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 2. – № 1(19). – С. 135-141.
7. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Функциональные особенности взаимосвязи социального и эмоционального интеллекта: контекст самоорганизации жизненных перспектив личности // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 38. – С. 60-62.
8. Емельянов Ю.Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. – М.: Просвещение, 1995. – 183 с.
9. Искусных А.Ю. Алекситимия у студентов. Распространенность, причины и последствия // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2016. – № 9 (66). – С. 61-65.
10. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 29-36.
11. Николаева В.В. О психологической природе алекситимии // Телесность человека: междисциплинарные исследования. – М., 1991. – С. 84-93.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2010. – 713 с.
13. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 176 с.
14. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 351 с.
15. Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К., Бобров А.Е., Мошняга Е.Н., Пузырева Н.В., Боброва М.А., Ивашкина М.Г., Кривчикова М.Н., Шаврикова Е.П., Бэгни Р.М. Торонская шкала алекситимии: валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. № 4. – С. 31-38.
16. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 11-28.
17. Ушаков Д.В., Емельянова Г.А., Семенова Т.И. Математическое моделирование социального интеллекта в норме и при алекситимии: отчет о НИР. – М., 1997.
18. Чеснокова О.Б., Субботский Е.В. Социальный интеллект в условиях сложных социальных систем // Национальный психологический журнал. – 2010. – №2 (4). – С. 22-29.
19. Шабалина В.А. Половые различия восприятия эмоций по лицевой экспрессии при алекситимии // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. – 2017. – Т. 5. – № 3 (17). – URL: http://medpsy.ru/climp/2017_3_17/article06.php
20. Mayer J.D., Salovey P., Caruso, D.R. Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) user's manual. – Toronto, Ontario, Canada: MHS Publishers, 2002.
21. Sternberg R.J. The triarchic mind. A new theory of human intelligence. – New York: Viking Penguin, 1988. – 354 pp.
22. Thorndike E.L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine. – 1920. – Vol. 140. – P. 227-235.

© Штрикер Юлия Дмитриевна (shtriker00@mail.ru), Савосин Сергей Владимирович (alex9192949@gmail.com), Костригин Артем Андреевич (artdzen@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

CLASSICAL EURASIANISM
AND MODERNITY

L. Kocharsky

Summary: The article reveals the essence of classical Eurasianism in the 1920-1930s. The article emphasizes the relevance of the Eurasian concept on the example of the formation of interstate organizations and the modern development of the concept of classical Eurasianism in the form of Neoeurasianism. The presented article is devoted to study the modern understanding of classical Eurasianism, in the works of leading scientists in this area. The author concluded that the political-philosophical classical concept of Eurasianism has undergone dramatic changes, for example, in the works of A.G. Dugin. But there are exceptions, as A.S. Panarin became one of the successors of the authentic ideas of Eurasianism.

Keywords: Eurasianism, neourasianism, orientalism, geopolitics, Russian emigration.

Кочарский Лев Савельевич

Аспирант, Сочинский государственный университет;
м.н.с., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр
Российской академии наук», г. Сочи
lum.mas@yandex.ru

Аннотация: Статья раскрывает содержание классического евразийства 1920-1930-х годов. В статье подчеркивается актуальность евразийской концепции на примере образования межгосударственных организаций и современного развития концепта классического евразийства в форме неоевразийства. Представленная статья посвящена исследованию современного понимания классического евразийства, в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых в данной сфере. Автор пришел к выводам, что политико-философская концепция классического евразийства в настоящее время претерпела серьезные изменения, например, в работах А.Г. Дугина. Но существуют и исключения, так А.С. Панарин стал одним из продолжателей аутентичных идей евразийства.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, ориентализм, геополитика, русское зарубежье.

Современный постсоветский период в истории нашей страны, характеризуется сложными социально-политическими аспектами. С распадом СССР и под влиянием Запада, практически исчезли устаревшие политические, экономические, социальные и философские концепции. Распад Советского государства, привел к образованию новых независимых республик, появлению современных демократических идеологий, концепций и национальных идей.

Учитывая современные действительные реалии, обострение международных отношений России со странами Запада: введение санкций, высылку дипломатов, запрет на использование государственной символики на спортивных мероприятиях, разрыв дипломатических отношений с некоторыми странами, можно сделать вывод о возрождении глобального геополитического, экономического, военного и идеологического противостояния России со странами Америки и Европы.

Однако, в настоящий момент, существует и иная тенденция, связанная с политической, экономической и культурной консолидацией России с бывшими советскими республиками и странами Азии: СНГ, ОДКБ, Союзное государство РФ и РБ, Еаэс, ЕвразЭс, Таможенный союз, ШОС. Во многих из этих межгосударственных образованиях заложены идеи Евразийства.

Актуальность изучения евразийства в настоящий период, обозначена многими факторами. Например, за последние 10 лет в России, количество защищенных дис-

сертаций по данной теме растет из года в год. Необходимо отметить заинтересованность как отечественных А.Г. Дугин, А.С. Панарин, так и западных исследователей, таких как З. М.Бассин, М. Ларуэль в изучении России как особого региона, находящимся между Европой и Азией [1,2,3,4]. В научных кругах идут дискуссии насчет генезиса евразийства, т.е. в науке нет единого мнения на данную политико-философскую концепцию. Все это указывает на значимость изучения данной политико-философской концепции, но для изучения современных концепций неоевразийства, следует изучить историю и развитие аутентичной идеи.

В данной работе будут использованы такие частнонаучные и междисциплинарные методы как: метод исторических параллелей и метод сравнительного анализа. Метод исторических параллелей, будет применен, для обобщения опыта подлинных идей евразийства с современным опытом неоевразийства. Сравнительный анализ, как метод будет выступать для выявления современных тенденций и специфики политико-философской концепции исследуемой в работе.

«Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К радости или же печали, к беде или благой судьбе – нет не принадлежит. Россия не кормилась ни одним из существенных корней, которым кормилась Европа, принимая вредные и полезные соки из грунта ею же пораженного Древнего мира, не всасывала своими отростками, пищи той что зиждилась из глубины германского Духа. Наша страна не входила в состав империи, где правил Карл Ве-

ликий, которая выступает общим стволом, при расчленении которого, появилось раскидистое европейское древо, не значилась частью теократической федерации, которая пришла на замену монархии, не была единым феодально-аристократическим организмом, которая (при Карле Великом, так и в эпоху рыцарства), отсутствовало почти все национальное и являлось общеевропейским учреждением в полном смысле этого слова.

Погодя, когда настала новая эпоха и иной порядок вещей, Отечество так же не участвовало, в противостоянии с феодальным гнетом, итогом которого стала та форма гражданской свободы, которую сейчас имеет Европа; не противостояла и с ложными христианскими учениями (творения тьмы, гордости и лжи, называющим себя католичество) и нет необходимости в таком виде религиозной дозволенности как протестанство. Не было в России воспитательного воздействия и обременения именуемого схоластикой и не, развивала ту свободу мысли, которая создала современную науку, не жила идеалами, которые выражались в германо-романском типе искусства.

Иными словами, наша страна не причастна, ни к европейскому злу (Крестовые походы, междоусобные войны и т.д.) ни к европейскому добру (Великие географические открытия, развитие науки и техники и т.д.) Как же она может быть Европой? Ни благая скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой» [5, с.5-6].

Евразийство - философско-политическая концепция, появившаяся в среде русской эмиграции в 20-е-30-е годы прошлого столетия. Она возникла, как ответ на философско-политическую тенденцию такую, как европоцентризм. Основная идея данного социально-философского учения, заключалась в самобытности России, как цивилизации [6, с.43]. Условно можно разделить концепцию евразийства на 3 этапа: классический, советский и неоевразийство.

Классический этап был обусловлен эмиграцией интеллигенции в 20-30х годах XX века. Представителями данного периода являются: Н.С. Трубецкой, основатель евразийского концепта, лингвист и филолог, Г.В. Флоровский - патролог, историк и богослов, П.П. Сувчинский - музыкальный и литературный критик; Г.В. Вернадский - геополитик и историк и другие. Представители первой волны евразийства (1921-1929 гг.), в своей концепции и трудах, использовали этнографический, исторический, географический и политико-правовой опыт, изучая проблематику развития отношений Запада и Востока.

Все это привело к созданию новых социально-философских взглядов на счет применения и развития этой идеологии в России. Исходя из их позиций, Россия яв-

ляется уникальной цивилизацией, которая во многих аспектах (культуры, истории, географии, менталитета и т.д.) не относится ни к азиатской, ни к европейской цивилизации [7, с.205-207]. «Евразийский кружок» привлек к себе внимание русской эмиграции. После выдвижения своих идей и взглядов представителями классического евразийства, на место России в социально-культурном развитии, проводились открытые заседания «евразийского кружка». Следствием этого стали острые споры вокруг этой социально-философской концепции, дошедшие до заграничных газет и журналов.

В современной науке мнения насчет интерпретации классического евразийства в частности, так и развития неоевразийства в целом весьма различны. Отечественный философ А.Г. Дугин отмечает: «Идея о стратегическом треугольнике Москва - Пекин - Дели и идея Путина- Ельцина о «многополярном мире» есть не что иное, как ничто иное как концепт евразийства на межгосударственном уровне» [9, с.5].

Однако французский историк М. Ларюэль, справедливо отмечает «Классическое евразийство, первоначально являлось идеей «третьего пути», которая существовала как в левом, так и в правом вариантах, его адаптация современными неоевразийцами, к примеру Дугиным в крайне правом направлении является отрицанием глубины социально-философской концепции и интеллектуального богатства евразийства. В том числе, все это является присвоением достояния его отцов-основателей: ни один из них не стал сторонником нацизма во время Второй мировой войны» [8, с.6-7]. В научном сообществе, «неоевразийство Дугина», подвергается критике за перестройку самой идеи евразийства в угоду политического заказа. На данном примере четко прослеживается тенденция искажения основ политико-философской концепции.

С другой стороны, можно отметить работы А.С. Панарина [2]. В них ученый опирается на первоисточники русской интеллигенции, пытаясь исключить свой личностный аспект понимания. В этом случае в классическое евразийство «вдыхается новая жизнь» и только лишь обогащается современным опытом, выражаясь в концепции неоевразийства. В этой связи, необходимо отметить точку зрения профессора М. А. Маслина «потенциал неискаженного евразийства, продолженный в классической традиции социально-философской концепции, до сих пор актуален и сохраняет свое значение для применения в практике и теории политического консерватизма» [11, с.30-31].

Классическое евразийство и сейчас сохраняет свою актуальность, потому что данная мировоззренческая установка обобщила ключевые понятия для политологии и философии. Например, продолжая линию Шпен-

гера и Данилевского евразийцы, в своих трудах выделяли Россию как особую цивилизацию. Основатели евразийства поставили перед собой цель по выработке формулы русского консерватизма - политической идеологии, которая основывалась на географическом положении России, специфике её истории и традиций.

Также одним из ключевых элементов евразийства, выступала православная традиция, которая, отрицая позитивный характер европейской цивилизации, противопоставляла себя христианским направлениям католицизма и протестантизма. Евразийцы агитировали за борьбу с «кошмаром всеобщей европеизации», отмечая, что: «Нам необходимо привыкнуть к мысли, что вся романо-германская культура - является нашим заклятым врагом». Об этом писал основатель политико-философ-

ского движения, князь Н.С. Трубецкой в 1921 году [8, 9].

Проанализировав основные точки зрения, направленные на понимание классического евразийства в современной науке, необходимо отметить, что евразийство, выступает как современная постсоветская идеология, которая имеет культурно-исторические истоки и направлена на исключительность и самобытность нашей страны. Следует отметить высокую заинтересованность к данной политико-философской концепции ряда отечественных и зарубежных исследователей, обозначенных в работе. Исходя из этого евразийство, остается актуальным и дает развитие новым политическим концепциям и международным объединениям (СНГ, ОДКБ, Еаэс и тд). Следует так же подчеркнуть современную тенденцию «отхода» евразийского движения от его истоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М: Евразийское движение, 2017. 532 с.
2. Панарин А.С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национальногосударственной идеологии. М: 1994. 325 с.
3. Bassin Mark. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.cambridge.org/core/journals/slavicreview/article/abs/russia-between-europe-and-asia> (дата обращения: 13.03.2021).
4. Marlène Laruelle. L'idéologie eurasiste ou comment penser l'empire. Paris, L'Harmattan. Paris. 2018. 425 p.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. / СПб: Издательство «Глаголь», 2016. 552 с.
6. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. М: 2018. 632 с.
7. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М: 1995. 400 с.
8. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София.: 1921.
9. Дугин А.Г. Евразийская платформа. Национальная идея является из чрева истории // Независимая газета. 2000. 25 ноября. 15 с.
10. Laruelle M. Alexander Dugin: A Russian Version of the European Radical Right? // Kennan Institute Occasional Papers. No. 294 (2006). p. 1–26.
11. Маслин М.А., Лупова А.А. Эволюция евразийской идеи // Евразийство: Исследования и публикации / Гл. ред. Ю.В. Мухачев. М.: 2014. с. 249.

© Кочарский Лев Савельевич (lum.mas@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О САМОСОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ ТОРЖЕСТВА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Салих Аумед Хама-али Салих

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
технический университет»
Omedhamaali@yandex.ru

ON THE QUESTION OF HUMAN SELF-CONSCIOUSNESS IN THE CRISIS CONDITIONS OF THE TRIUMPH OF TECHNOLOGICAL PROGRESS

Salikh Aumed Khama-ali Salikh

Summary: The article considers technological progress as a factor of leveling spiritual and cultural values based on the analysis of the history of the formation of the technological worldview of a person and the designation of the priority of material values in society. The author makes an attempt to identify the significant significance of the factor of awareness and acceptance of being by a person as the only possible way to preserve spiritual integrity in the conditions of the triumph of technology.

Keywords: progress, technology, being, Heidegger, Fromm, Berdyaev, spirituality, humanism.

Аннотация: В статье предлагается рассмотрение технического прогресса как фактора нивелирования духовных и культурных ценностей на основе анализа истории становления технологического мировоззрения человека и обозначения приоритетности материальных ценностей в обществе. Автором делается попытка обозначить значимость фактора осознания и принятия личностью бытия как единственно возможного способа сохранения духовной цельности в условиях торжества техники.

Ключевые слова: прогресс, техника, бытие, Хайдеггер, Фромм, Бердяев, духовность, гуманизм.

Понятие прогресса на заре своего становления явно соотносилось с возможностями более продуктивного взаимодействия человека с окружающим миром, что, естественно, было возможно только в материальном формате. Поэтому технический прогресс воспринимался позитивно, поскольку позволял человеку облегчить его повседневное бытование, уменьшал количество физической нагрузки, как бы высвобождая время и силы для развития духовной составляющей отдельной личности и нравственной сферы функционирования общества. Значительную роль в положительном восприятии прогресса сыграли реальные технические изобретения, которые в период XVIII-XIX вв. изменили жизнь общества и отдельной личности, занятой в производстве материальных объектов. На закрепление идеи техники как позитивного направления развития общества повлияли также, несомненно, социальные и философские концепции того же периода, определявшие материалистические – естественнонаучные прежде – всего перспективы человечества.

Оптимистическое восприятие прогресса позволило человечеству думать и говорить о соотношении понятий прогресса духовно-нравственного и прогресса технического. Зачастую эти аспекты прогресса как явления воспринимались как амбивалентные, что позволяло использовать только понятие прогресса, без акцентуации его технического базиса. При этом даже формальное соотношение этих понятий не проводилось, поскольку

философия (и, кстати, литература как сфера существования основных социально-культурных и идейно-психологических интенций) XIX века с ее направленностью на человека не допускала мысли о том, что развитие техники может в принципе не быть направленным на благо человека, а люди, формирующие технический контент бытового повседневного существования, могут быть не гуманистически направленными, поскольку развитие техники ради техники – процесс бессмысленный. (Нельзя не вспомнить разнонаправленные по идеологическим установкам, но сходные в оценке технологического прогресса произведения художественной литературы: Н.Г. Чернышевский «Что делать?», О. Ганштейн «Электрополис»). Подобное своего рода неведение, наивная вера в здравомыслие, гуманизм и духовность человечества привели к тому, что техника заняла существенную часть жизненного пространства, вытесняя постепенно духовно-нравственные составляющие бытия человека. При этом представление о постепенности данного явления – около 200 лет – явно ошибочное, поскольку указанный приблизительный срок «вторжения техники в духовный мир человечества» является предельно малым в перспективе оценки существующей ныне цивилизации, тем более, что в XX-начале XXI вв. формат технического развития, довлеющего над развитием нравственным, увеличился в сотни раз благодаря появлению новых технологий, способных порождать новые технологии уже самостоятельно, без участия человеческого интеллекта. И то, что еще в середине XX в. можно было оценивать как

оригинальные идеи писателей-фантастов (например, Айзека Азимова, Роберта Шекли, Эдварда Моргана Форстера), сегодня не просто в буквально-материальном формате стало реальностью – на уровне используемых в повседневном быту предметов, а начинает вытеснять человека как деятельное лицо из всех процессов функционирования общественных институтов. На банальном уровне это легко иллюстрируется работой компьютеризированных автоответчиков в крупных промышленных и коммерческих компаниях, которые способны не только выдавать заранее заложенный текст, но и реагировать на вопросы абонента, самостоятельно моделируя коммуникативную ситуацию и подбирая из миллионов речевых реакций-реплик наиболее подходящие. Ученые различных социальных и технологических структур обсуждают возможности использования искусственного интеллекта на всех уровнях личностного, коллективного, государственного и межгосударственного взаимодействия как позитивную перспективу, как бы в принципе вычеркивая из сферы взаимодействия (хотелось бы сказать – «общения») такие параметры, как личностное ориентирование на адресата, учет эмоционально-психологического состояния коммуникантов, морально-нравственные аспекты взаимодействия народов, культур и государств.

Именно поэтому сегодня, в связи с масштабным развитием технической стороны действительности, соотношение технического и духовно-нравственного прогресса оценивается современной социальной философией как проблема, порожденная глобальным кризисом цивилизационного развития человечества. О кризисе гуманизма как метафизической проблеме, нравственной деградации общества, трансформации гуманистических идеалов говорят современные ученые как о явлениях, получивших определенную константность и уже не полемичных [6], поскольку культура не может строиться на принципах исключительного приоритета рационального начала над духовным. Рационализм, требующий все большего подчинения законам технического развития и вполне объяснимого с естественнонаучных и технических позиций процесса жизненного функционирования, лишает бытие человека той самой тайны, которая, собственно, составляла (и должна составлять) основу жизни: «Универсальная рационализация, техническая организация, отвергающая таинственные основы жизни порождает утерю старого смысла жизни, тоску, склонность к самоубийству,» – писал еще Н. Бердяев [2, с. 600].

Торжество технического прогресса нивелирует значимость духовно-нравственных координат в развитии общества, что должно восприниматься именно как кризисное положение.

Общество, которое уже приобрело устойчивую характеристику как постиндустриальное, по мнению и

ученых, и философов, настроено прежде всего на материальную переработку, буквальное физиологическое потребление определенных благ. Парадоксальным в данном случае является и тот факт, что в своем стремлении к комфортному существованию человечество стало воспринимать материальное усовершенствование быта как «благо», утрачивая представление о сущностном наполнении категории блага в философско-религиозном контексте. Не затрагивая глубоко особенности современного развития и функционирования религиозных учений и их влияния на личность и общественные институты, на выстраивание отношений как внутри религиозных вероучений, так и в межконфессиональном формате, нельзя не заметить, что в контексте политических проблем, например, взаимодействия Востока и Запада, миграции и др. часто звучат обозначения «мусульманский», «христианский», но в ходе более полного погружения в ситуацию выявляются экономические и геополитические аспекты, которые превалируют над вопросами морали и нравственности (что особенно зримо выявляется в новостных текстах).

При этом взаимоотношения человека с миром – вопрос, который в процессе развития преобразованием существующих реалий мира для наиболее полного удовлетворения материально-физиологических потребностей человека. Э. Фромм считал, что человек, порожденный постиндустриальным обществом и органично существующий в системе потребительских ценностей, это особый тип технократической личности – кибернетический человек [10]. Особенностью данного типа человека является общеинтеллектуальная и техническая образованность при полной неспособности к естественным человеческим отношениям. Кибернетический человек в силу своей духовной отчужденности от природы оказывается неспособным воспринимать и достижения культуры.

Философия многих столетий размышляла над проблемой человеческого, пытаясь охарактеризовать обозначить человечность в качестве перманентного свойства личности. При этом степень человечности определялась как раз способностью разных индивидов не просто располагаться в одном социально-культурном пространстве с целью выживания, но прежде всего испытывать внутреннюю духовную потребность в совместном бытии и «со»-бытии. Однако современность, ориентированная прежде всего на развитие технологических коммуникаций, актуализирует вопрос об обособлении людей, о последовательной утрате потребности совместного бытия. Сближение отдельных индивидов между собой, личностное единение или формирование коллективного духовно-нравственного контента оценивается сегодня как устаревшая форма бытования. И хотя формально взаимодействие индивидов в современных условиях проходит интенсивно, обмен информацией, в

том числе и личного характера, имеет более активный характер, чем в предыдущем столетии, но взаимодействие строится прежде всего на прагматическом интересе. И этот прагматический интерес базируется на получении финансовой прибыли. Именно финансовое благополучие становится одной из доминирующих ценностей современного общества. В условиях трансформации ценностей формируется состояние, при котором преклонение перед финансовой прибылью оценивается как норма. Трудно спорить с тем, что стремление к материальному благополучию легитимно и является одним из фундаментальных прав личности, поскольку способность участвовать в товарно-денежных отношениях обеспечивает человеку в том числе и возможности реализации духовно-нравственных потребностей, интеллектуально-психологического развития. Однако негативным следствием пропаганды финансово-экономического состояния личности как критерия его социальной состоятельности становится то, что деньги становятся единственной целью, определяющей и оправдывающей смысл жизни и бытия. На наш взгляд, подобное отношение не соотносимо с понятием о достоинстве и гордости, а состояние личности, принимающей финансовый критерий как основной для саморазвития и самоутверждения, и общества, формирующего денежный эквивалент всех общественных установок и ценностей, можно охарактеризовать как нравственную патологию. Таким образом, формируется новый, искусственный человек, совместимый с доминирующей в современном социуме формой жизни.

Такой человек не задумывается о смысле личного бытия и, следовательно, игнорирует вопрос о сущности / целеполагании / продуктивной результативности собственной деятельности, хотя именно попытка осмысления деятельности как значимого процесса определяет «самотворящую» природу человека.

Человек, не делающий попытки осмыслить собственное предназначение и – шире – сущность собственного бытия, не способен осознать вопрос о сущности собственной деятельности. А данный вопрос является ключевым для развития «самости» личности. В терминологии М. Хайдеггера, определяющим для выявления человека, для его выделения из общей природной материи является как раз «Dasein» («вот-бытие» или «здесь-бытие»), которое прежде всего формируется способностью живого существа, претендующего на звание человека, задаваться вопросами о сущности бытия [11, с. 192-220]. Несомненной гуманистичностью по отношению к человеку обладает идея М. Хайдеггера о том, что в человеке перманентно присутствует некая «бытийная понятность» или «бытийная отзывчивость» как способность человека / личности ответить на вызовы / призывы / отзвуки бытия. При этом «Dasein» тождествен духовной и нравственной сущности.

Современность заставляет задуматься о том, насколько человек, погруженный в повседневную техническую (наверное, в сегодня уже более реалистично говорить «технократическую») жизнь, способен задуматься о «Dasein» собственного бытия? Задается ли он духовно-нравственными вопросами? Способен ли воспринимать и оценивать свою деятельность как процесс, как «осуществление», а не как практико-ориентированный, прагматический результат? По мнению М. Хайдеггера, который в своих исследованиях попытался синтезировать метафизический опыт всей европейской культуры [7, с. 10], сущность деятельности заключается как раз в ее осуществлении, а не в конечном результате, на который настраивает человека современная действительность. То, что обозначается как осуществление, есть некое действие или поступок, который приводит к личности к совершенству собственного бытия, делает возможным реализацию духовного и нравственного мировоззрения человека. Таким образом, создаются условия для осуществления со-бытия. Но человек может стать достойным подобного положения только в том случае, если он задается вопросами о смысле, сущности, судьбе своего личного бытия и бытия вообще, если смыслом его существования становится осмысление своего бытия и бытия других.

При этом ключевой позицией «осуществления» становится реализация мысли в слове. Только через слово возможно осуществление связи Бытия и бытия человека. Это единственная возможность человека не только определить истинность существующих отношений, но и обозначить отношение к собственному бытию. Значительным фактором формирования личности является также осмысление отношения какого-либо человеческого бытия к другому, заключенное в «бытии-с-другим». И данное осмысление, которое должно быть реализовано в слове, морально. Нравственность в условии механического детерминизма и неосмысленности не способна иметь подлинное бытие, ибо подлинность бытия нравственности основывается на фундаменте свободного действия и свободной ответственности. Человек не может быть нравственным, либо безнравственным, если он не свободен. Хотя несвобода – аморальна. Неосмысленность отношения проистекает из того, что человек инстинктивно входит в отношение с другим, и его отношения сводятся к инстинктам и повседневным потребностям, отсюда отношение вообще стало более не человеческим.

Однако нацеленность современного человека на результат деятельности определяет то, что в процессе деятельности воспроизводятся элементарные, уже давно апробированные формы, не остается пространства для создания принципиально нового. То есть жизнь человека превращается в рутину, лишённую творческого начала. В таком случае производство материального не имеет

ничего общего с духовностью, и человек не в состоянии противостоять утверждению материального мира, материального бытия, основанных на лже-ценностях: эгоизме и сребролюбии. Единственное, что в силах человека, – это попытаться осмыслить формирующиеся угрозы, обозначить их вербально.

И прежде всего, нужно осмыслить явление техники. Еще Н. Бердяев отмечал: «Не будет преувеличением сказать, что вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» [1, с.3-38]. При этом философ (говоря о XIX веке!) называет технику «последней любовью человека», что является порождением века, утратившего не только религиозные, но и культурно-гуманистические приоритеты. Уверовав в «мощь и бесконечное развитие техники» [Там же], человек принял как данность возможность собственного изменения под влиянием техники. Подобное положение, казавшееся не только безобидным, но и продуктивным (ибо техника воспринималась как некое чудо в рамках обыденной действительности), в результате привело к тому, что человек по собственному желанию лишился своей свободы, подчинившись механическому миру. И хотя первоначально техника являлась продуктом деятельности человека, в результате метафизической трансформации «творец» и «творимое» поменялись ролями, человек оказался в рабстве у продукта своей деятельности, что заставило человека жить, забыв заветы отцов (как было сказано в притче М. Горького) [3, с.75-76], поскольку любая форма рабства предполагает не только материально-физическое подчинение, но и признание духовно-нравственных идеалов правящей стороны. В случае же с отношениями человека и техники, человек оказался в рабстве у механической субстанции, не имеющей в принципе каких-либо морально-нравственных основ, поэтому и человек очень быстро «забыл» о существовании «заветов отцов» – то есть традиционных гуманистических ценностей, оторвался от корней, утратил связь с Бытием.

И хотя еще М. Хайдеггер разграничивал технику и сущность техники [12, с.221-238], современный человек, не поднимающийся до осмысленного отношения собственного бытия, едва ли способен осознать, что оказался подверженным банальному влиянию техники. Техника в данном случае выступает в своей капиталистической ипостаси – служит средством преумножения капитала, в результате чего формируются условия для усугубления социального неравенства и – обобщеннее – для тотальной несправедливости, поскольку техника становится определяющим фактором бытия человека. Тем самым она становится угрозой природе – не в ее материальной воплощенности, а в формате представления Бытия. И хотя техника сама по себе не отражает моральных или аморальных категорий, но ее включенность в общественные процессы, зависимость общества и, шире, Бытия от технократических тенденций современ-

ности вынуждает говорить о том, что техника разрушает духовно-нравственную среду, в которой только и может реализовать человек осуществление (о чем говорилось выше). И человек не имеет возможности до конца осознать тот факт, что он сегодня не способен противиться воздействию техники на его бытие. А без осознания данного положения человек не может и переориентировать процесс технократии в свою пользу, то есть взять контроль над техникой. В противном случае, по нашему мнению, человек сам уничтожит свое бытие и при этом будет убежден, что реализовал свое право на самоопределение в условиях легитимности.

Не имея высоких духовно-нравственных опор, позволяющих сохранить свое подлинное бытие, человек, подчиняясь влиянию техники, разрушает и свой естественно-материальный, природный мир. Еще О. Шпенглер, рассматривая технику как один из факторов разрушения культуры и истории, применял «природные» метафоры, уподобляя технику хищнику, который разрушает природную гармонию и, соответственно, человек, подчиняясь своеобразной «биологической борьбе» техники с природой, отчуждается от природы и включается процесс ее уничтожения [14]. Вопросы экологии как формы банального сохранения сферы существования человека сегодня уже не обозначаются как нуждающиеся в обсуждении, поскольку фатальное влияние человека на природу – общепризнанный факт, не только подверженный научному и общественному обсуждению, но и получивший сатирическое художественное отражение [4]. В сложившихся условиях человек, в обязанностях которого быть хранителем природы и бытия, становится разрушителем, утратившим представление нравственности [9, с. 102-134].

Нужно признать, что проблемы современного человечества не являются порождением только наших дней – они являются естественным результатом исторического преобразования человеком как материального мира, так и духовно-нравственной среды, на сущностные основы которой человек посягал в течение веков и даже тысячелетий. Ведь реализуя «материально-социальные проекты»: война, колонизация, промышленная эксплуатация природных ресурсов – человек оказывался ввергнутым в процесс разрушения ценностей. Одновременно этот процесс получал обострение именно в связи с тем, что с масштабированием материально-экономической и промышленно-технической деятельности человечество начинает искать ценностные опоры [8, с. 47-49]. В современной истории подобные кризисные периоды встречаются неоднократно, и наши дни, к сожалению, могут быть обозначены как эпоха духовно-нравственного кризиса [Там же], когда отторжение традиционных ценностей разрушительно сказывается не только на метафизической, но и на чисто человеческой основе гуманизма.

Некоторые ученые связывают потерю духовно-нравственных идеалов и ориентиров с утратой личностной, общественной, культурной идентификации. Так, связывая состояние человечества и отдельных сообществ с политологическими факторами развития цивилизации в период последнего десятилетия XX – начала XXI вв., Самюэль Хантингтон говорит о потере форматов национальной идентичности различными народами – даже теми, чье повседневное состояние отличается внешним благополучием и техническим [13, с.186]. Логично, что в обозначенных обстоятельствах сохранение духовности в принципе невозможно, поскольку духовность является результатом многовековой внутренней работы личности, ориентирующейся на общественные интенции и рецепции, на возможность соотношения своих моральных и нравственных переживаний, намерений и поступков с голосом высшего разума и высшей истины. Однако при нарушении системы идентичности происходит разрушение собственно природы человека.

Говоря о человеческой природе, мы имеем в виду высший образец человека, способного к осознанному бытию. Мы считаем возможным соотношение здесь с ницшеанской концепцией Сверхчеловека, если иметь в виду, что Сверхчеловек как форма высшего сознания и самосознания есть категория нравственная, соответ-

ствующая новому уровню развития общества и бытия.

Однако современный человек не осознает «Сверхя», то есть не способен перевоплотиться в Человека, поскольку не стремится преодолеть сложившиеся к настоящему моменту формы бытования, удовлетворяясь комфортно-технологическим существованием, принимаемым как эволюционно новый передовой этап.

Одним из наиболее ярких проявлений согласия человека с техническим диктатом (на бытовом, повседневном уровне) является восприятие жизни как системно повторяющегося, циклически работающего поиска «развлечений», что проявляется в продуктах так называемой масс-культуры [Там же]. Термин «масс-культура» используется неслучайно и внедрение его позитивной коннотации в сознание современного человека является задачей формирования потребительского общества, поскольку подлинная культура (даже на уровне использования термина) предполагает внутреннюю соотносительность творческого процесса с Бытием, с вопросами нравственной чуткости, гармонии, осознанности красоты как категории философской. Естественно, что творчество и саморазвитие в рамках культуры противоречит задачам масс-культуры, то есть нарушает систему формирования покорного технике индивидуума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – 1933. – № 38. – С. 3-38.
2. Бердяев Н. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М.: АСТ, Астрель, 2011. 772 с.
3. Горький М. Старуха Изергиль // Горький М. Рассказы. Пьесы – М.: Дрофа, 2004. – 480 с.
4. Зиновьев А.А. Глобальный человек. – М.: ЭКСМО, 2006. 448 с.
5. Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. Информационное общество и трансформация ценностных измерений духовного мира человека // Ученые записки ОУ ВГУ им. П.М. Машерова. 2019. Т.29. С.77-82.
6. Ладыгина О.В. Философское осмысление проблем развития современного общества в условиях глобализации. Монография. – Душанбе: РТСУ, 2015. – 131 с.
7. Нижников С.А. М. Хайдеггер: преодоление метафизики // Вестник ВятГУ. – 2014. – №8. С.6-10.
8. Николаева И.А. Смысл жизни как системная целостность ценностных отношений и его операционализация // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XI симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Е.Е. Вахромова. М.: Изд-во Психологического института РАО, 2006. С. 47-49.
9. Татаренко Н.А. Понятие нравственного и его интерпретация в гегелевской «Системе нравственности» // Историко-философский ежегодник. – 2019. Т.34. С.102-134.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич М: Республика, 1994. 447 с.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. 447 с. С. 192-220.
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем.. – М.: Республика, 1993. 447 с. С. 221-238.
13. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 635 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М., 1998. – 606 с.
15. Lion D. Information Technology and Information Society: A Response to Fincham. Cambridge: Polity Press, 1987.
16. Shatalova O.V., Paveleva T.Yu. Semantic neutralization of current socio-political terms as a factor psychological adaptation in present-day communicative conditions // AMAZONIA investiga. 2019. №23. V.8. 517-525 pp.

© Салих Аумед Хама-али Салих (Omedhamaali@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БУНТ КАК КОНЕЦ РАБСТВА В ФИЛОСОФИИ А. КАМЮ

REVOLT AS THE END OF SLAVERY IN THE PHILOSOPHY OF A. CAMUS

Salikh Aumed Khama-ali Salikh

Summary: The article deals with the category of rebellion in the philosophy of A. Camus. Revolt, both metaphysical and political, is the only possible objection to the injustice of human destiny. The category of rebellion, according to A. Camus, is closely related to the concept of fear. Man is viewed by Camus through a series of contradictions.

Keywords: revolt, metaphysical revolt, fear, human existence, rebellious person, political regime.

Салих Аумед Хама-али Салих

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
технический университет»

Omedhamaali@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется категория бунта в философии А. Камю. Бунт как метафизический, так и политический выступает единственно возможным возражением против несправедливости человеческого удела. Категория бунта, по А. Камю, тесно связана с понятием страха. Человек рассматривается Камю через ряд противоречий.

Ключевые слова: бунт, метафизический бунт, страх, человеческое бытие, бунтующий человек, политический режим.

«Восставший жаждет не столько самой жизни, сколько смысла жизни» [2] Эти слова французского мыслителя А. Камю возвращают нас к важной и фундаментальной проблеме, а именно, что лежит в основе бунта. Что заставляет человека доходить до такого предела, за которым бунт становится основой проявления подлинного человеческого бытия. Можно сказать, больше: человеческая жизнь имеет значение тогда, когда она наполнена смыслом.

Бунт является концом такой формы жизни, продолжение которой не делает жизнь осмысленной, а потому такая жизнь требует своего коренного преобразования. Жизнь есть, прежде всего, человеческая форма жизни. Это не означает, что мы отрицаем или приуменьшаем иные формы существования. Но именно человек является единственным природным созданием, которое способно прямо поставить вопрос о смысле своей собственной жизни. Ни один вопрос не является глубоким, если в нем не отводится важного места бытийной стороне. Поиски смысла бытия включают в себя все проблемы, связанные со смыслом. Вопрос о человеческом бытии включает в себе спектр различных ответов на него.

По утверждению А. Камю «Бороться против смерти – значит требовать смысла жизни» [2]. Но является ли борьба против смерти первым и основным признаком бунта? На наш взгляд, да.

Бунт восставшего не рождается под страхом смерти, ибо такое экзистенциальное явление как смерть сопровождает восставшего с первых шагов. Путь восставшего неотделим от вечного присутствия смерти. Реализация цели восстания достигается разнообразными способами как мирными демократическими реформами, так и с помощью вооруженных, насильственных мер. Стоит отметить, что этот путь восставших всегда сопровождают

экзистенциалы страха и угрозы смерти.

На первый взгляд может показаться, что страх и бунт несовместимы. Если страх мешает человеку бунтовать, то это означает, что человек боится потерять свою неподлинную жизнь, свои привычные условия существования, источником которых является тирания. Это страх лишения установленного государственного порядка, который на самом деле есть воплощение произвола. В конечном счете разрушение такого порядка представляется им утратой сложившейся политической системы, которая погрязла в несправедливости, несмотря на то, что данная система грозит превратиться в фашизм или иную форму родовой тирании. С другой стороны, страх и бунт могут совпасть и находиться в гармонии, в той мере в какой страх выступает фундаментальной причиной бунта, в ситуациях, когда человек боится потерять жизнь в ее подлинном значении, боится не быть свободным существом.

Раб, будучи несвободным человеком, бунтует против своего рабского положения и той системы, которая создала и поддерживает рабство. Посредством бунта он объявляет, что отрицает в себе раба, одновременно показывая, что не может больше терпеть унижения человека в своей жизни. Другими словами, это значит, что восставший индивид проводит границу между собой и остальными людьми, он выступает против вмешательства других в круг его личных прав. Отсюда можно сказать, что выделенный нами аспект страха не является полностью негативным, имея в виду страх как препятствие к бунту. В данном страхе вместе с тем кроются все те причины, которые служат исходным горючим материалом к началу бунта. Без этого позитивного аспекта страха невозможно преодолеть его негативную составляющую. Ведь тот, кто нечего не боится, может легко уничтожить все ценное, созданное человечеством. Тот

же, кто боится всего, живет в вечном страхе, бежит от свободы и есть совершенный раб.

Восставший располагается как бы посередине этих двух крайних психолого-мировоззренческих позиций. Восставший не приемлет ни позиции полного отрицания страха в силу его отсутствия, ни позиции постоянного присутствия и культивирования страха. Бунт восставшего человека есть отрицание этих двух крайностей или двух аспектов бытия. Восставший не страшится столкнуться с теми трудностями, которые приносит с собой социальная свобода. Поэтому смерть для него выступает как личностная судьба. Одновременно восставший борется против нее, а фундаментальной линией защиты выступает у него поиск и утверждение истинного смысла и природы человеческого существования.

В рамках борьбы и противостояния у истинного восставшего всегда присутствует страх. И это не есть страх перед вечной борьбой человека в бытии, не боязнь муки и смерти, которые сопровождают борьбу. Это страх, прежде всего, потерять гармонию в отношениях человека с окружающим его социальным и природным миром.

Величие восставшего заключается в том, что он берет на себя большую ответственность. Бунтующий человек самый ответственный в отличие от правителей, которые часто выступают как самые безответственные люди. Во многих восточных странах можно и сейчас найти примеры неограниченной власти одного лица или группы лиц. Богатая история Востока может быть описана как история тирании и произвола. Тиран не знает и не желает признавать права другого человека. Он с радостью может мучить, изгонять или предавать смерти тех, кто, как он считает, не составляет славу его правящего двора.

Восставший – это человек, пробудившийся после ужасного сна, во время которого трудно разобрать, переживаем ли мы реальные события или все, что окружает нас есть лишь иллюзия. Политическая тирания возможна лишь при условии, когда люди сознательно принимают и поддерживают иллюзорную действительность, созданную вокруг них правящим сословием. Природа политической тирании такова, что отклоняет и принимает ничего нового в социально-политической, экономической, духовной сфере. Тирания создается на основе молчания и покорности.

Осознание и постижение причин отчужденности человека в социуме – это первый шаг к осознанию условий тирании. Это начало бунта, потому что осознание – это исходная форма протеста. Голос протестующего заставляет тирана прислушаться. А это уже настоящий бунт. Тирания – самая безухая политическая система, одна из худших форм правления, о которой говорили древние. В то время как все другие существующие политические

режимы подчиняются закону постоянного движения, изменения, развития, тирания интерпретирует развитие как совершенствование ее собственного политического организма, что вовсе не предполагает его качественного изменения.

Человек может сберечь свое собственное бытие лишь при одном условии – это бунт, а в условиях тирании – это революция.

Конечно, в той мере, в какой существуют предпосылки для демократизации общества, в той же мере имеются предпосылки для тоталитаризма. Такая возможность существует сейчас в большинстве стран Среднего Востока. Иногда за ширмой демократии скрывается ложное лицо тирании. Следует отметить, что тирания не способна долго скрывать своего подлинного лица, особенно, когда начинает угрожать свободное волеизъявление граждан. Можно сказать, что тирания загоняет человека в положение раба. Ее можно уподобить смертельной болезни, которая унижает личность и удерживает человека в постоянном страхе. Страх и тирания есть две стороны одного и того же явления; они не могут существовать друг без друга. Чтобы сохранить себя тирания опирается на страх своих подданных. Все формы страха предполагают наличие элементов тирании в обществе, за исключением одной формы страха – страха потерять свое личное достоинство.

Для того чтобы нормально существовать, человеку необходимо отрицать любой политический режим, который лишает человека его подлинности. Отрицание в данном случае есть выражение бунта. Как говорит А. Камю, «нет может означать – слишком долго я терпел» [2]. Это «нет» утверждает существование границы. Эта же идея предела обнаруживается в чувстве бунтаря, что другой «слишком много на себя берет», простирает свои права дальше границы, за которой лежит область суверенных прав, ставящих преграду всякому на них посягательству. Как следствие, порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое, и в смутной убежденности бунтаря в своей доброй воле, а вернее, в его впечатлении, что он «вправе делать то-то и то-то». В ряде случаев категория «терпение» может быть отождествлено с терпимостью, это положительный контекст социальной действительности. Однако, вместе с отталкиванием чужеродного в любом бунте происходит полное и произвольное отождествление человека с определенной стороной его собственного существа. Здесь скрытым образом вступает в игру ценностное суждение, и столь спонтанное, что оно помогает бунтарю выстоять среди опасностей. До сих пор он по крайней мере молчал, погрузившись в отчаяние, вынужденный терпеть любые условия, даже если считал их глубоко несправедливыми. Поскольку угнетаемый молчит, люди

полагают, что он не рассуждает и ничего не хочет, а в некоторых случаях он и вправду ничего уже не желает [2].

Как следствие, терпение приводит к тирании и рабству. Такое терпение создает условия, при которых отсутствует свобода личности, человек обречен на молчание и послу-

шание. А это ничто иное, как рабство. А. Камю указывает, что история господина и тирана укоренена в глубоком прошлом. В тот момент, когда бунтующий человек говорит «нет», он завершает эту историю и открывает страницу новой истории. Без бунтующего человека вся история человечества предстает для нас как история тирании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов П.А. Некоторые мысли о философии Альбера Камю: научная статья доктора философских наук: [Электронный ресурс]// Оренбург. - Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/4678740/?page;>
2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. [Электронный ресурс]// М.: Политиздат.- Режим доступа: [https://imwerden.de/pdf/camus_buntuyushhy_chelovek_1990.pdf;](https://imwerden.de/pdf/camus_buntuyushhy_chelovek_1990.pdf)
3. Спыну Л.М. В поисках истины: философия «абсурда и свободы» А.Камю// [Электронный ресурс]// Вестник РУДН, серия Философия, 2012, № 3. - Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-istinyfilosofiya-absurda-i-svobody-a-kamyu.](https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-istinyfilosofiya-absurda-i-svobody-a-kamyu)

© Салих Аумед Хама-али Салих (Omedhamaali@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Липецкий государственный технический университет

СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ, АКТУАЛИЗИРОВАННАЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ¹

Усенков Иван Алексеевич

Аспирант, Волгоградский государственный университет
i.usenkov@volsu.ru

STABILITY AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY, UPDATED IN RELATION TO THE SOCIAL SCIENCES²

I. Usenkov

Summary: The subject of the study is stability as a philosophical category that is relevant to the social sciences, primarily to law. It is concluded that most social systems have an open and dissipative character, and in their optimal state they are characterized by dynamic stability. The author identifies the signs of a dynamically stable social system: self-identity, relative constancy of elements, reasonable intensity of changes, adaptability. Thus, the dynamic stability of a social system means the preservation of its stability, that is, an adaptive and reasonable intensity of changes while maintaining self-identity and the relative constancy of the elements, in a certain time perspective.

Keywords: stability, dynamism, dialectics, properties of systems, social systems.

Аннотация: Предметом исследования является стабильность как философская категория, актуализированная к социальным наукам, в первую очередь, к праву. Сделан вывод о том, что большинство социальных систем имеют открытый и диссипативный характер, в оптимальном состоянии им свойственна динамическая стабильность. Автором выявлены признаки динамически стабильной социальной системы: самоидентичность, относительное постоянство элементов, разумная интенсивность изменений, адаптивность. Таким образом, динамическая стабильность социальной системы означает сохранение ей устойчивости, то есть адаптивной и разумной интенсивности изменений при сохранении самоидентичности и относительного постоянства элементов, в определенной временной перспективе.

Ключевые слова: стабильность, динамизм, диалектика, свойства систем, социальные системы.

Любое исследование динамических свойств права вынужденно оперирует понятием «стабильность», осмысление которого лежит в плоскости философии. Актуализация философской категории применительно к правовой реальности, то есть выведение из нее более конкретного и относимого к отдельной социокультурной области – праву – понятия, имеет свои пределы. Стабильность сама по себе не теряет своего всеобщего характера, не становится понятием юридической науки. Актуализация, таким образом, позволяет, с одной стороны, выделить стабильность права как особую категорию и конкретизировать ее самостоятельные свойства, а с другой – сохранить преемственность понятия, его философское начало и синергетическую связь с другими областями познания, поскольку, являясь культурным феноменом, право взаимозависимо с иными продуктами взаимодействия человеческого и природного миров.

Покой и движение материи являются основаниями понятий «стабильность» и «нестабильность». Явно или имплицитно присутствуя в ключевых философских концепциях, они по сегодняшний день остаются объектом

пристального внимания ученых. Стабильность в последнее время получает новое прочтение не только в социогуманитарных науках. Одним из ключевых изменений XX века в естественнонаучной картине мира стал отказ от детерминизма, обусловивший новое понимание соотношения и значения стабильности и нестабильности.

Во многом благодаря популярности диалектики в развитии философской мысли, стабильность, явно или латентно, осмыслялась ключевыми мыслителями различных эпох. Философия науки, в том числе социально-гуманитарной, и философия искусства также на протяжении всего своего развития так или иначе затрагивают стабильность. Социальная философия занимается проблемами актуализированной категории стабильности, в том числе стабильности социальных систем.

При этом развитие мира через противоречия по сей день исследуется преимущественно в гегелевских категориях, однако менее оптимистично и более осторожно. Возрождение понятия «энтелехия» Гуссерлем во многом связано со скепсисом в отношении того, что развитие

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90067.

2 The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90067.

человечества обусловлено ее включенностью в этот процесс. Энтропия и регресс становятся лейтмотивом исследований пессимистично настроенных философов и обязательной оговоркой для остальных, обосновывающих развитие, но развитие в виде спирали, обязательно содержащей периоды упадка. Стабильность реальности как воплощения абсолютного духа не только не достигнута, но и более не постулируется в качестве достижимой цели. Таким образом, если в нынешнюю эпоху постмодерна и можно говорить о стабильности как философской категории, то она будет не стабильностью неподвижности, развития, движения к реализации абсолютного духа или энтелехии человеческой природы, а стабильностью неизбежности неравновесных прогресса и упадка в результате субъективного синтеза как решения возникающих противоречий.

Исследование философской категории «стабильность» является крайне важным для сущностного понимания основ стабильности права, однако само по себе не несет какого-либо практического эффекта для ее исследования. С другой стороны, работа над исключительно прикладной составляющей правовой стабильности элиминирует философскую глубину самого понятия стабильности. Это обуславливает необходимость воспользоваться методом актуализации философских категорий, избрав частный для философии, но общий для права институт, выводы о стабильности которого вместе с категориальным аппаратом будут применимы к правовой стабильности.

Таким институтом могут являться социальные системы – предмет изучения социальной философии [3, С. 189]. Характерна классификация стабильности социальных систем, предлагаемая данной наукой:

1. Статическая стабильность:
 - a. неподвижная (статичная система);
 - b. подвижная (равновесная, т.е. сбалансированная система).
2. Динамическая стабильность [1, С. 3].

Как видно из названий, даже среди подвидов статической стабильности абсолютная неизменяемость характеризует только один. В целом же статическая стабильность связывается с эффективным сопротивлением социальной системы внешним воздействиям, низкой степенью восприимчивости к ним.

Абсолютно неподвижная социальная система, замкнутая в себе и изолированная от внешнего мира, не способна существовать на протяжении сколь бы то ни было значительного промежутка времени в связи с неизбежностью трансформации или распада под давлением внутренних или внешних факторов.

Равновесные системы представляют собой попытку

избежать врожденной нежизнеспособности статичных систем с помощью признания принципиальной возможности незначительных изменений и некоторой открытости к среде. При этом изменения в сбалансированных системах представляют собой, по сути, не более чем флуктуации исходных состояний, не снимающих внутренних и внешних противоречий, а допускаемая, пусть и небольшая, степень открытости рано или поздно приводит к потере равновесности и краху подобных систем. Попытки реформирования путем произвольного перевода социальной системы из одного стабильного состояния в другое не влияют положительным образом на жизнеспособность таких систем, поскольку обычно изменения не релевантны реальным запросам перемен. Например, большинство тоталитарных режимов представляют собой как раз попытку построить систему общества, подвергающуюся изменениям исключительно по воле властной элиты и не более, чем, например, того требует научно-технический процесс.

Поскольку же большинство социальных систем имеют открытый и диссипативный характер, в оптимальном состоянии им свойственна динамическая стабильность, то есть способность к трансформации сообразно адаптированному воздействию окружающей среды и внутренним потребностям системы с сохранением определенной степени ее устойчивости [2, С. 167]. Из данного определения следуют такие признаки динамически стабильной системы, как:

1. Самоидентичность. О сохранении стабильности на протяжении определенного промежутка времени можно говорить лишь в том случае, если речь идет об одном объекте, пусть и изменившемся. Данный тезис содержит в себе два проблемных аспекта. Каким должен быть контрольный промежуток времени? Какие элементы системы должны остаться неизменными?

Полагаем, что ответ на первый вопрос не имеет принципиального значения. Отслеживать стабильность системы можно как на протяжении краткосрочных, так и длительных периодов времени. При этом следует понимать, что стабильность в них будет преимущественно отличаться. Так, динамическая стабильность в краткосрочном промежутке времени предполагает сохранение структуры системы, качественных и количественных показателей элементов и признаков (за исключением незначительных изменений структуры, преимущественно связанных с ее усложнением), при этом сами такие компоненты и свойства могут меняться. Таким образом, сохранение структуры, качества и количества составляющих систему элементов является признаком ее самоидентичности. Однако в долгосрочном периоде динамическая стабильность социальной системы может включать значительные изменения ее структуры. По-

казателями самоидентичности при этом являются: постепенный и преемственный характер таких изменений, единство и непрерывность осознания системы ее эксплуатантами или самосознания ее акторов, полное или преимущественное сохранение принципов функционирования системы.

2. Относительное постоянство элементов. Несмотря на первичную роль структуры в сохранении стабильности системы, устойчивая структура в условиях постоянной смены даже качественно однородных элементов не всегда означает стабильную систему. Количество и частота подобных изменений должны быть ограничены. При этом обобществленный характер выводов настоящего исследования как сделанных в отношении любых социальных систем не позволяет привязать этот и все иные критерии к конкретным числовым показателям, но даже в отношении конкретных социальных систем возможность формулирования определенных математических значений имеет дискуссионный характер.
3. Разумная интенсивность изменений. Соотносимость эволюции системы с изменениями в фундаментальных отношениях, на которых она вы-

строена, означает одновременно динамизм как неизбежную связь с окружающей реальностью, и ограниченность этого динамизма, в отсутствие которой система разрушается из-за потери самоидентичности или смерти под влиянием внешних воздействий из-за разрыва связей с иными элементами макросистемы.

4. Адаптивность. Способность под воздействием внешних и внутренних факторов сохранять свои свойства и при этом в необходимой степени мимикрировать является условием выживания любой социальной системы.

Таким образом, стабильность социальных систем в современных исследованиях контекстуально подразумевает именно динамическую стабильность как оптимальное и желаемое, а зачастую – и единственно возможное на протяжении сколько-нибудь продолжительного промежутка времени состояние. Динамическая стабильность социальной системы означает сохранение ей устойчивости, то есть адаптивной и разумной интенсивности изменений при сохранении самоидентичности и относительного постоянства элементов, в определенной временной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева Р.А. Стабильность как одно из возможных состояний социальной системы / Р.А. Абдуллаева // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2006. – № 12. – С. 1-7.
2. Глобальная этносоциология / А.К. Гуц; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Ом. гос. ун-т. - Омск : ОмГУ, 1997. - 212 с.
3. Зайцева Л.Ю. Стабильность и нестабильность как философские категории и содержание развития социума / Л.Ю. Зайцева // Булгаковские чтения. – 2011. – № 5. – С. 189-194.

© Усенков Иван Алексеевич (i.usenkov@volsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Astrakhantseva Iu. – Ph.D. Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Udmurt State University"

Belyaev P. – Samara State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Samara)

Bolsun S. – Deputy Director, Research Institute of Clinical Hypnosis

Borovik M. – graduate student, Krasnodar state institute of culture

Budaud K. – Postgraduate student, Kazan Federal University

Bugaeva A. – Postgraduate student, Kuban State University, Krasnodar

Byalyatskaya A. – postgraduate student, Don State Technical University

Chapligin S. – Samara State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Samara)

Darwish Shaza – PhD student, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Evsiouk A. – Candidate of psychological Sciences, Senior Research Officer, Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation

Feoktistova Yu. – post-graduate student, RSPU named after A.I. Herzen; psychologist, TSVL "Child Psychiatry" named after S.S. Mnukhin, St. Petersburg

Filinova E. – Irkutsk State University

Glavatskikh M. – Ph.D. Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Udmurt State University"

Golyшева I. – Postgraduate student, Russian Academy of National Economy and public service under the President of the Russian Federation, Moscow

Guliyeva L. – PhD in Philology, Associate Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

Jean Becchio – Professor, Research Institute of Clinical Hypnosis,

Khaidov S. – PhD in psychology, associate professor, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

Khaidov S. – PhD in psychology, associate professor, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

Kiseleva A. – Senior Methodologist, Institute of Education Development of Irkutsk Region

Kocharsky L. – graduate student of Sochi state University; Junior Researcher, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sochi

Kostrigin A. – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow

Kuzmin M. – assistant Professor, Irkutsk State University

Maksoud Marilyn – PhD Student, Saint Petersburg State University

Matrokhina A. – Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

Mazankina E. – Samara State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Samara)

Mironova E. – Senior Lecturer, Irkutsk State University

Nikiforova S. – graduate student, Krasnoyarsk State Medical University named after V.F. Voyno-Yasenetsky

Osipenok O. – K. ped. Sciences, Associate Professor, Irkutsk State University

Petrochenko I. – National Research Tomsk State University, Tomsk

Petrova S. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Rovnov S. – Samara State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Samara)

Sachkova N. – Teacher, Orenburg Regional College of Culture and Arts; postgraduate student, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts

Salikh Aumed Khama-ali Salikh – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lipetsk State Technical University"

Savosin S. – Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow

Shchelin I. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University, Tomsk

Shtriker Yu. – Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Torosyan V. – Doctor of Philosophy, professor, Krasnodar state institute of culture

Ulanova A. – Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

Usenkov I. – Postgraduate, Volgograd state University

Varnin A. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Udmurt State University"

Zavodov A. – postgraduate student, Don State Technical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).